

И С С Л Е Д О В А Н И Я
П О И С Т О Р И И Р А Б С Т В А
В А Н Т И Ч Н О М М И Р Е

Редакционная коллегия:

К. К. ЗЕЛЬИН, А. И. ПАВЛОВСКАЯ,
С. Л. УТЧЕНКО, Е. М. ШТАЕРМАН

А. И. ДОВАТУР

РАБСТВО В АТТИКЕ
в VI—V вв. до н. э.

Ленинград

« НАУКА »

Ленинградское отделение

1980

Монография представляет собой систематическое обозрение истории рабства в Аттике в VI—V вв. до н. э. Широко использованы как античные источники, так и отечественная и зарубежная литература. В последней главе освещаются взгляды на рабство трех крупнейших представителей греческой литературы — Аристофана, Эврипида и Аристотеля.

Книга рассчитана на специалистов — историков и филологов, а также на читателей, интересующихся античностью.

ВВЕДЕНИЕ

Тема рабства в античную эпоху в последние десятилетия весьма интенсивно разрабатывается и в отечественной, и в зарубежной литературе. Целый ряд монографий, посвященных проблемам античного рабства по отдельным регионам Средиземноморья, уже был опубликован в серии «Исследования по истории рабства в античном мире».

Предлагаемая ныне вниманию читателей книга посвящена рабству в крупнейшем рабовладельческом центре античного мира — Афинах в VI — V вв. до н. э. Дошедшие до нашего времени античные свидетельства о рабовладении в Афинах породили значительную литературу, в которой эти свидетельства были весьма тщательно, но далеко не одинаково интерпретированы. Автор поставил своей целью привести по возможности достаточно полную сводку разнообразных античных¹ материалов, так или иначе характеризующих афинское рабство, а также собрать и сопоставить результаты, полученные до него при изучении этих материалов.

Отправной точкой настоящего исследования служит реформаторская деятельность Солона, связанная с отменой кабального рабства для афинских граждан, так как именно с реформ Солона рабство в Афинах приобретает отчетливо выраженное античное качество — рабы в Афинах с этого времени уже не афиняне, но чужеземцы.

Реформы Солона были результатом острой борьбы между различными социальными группировками, в результате которой для афинского общества открылся путь к развитию рабовладельческой демократии. В основе этой демократии лежало развитое, античное рабство. На примере Афин особенно отчетливо прослеживаются характерные черты античного рабовладельческого государства, тем более что и сведения об афинских рабах, которыми мы располагаем, намного превосходят сведения о рабах других греческих государств.

¹ Наш читатель по существу располагает только работой Валлона (Валлон А. История рабства в античном мире. Греция. Пер. С. П. Кондратьева. М., 1941), представляющей ныне библиографическую редкость.

В книге рассматриваются различные стороны проблемы афинского рабства, в том числе вопрос об источниках пополнения рабов, о применении рабского труда, о юридическом положении рабов, а также слова, обозначающие рабов. Автор считает необходимым уделить особое внимание вопросу о численности рабов в Афинах, неоднократно служившему предметом ожесточенных споров исследователей, приходивших при его решении к самым различным, нередко диаметрально противоположным выводам. В этой связи рассматриваются не только материалы античных источников, но и аргументация ученых, в трудах которых мы находим те или иные построения по вопросу о численности афинских рабов.

В заключение автор предоставляет слово для суждения об афинском рабстве (и о рабстве вообще) представителям различных жанров античной литературы — Аристофану, Эврипиду, Аристотелю, руководствуясь тем соображением, что любые гипотезы современных ученых не могут считаться обоснованными, если они вступают в противоречие с оценками древних авторов.

Глава I

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АТТИЧЕСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА К НАЧАЛУ VI В. ДО Н. Э.

Наиболее ранние свидетельства о рабстве в Афинах обнаруживаются в источниках, рисующих положение крестьянских масс в Аттике накануне реформ Солона. Обратимся в этой связи к «Афинской политике» Аристотеля, где изображается бедственное состояние аттического народа в конце VII и в первые годы VI в. до н. э. Как отмечает Аристотель, государственный строй Афин был олигархическим «во всех прочих отношениях»: *ἦν γὰρ αὐτὸν ἡ πολιτεία τοῖς τε ἄλλοις ὀλιγαρχικῇ πάσῃ*, и далее: *καὶ δὴ καὶ ἐδούλευον οἱ πένητες πρὸς πλουσίοις καὶ αὐτοὶ καὶ τὰ τέκνα καὶ αἱ γυναῖκες* (2, 2). Сочетание *καὶ δὴ καὶ* употребляется в греческом языке при переходе от общего к частному. Следовательно, речь идет о подробности, иллюстрирующей положение бедных слоев населения при олигархии законченного типа, не оставлявшей народу никаких прав: *οὐδενὸς γάρ, ὥς εἰπεῖν, ἐτύχωνον μετέχοντες* (2, 3). Ударение у Аристотеля лежит несомненно на слове *ἐδούλευον*. Нам предстоит разобраться в реальном значении этого слова в приведенном месте «Афинской политики». Глагол *δουλεύω* в собственном смысле означает «быть рабом», т. е. находиться юридически в положении раба. Примеры такого употребления этого слова многочисленны. Геродот говорит о женщине, которая была продана, а затем стала рабыней: *πρὸς θήναι... ἔπειτα δουλεύουσα* (II, 56). То же слово употребляет Платон, рекомендуя определенные средства, которые могут обеспечить рабовладельцам более спокойное поведение их рабов (Платон придает большое значение разобщенности рабов — они не должны быть земляками): *μήτε πατριώτας ἀλλήλων εἶναι τοὺς μέλλοντας ροὴν δουλεύουσα* (Leg. VI, 19, 777 D). Такое же значение (рабство в собственном смысле) имеют слова *δουλεύειν*, *δοῦλος* у Аристотеля в «Политике» (I, 2, 15, 1255a, 4 et sq.). Несколько иное содержание вкладывается в эти слова в ряде других мест греческих авторов. У Геродота маги говорят Астиагу о своем положении при возможном переходе власти к Киру: *ἡμεῖς ὄντες Μῆδοι δουλούμεθα καὶ λόγου οὐδενὸς γινόμεθα πρὸς Περσέων* (I, 120) — «и мы, будучи мидянами, превращаемся в рабов и лишаемся всякого значения у персов». Из сочинения того же Геродота мы знаем

¹ Denniston J. D. The greek particles. 2nd ed. Oxford, 1959, p. 255.

о привилегированном положении мидян в Персидской державе, так что слово δουλούμεθα скорее надо бы перевести «находимся в порабощении» («в порабощенном состоянии»).

Оратор Ликург, говоря о тираническом правлении, употребляет глагол καταδουλόω: ἡ πόλις . . . ὑπὸ τῶν τράνων καταδουλώθη (In Leosg. 60) — «государство . . . было порабощено тиранами», при этом он не имеет в виду подлинного рабства, Геродот обозначает состояние Атики при тирании другим словом — καταχόμενον (I, 59)

О рабстве афинского народа при тирании говорит уже Солон καὶν εἴχετε δουλοσύνην (10, 3—4 Diehl). Из многочисленных других примеров подобного употребления слова приведем еще один. Ксенофонт вставляет в уста афинян такой отзыв о поведении Алкивиада во время его изгнания: ὑπὸ αἰρηχονίας δουλεύων ἡγουμένη μὲν θεωρεῖν τοὺς ἐχθίτους (Hell. I, 4, 15) — «из-за безвыходного положения он был вынужден, находясь в порабощении, служить злейшим врагам».

Теперь разберем наш случай (Aristot., Ath. Pol. 2, 2). Бедные назывались пелатами и шестидольниками: καὶ ἐκαλοῦντο πελάται καὶ ἑκτήμεροι. За такую плату они обрабатывали поля богачей: κατὰ ταύτην γὰρ τὴν μίσθωσιν [ἡ]ροῦντο τῶν πλουσίων πρὸς ἀγρούς. Дальше сообщается, что за невнос арендной платы они сами и их дети могли быть схвачены: καὶ εἰ μὴ τὰς μισθώσεις ἀποδίδωεν, ἀγῶνι καὶ αὐτοὶ καὶ οἱ παῖδες ἐγίνοντο. Следует остановиться на слове ἀγῶνι.² Образованные от глаголов прилагательные на -ιος означают чаще всего, как известно, возможность интранзитивного "или пассивного характера. Так, μάχιμος значит «способный сражаться», «боееспособный», ἐδωδιμος — «съедобный», πότιμος — «годный, для питья», καύσιμος — «способный гореть» и т. п. Соответственно ἀγῶνιμος — «тот, который может быть увиден, увезен». Применительно к людям мы не раз встречаем это прилагательное у авторов IV в. Ксенофонт приводит оправдательную речь фиванца, который убил изгнанника, самовольно возвратившегося в Фивы; оратор ссылается на постановление, согласно которому изгнанники могут быть арестованы (или подлежат аресту) и выведены из всех союзных городов: τοὺς φυγάδας ἀγῶνιμους εἶναι ἐκ παλίων τῶν συμπολιτῶν (Hell. VII, 3, 11). У Демосфена в речи против Аристократа слово ἀγῶνιμος встречается несколько раз (XXIII, 11, 16, 34, 35, 52, 215 etc.) всегда в значении «могущий быть захваченным, арестованным» (подлежащий захвату, аресту): εἴν τις ἀποκτείνῃ Χαρίδημον, ἀγῶνιμος εἴη; ἀγῶνιμος ἐκ τῆς συμπολιτείας πάσης.

Итак, в случае невноса арендной платы шестидольник подлежал захвату, т. е. — так выходит по смыслу — поступал вместе со своим потомством в собственность богача, который вправе

² Слово ἀγῶνιμος подробно анализирует Г. Свобода (Swoboda Н. Beiträge zur griechischen Rechtsgeschichte. Weimar, 1905, S. 168 et sq.; 208 et sq.). Тонкость юридического анализа Свободы отмечает К. К. Зельин (Зельин К. К. Борьба политических группировок в Атике в VI веке до н. э. М., 1964, с. 200).

завладеть человеком. С этого момента они вступают в новые отношения — господин и раб.

Такое понимание сообщения Аристотеля получает подтверждение и в последующих словах: *καὶ οἱ δανείσμοι πᾶσιν ἐπὶ τοῖς σωμασίν ἦσαν μέχρι Σόλωνα* (Ath. Pol. 2, 2) — «долговые обязательства были для всех под залог тела до Солона». Смысл сообщения не вызывает сомнений, но все же остается место для некоторых недоумений. Кто брал займы? Совершенно ли независимый крестьянин, становившийся затем в результате задолженности шестидольником? В этом случае и самое сосредоточение земли в руках немногих — *ἡ δὲ πᾶσα γῆ δι' ὀλίγων ἦν* — следует рассматривать как результат задолженности аттических крестьян. Или займы брал шестидольник? А может быть, тот и другой? Союз *καὶ*, которым начинается предложение о ссудах, дававшихся под залог тела, следует, по-видимому, объяснять так; в предыдущем речь шла об одном из путей закабаления, а был еще и другой путь — неоплатный должник (кем бы он ни был) становился рабом. Ясного ответа на поставленные выше и подобные им вопросы Аристотель, впрочем, не дает.

Окончание главы содержит указание на угнетенное настроение народной массы и на причины этого настроения, причем на первое место выдвинуто порабощение (*τὸ δουλεῖν*), а затем уже говорится о бесправии: *χαλεπώτατον μὲν οὖν καὶ πικρότατον ἦν τοῖς πολλοῖς τῶν κατὰ τὴν πολιτείαν τὸ δανεῖν οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τοῖς ἄλλοις ἐδύχεον οὐδενὸς γὰρ, ὥς εἰπεῖν, ἐτυχάνον μετέχοντες* (ibid. 2, 3).

В итоге получаем: 1) мрачный фон социальной картины с общей характеристикой — порабощение (*ἐδούλευον*, *τὸ δουλεῖν*) бедных богатыми; 2) отсутствие ясных ответов на естественно возникающие у читателя вопросы, слишком много беглые сообщения о социальных отношениях, но с вполне ясными указаниями на последние отрезки путей, приводивших свободного человека в состояние рабства.

Обратимся после этого к некоторым местам в дальнейших главах трактата Аристотеля. В конце описания драконтовской конституции читаем: *ἐπὶ δὲ τοῖς σωμασίν ἦσαν οἱ δανείσμοι καθ' ἑαυτὰ καὶ ἡ χώρα δι' ὀλίγων ἦν* (ibid. 5, 5). Подчеркнуты два момента, о которых речь шла выше: кабальные условия при заключении долговых обязательств и сосредоточение владения землей в руках немногих.

В начале своего перечисления реформ Солона Аристотель говорит: *κύριος δὲ γινόμενος τῶν πραγμάτων Σόλων τὸν τε ἄμυν ἡγεύσας* *καὶ ἐν τῷ παρόντι καὶ εἰς τὸ μέλλον. κώστας δανείζειν ἐπὶ τοῖς σωμασίν, καὶ νόμους εὐνκε καὶ κρῖν ἀποκοπὰς ἐποίησε καὶ τὸν ἰδίον καὶ τὸν ἀμύνων, ὡς σεῖσαθ' ἐῖαν κἀοοῖν* (ibid. 6, 1) — «став во главе дел, Солон освободил народ и на данный момент и на будущее, запретив давать займы под залог тела, и установил законы, и провел отмену долгов — и частных, и общественных, что называют сисахфией». Запрещение кабального рабства и отмену долгов Аристо-

тель называет освобождением народа, т. е. ликвидацией того порабощения, в каком находилось аттическое крестьянство до реформ Солона, тем самым показывая, что все беды, включая и состояние шестидольничества, были результатом задолженности.

Подводя общие итоги реформ Солона, автор «Афинской политики» ставит на первое место в числе мер, имевших наибольшее значение для развития демократии, запрещение кабальных условий при заключении займов: *πρῶτον μὲν καὶ μέγιστον τὸ μὴ δανείζειν ἑσὶ τοῖς σῶμασιν* (ibid. 9, 1).

Почему в сообщениях Аристотеля мы не находим тех точных данных, какие могли бы удовлетворить современного историка, желающего более конкретно представить себе социальные отношения, сложившиеся в Аттике к концу VII в.?

Если оставить в стороне вопрос о том, существовала ли у Аристотеля возможность извлечь более конкретные данные из своих источников, то при любом (положительном или отрицательном) ответе можно спросить себя — почему Аристотеля могло удовлетворить то, что отложилось в «Афинской политике»? Видимо, потому что ему важнее всего было нарисовать общую мрачную картину, чтобы показать заслугу Солона как предстателя народа и основателя демократии. Аристотель, независимо от того, мог он или не мог получить больше от своих источников, написал то, что ему самому в данном случае казалось необходимым. Солон аннулировал долговые обязательства и запретил обращать в рабство неоплатных должников. Значит, нужно было указать (что Аристотель и сделал) непосредственные причины превращения свободного человека в раба: невзнос арендной платы и вообще неуплата долгов (шестидольник не раб в собственном смысле, так что вопрос о переходе независимого крестьянина в разряд шестидольников не находится в поле зрения автора). Говоря о порабощенном состоянии народа, Аристотель имеет в виду и шестидольников, но о процессе перехода крестьянина-собственника в шестидольника он предоставляет догадаться читателю, сам же ограничивается указанием, что запрещение долгового рабства и отмена долгов принесли народу свободу (ibid. 6, 1).

Отсутствие детализации в сообщениях Аристотеля в некоторой степени компенсируется цитатами из поэтического наследия Солона. Ближайшее отношение к нашей теме имеет отрывок из ямбического стихотворения, в котором поэт-реформатор, отвечая своим политическим противникам, как бы дает отчет в своей деятельности. Прежде всего мы улавливаем здесь мотив рабства и свободы в противопоставлении того, что было до реформ Солона, и того, что принесли с собой реформы. Земля раньше была порабощена, а теперь она свободна: *πρὸς θεὸν δ' ἐ δούλευοῦσα, νῦν ἐλευθέρη* (ibid. 12, 4). Дальше следуют подробности: о возвращении проданных за границу афинского государства, из контекста видно — за долги, так как речь идет о продаже людей законным и незаконным образом (*ἐκατίκως, ἀκατίκως*); о возвраще-

нии бежавших под влиянием нужды; об освобождении от позорной рабской доли тех, кто здесь, на родине, трепетал перед своими господами — *δουλίην... ἔχοντας... ἐλευθέρους ἔθρην*. Как полагают, стихотворения Солона несомненно основной источник для Аристотеля в его изображении социальных отношений в Аттике накануне реформ Солона. Кроме упомянутого ямбического стихотворения, приведенного в «Афинской политике», о продаже бедных людей на чужбину и заключении их в оковы говорится еще в одном стихотворении Солона (№ 3, 23-25).

Черные краски в изображении социальной действительности афинского государства перенесены Аристотелем в «Афинскую политику» прямо из стихотворений Солона, причем стихотворные цитаты из первоисточника избавляли Аристотеля от необходимости вдаваться в детали. Не будет слишком смелым предположить, что слова Аристотеля о порабощенном состоянии не только самих бедняков, но и их жен и детей: (*ἐδούλευον*) *καὶ αὐτοὶ καὶ τὰ τέκνα καὶ οἱ γυναῖκες* (Ath. Pol. 2, 2) — довольно резко контрастирующие по своему тону с почти юридически сформулированным предложением *σφύζοντο καὶ αὐτοὶ καὶ οἱ παῖδες ἐγίγνοντο* (ibid.), могли быть навеяны каким-нибудь местом из утраченного стихотворения Солона.

То, что мы находим в «Политике», может только подтвердить сделанное выше предположение. Солон положил конец порабощению народа: *δούλευοντα τὸν ἄνθρωπον παύσαι* (II, 9, 2, 1273b, 37—38); народной массе Солон дал те политические права, без которых народ был бы рабом: *ὁ δῆμος δόσος ἂν εἴη* (II, 9, 4, 1274b, 17—18). И здесь подчеркнуто порабощенное состояние, которому положил конец реформатор.

Спустя четыреста лет после Аристотеля о положении аттического крестьянства накануне реформ Солона пишет Плутарх. Его сообщение во многих отношениях отличается от того, что дает Аристотель. Плутарх не употребляет слова «порабощение» и родственных ему; нет у него и эмоционально окрашенной подробности о женах и детях. Говорится об антагонизме (*ἀνῆμαλλατα*) бедняков и богачей, который дошел до крайнего предела; казалось, что успокоение государству может дать только установление тирании. Само изображение положения крестьянства отличается большей конкретностью и стройностью. Весь народ (т. е. вся народная масса) была ^в Долгу у богачей: *ἀπὰς μὲν γὰρ ὁ δῆμος τὴν ὑποχρῆσιν τὴν πλουσίῳ* (Sol. 13, 4). Задолженность Плутарх выдвигает на первый план как общую характеристику положения, тогда как в той же связи Аристотель говорит о порабощении. У Плутарха состояние шестидольников есть результат задолженности: *ἢ γὰρ ἐγεῖργον ἐκεῖνοις ἱ*τα τὸν γενόμενον τελοῦντες, ἐκτὴν ὁρίῳ προσαγορευόμενοι καὶ θῆτες* (ibid.) — «ведь они либо обрабатывали поля для тех, платя шестую часть урожая, нося название шестидольников и фетов». Другая деталь — должники, бравшие ссуду под залог тела (сюда,

надо думать, относились и многие из шестидольников), затем (подразумевается — в случае неуплаты долга) захватывались заимодавцами и становились рабами, причем одни оставались в этом состоянии на родине, а другие продавались за пределы страны: ἢ χρέα λαμβάνοντες ἐπὶ τοῖς σόμοσιν, ἀγῶγμοι τοῖς δονείσοσιν ἦσαν, οἱ μὲν αὐτοῦ δουλεύοντες, οἱ δ' ἐπὶ ξένην πτωροσκόμενοι (ibid. 12, 4). Два последних штриха: многие вынуждены были продавать своих детей (закон не запрещал это) и бежать из города из-за жестокости заимодавцев: πολλοὶ δὲ καὶ παῖδας ἰδίους ἡγοράζοντο πωλεῖν — οὐδεὶς γὰρ νόμος, ἐκάλε — καὶ τὴν πόλιν φεύγειν διὰ τὴν χαλεπότητα τῶν δονεισῶν (ibid. 12, 5). Зависимость Плутарха от стихотворений Солона не подлежит сомнению. В сущности все подробности, находимые нами у Плутарха, имеются в сохранившихся стихотворениях Солона. Исключение составляет только свидетельство о продаже детей отцами (не будем гадать, не могла ли эта деталь упоминаться в каком-либо утраченном стихотворении).

Откуда эта стройность и сравнительная обстоятельность у автора, бывшего не историком-исследователем, а скорее моралистом, подходившим к героям своих биографий с этическим мерилom? Недоумение увеличится, если мы обратим внимание на контекст в целом. После подавления заговора Килона в Атике были три политические группировки: диакрии с демократическими тенденциями, педиеи с олигархическими, паралы, отличавшиеся умеренными взглядами. Все это — на фоне того бедственного состояния атического крестьянства, которое характеризуется задолженностью и кабальными условиями долговых обязательств. «Афинская полития» Аристотеля знает о трех политических группировках с теми устремлениями, какие приписываются им у Плутарха, но речь о них идет у Аристотеля только в связи с событиями, наступившими после реформ Солона, и с настроением разных слоев афинского общества, порожденным этими реформами (13, 3—5). О сознательной переработке Плутархом данных «Афинской политии», которую он к тому же едва ли держал в руках, думать не приходится. Скорее всего Плутарх просто передает то, что он нашел у того перипатетического писателя, который был его основным источником для жизнеописания Солона, т. е. у Гермиппа (III—II вв. до н. э.). Последний либо сам изучал стихотворения Солона и другие имевшиеся источники, либо воспользовался исследованием кого-либо из предшествовавших ученых перипатетической школы. Закладные столбы на земле, снятые Солоном: ορούς ἀνέilon πολλὰ αἴη πετρηότας (№ 24, 6), т. е. та конкретная подробность, о которой говорит сам Солон, послужила основанием обозначить словом *πτόχεος* общее состояние афинского народа. Конечно, и аристотелевская антитеза порабощение—освобождение также в конечном счете опирается на слова Солона, хотя бы на следующий же стих: *πρόθευ δὲ δουλεύουσα, νῦν ἐλευθέρη*. Аристотель выбрал способ выражения, какой нужен был для ореола освободителя и простата — таким ведь был Солон в исторической тра-

диции; позднейший же перипатетик предпочел слово, которое дало бы ключ к пониманию реальной обстановки.

Стихотворения Солона, а затем и зависящие от них источники (каждый под своим углом зрения) говорят об одном и том же. К концу VII в. до н. э. над аттическим крестьянством нависла большая угроза — превращение некогда свободных земледельцев в зависимых людей.³ Заем под залог тела был предпоследним этапом на пути к переходу свободного человека в раба в собственном смысле. В промежутке был заклад земли с постановкой закладного столба. Остановить процесс закабаления крестьянства было мало, требовалась более радикальная мера — отмена долговых обязательств и запрещение кабального рабства вообще в соединении с признанием незаконности всего того, что проистекало из ранее заключенных займов под залог тела. Так путем ликвидации считавшегося прежде законным пути перехода от свободного состояния в рабство было предотвращено великое социальное бедствие.

Читая Аристотеля и Плутарха, мы не должны забывать о том, что ни тот, ни другой автор не задаются целью представить полную картину социального положения в Аттике накануне реформ Солона. Оба автора сосредоточивают свое внимание на одном определенном, конечно очень важном и характерном для эпохи, социальном конфликте — между богатыми землевладельцами и бедным слоем населения, преимущественно сельским. К тому же для Аристотеля богатые и бедные — две извечные социальные категории; о богатых и бедных он говорит на протяжении всей своей «Политики».⁴ Схематичность изображения Аристотеля и Плутарха очевидна. Но адекватно ли действительности подобное изображение? Сам Аристотель говорит в «Афинской политике» о принадлежности Солона по имущественному и общественному положению к средним слоям населения: ἦν- δ' ὁ ΣΟΛΩΝ. . . τῇ δ' ὀσείᾳ καὶ τοῖς πράγμασι τῶν μέσων (5, 3). В «Политике» высказывается мнение, что наилучшие законодатели выходят из средних слоев населения; Ев числе таких законодателей и Солон: τοὺς βέλτιστους νομοθέτας εἶναι τῶν μέσων πολιτῶν. . . ΣΟΛΩΝ τε γὰρ ἦν τούτων (IV, 9, 10, 1296a, (19—20). Так же характеризует положение Солона в афинском обществе Плутарх: δημοτικὸς ὢν καὶ μέσος (Sol. 16, 2). О средних гражданах говорит Плутарх и в другом месте: πολλοὶ δὲ καὶ δια μέσου πολιτῶν (ibid. 14, 5) — «не противились тому, чтобы управление государством перешло в руки Солона, многие из средних граждан». Между тем об этих «средних» в общей картине социального состояния Аттики упоминания нет ни у Аристотеля, ни у Плутарха. Имущественная градация афинского гражданства,

³ Яркая картина социального положения в Аттике накануне реформ Солона дается в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»⁴ Энгельса (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 111—112). См.: Зельдин К. К. Борьба политических группировок. . . , с. 56, 157, 59, 61, 67, 72.

легшая в основу политической реформы Солона (так называемые четыре «класса»), которая не могла внезапно возникнуть на следующий день после отмены долгового рабства, также не нашли своего отражения в описании бедственного состояния Аттики.

Сам Солон в одном из своих стихотворений (№ 1) перечисляет разные профессии людей и постигающие их неудачи и разочарования, имея в виду, конечно, не только греков вообще, но и в первую очередь свое отечество. Мы видим здесь странствующего по морям торговца, воодушевляемого надеждой на большие барыши (v. 43—46); земледельца-батрака, нанятого на год, чтобы обрабатывать чужую землю (v. 47—48; слово *λοτρεῖται* наводит на мысль, что имеются в виду те крестьяне, которые до реформы были лишены своей земли либо после реформы были зачислены в разряд фетов) ремесленника, кормящего себя трудом своих рук (v. 49—50) поэта, «наученного дарам олимпийских муз» (v. 51—52); прорицателя, распознающего беду, издали надвигающуюся на человека (v. 53—56); врача, владеющего делом Пэона, сведущего во многих лекарственных средствах (v. 57—62).

Конечно, не все перечисленные группы населения являются в подлинном смысле классами или элементами, определяющими собой структуру общества, но торговцы и ремесленники в той или иной степени являются ими. Для нас важно следующее: даже эти скудные источники дают некоторые конкретные сведения для познания состава афинского общества к концу VII—началу VI в до н. э. Схема богачи—бедняки недостаточна для уяснения реального состава этого общества.

Наиболее простое объяснение общего характера сведений получаемых из двух основных прозаических источников, Аристотеля и Плутарха, можно, думается, получить, если проанализировать первоисточник, который был им и для античных авторов. Речь идет о стихотворениях Солона. Бесспорно, ко времени, предшествующему реформам, относится стихотворение (№ 3), которому условно дано заглавие «Благозаконие» (*Εὐνομία*). Поэт рисует здесь безотрадное внутреннее состояние афинского государства. Сами граждане губят великое государство своим неразумием, подчиняясь деньгам (v. 5—6). Руководители народа, у которых «несправедливый ум» (*ἄδικος νόος*), не умеют сдерживать своего корыстолюбия и занимаются грабежом, не щадя ни священного, ни государственного достояния (v. 7—16). Весь полис находится под угрозой и скоро впадет в рабство, став жертвой междоусобного раздора и войны, причем грозным симптомом поэт считает то, что «многолюбимый город терзается на собраниях, любезных несправедливым людям» (v. 17—32). Отметим здесь угрозу порабощения: *ἐς δὲ καὶνὰ τέρας ἦλθε δουλῶσιν* (v. 18). Контекст не позволяет с точностью определить, о каком рабстве (порабощении) думает поэт — о подчинении ли другому государству или о порабощении большей части граждан. В пользу второго предположения говорят скорее стихи, в которых в самых

черных красках рисуется положение бедных слоев афинского гражданства (v. 23—29), они кончаются словами: ΤΑΥΤΑ ΜΕΝ ἔνδηο στρέφεται κάκα — «такие беды вращаются среди народа». С этими всенародными бедами сопоставляются беды неимущих: τῶν δὲ ΠΕΝΙΧΡῶΝ ἴΚΝΟΝΤΑΙ ΠΟΛΛΟὶ ΓΑΪΑΝ ἔς ἈΛΛΟΔΑΠῆΝ, ΠΡΑΘΈΝΤΕς δεοῦσιν τ' ΑἰΚΕΛΑΤΟΙςΙ ΔΕΘΈΝΤΕς — «а из бедняков многие уходят в чужую землю, проданные и заключенные в оковы». Дальше образно изображается народное бедствие (ΑΗΜΟΣΙΟΝ ΚΑΚΟΝ), которое приходит к каждому в дом. Внешние двери не могут («не хотят») удержать его, оно перепрыгивает через ограду и настигает человека даже в отдаленном углу его спальни (v. 23—25). Наконец, после перечисления бед, какие несет с собой для государства беззаконие (ΔΟΞΝΟΜΊΗ), следуют стихи (v. 32—39), посвященные благозаконию. За общими словами о благораспорядке и подобающем состоянии, которые приносит с собой благозаконие, об оковах, которые оно налагает на несправедливость, идут, может быть, не очень ясно выраженные, но все же в какой-то степени обнадеживающие намеки на то, что от благозакония нужно ожидать изменений к лучшему. В каком-то смысле программой действий звучат и слова о том, что благозаконие сглаживает шероховатости, кладет предел пресыщению, уничтожает наглость, сушит вырастающие цветы злодеяния, «выпрямляет кривые суды», унимает высокомерные дела, прекращает раздоры и т. д., при его господстве все у людей приходит в подобающее состояние и становится разумным.

Это стихотворение могло дать и дало для последующих исторических описаний общий мрачный фон эпохи и некоторые конкретные детали о бедственном состоянии низов гражданства и продаже в рабство многих за границу страны. Но в нем — и это главное — все изображение у Солона оказывается в соответствии с целью, которой он занялся, в полной мере плоскостным. По каким причинам бедняки попали в бедственное положение, поэт не говорит (если не считать объяснением их бедствий «наглость», «пресыщение» и т. п. категории нравственного порядка).

Более осязательно положение бедных слоев афинян представлено в ямбах, созданных Солоном уже после реформ, когда ему приходилось отражать нападки людей, недовольных его реформаторской деятельностью (№ 24). Ямбические стихи, являясь ответом на укоры, заключают в себе апологии поэта-реформатора. Он выполнил то, ради чего он объединил народ: τῶν ΟΥΝΕΚΑ ΕΘΝΗΓΑΓΟΝ ΑΗΜΟΝ (N. 1—2). О конкретных мерах, осуществленных Солоном, в стихотворении говорится вполне *ясно*: Первая мера — он снял закладные столбы, в большом количестве водруженные на земле, которую он называет «величайшей матерью олимпийских божеств, черной Землей»: τῆς ἑγὼ πρῶτῃ ἀρούς ἈΝΕΤΑΟΝ ΠΟΛΑΑΧῇ ΠΕΠΗΓΟΤΑΣ (v. 4—6), о чем сама земля может наилучшим образом свидетельствовать: ΣΜΜΑΤΥΡΟΊΗ. . . ΑΡΙΣΤΑ (v. 3, 5). Ее прежнее состояние названо рабским, нынешнее (после снятия закладных столбов) — свободным (v. 6). Разумеется, с этими стихами тес-

нейшим образом связаны и дальнейшие. Вторая мера (точнее вторая сторона той же меры) — Солон возвратил в богозданное отечество, Афины, многих, кто был продан, одни — на законном основании, другие — противозаконно: πολλούς δ' Αθήνας πατρίδι' ἐς θεότιπον ἀνιήγον προθέντας, ἄλλον ἐδόκιμος, ἄλλον δικάως (v. 9, 11). Имеются в виду заложившие свою землю и не выкупившие ее, а потому утратившие права собственности крестьяне; потеряв землю и нуждаясь в средствах, бедняк заключал заем под залог своего тела. Став неоплатным должником, бедняк превращался в раба. Продажа за пределы государства избавляла владельца, прежнего кредитора, от неприятного присутствия бывшего должника, еще помнившего о своем прежнем свободном состоянии. Произвол, царивший в стране, ярко иллюстрируется тем фактом, что человека можно было схватить и продать не только в соответствии с тогдашними правовыми нормами, но и вопреки им (ἐδόκιμος).

Каким образом были возвращены эти проданные уже в качестве рабов бывшие свободные люди, об этом Солон не говорит. Государство могло произвести выкупную операцию (и это наиболее правдоподобное объяснение). Существует, впрочем, и другое предположение: затраты по выкупу взяли на себя частные лица, та что выкупленные попали в зависимость от выкупивших пока не выплатили последним всей выкупной суммы, ведь законы СОЛОНА сделали одно единственное исключение из запрета кабального рабства — выкупленный из плена становился рабом выкупившего до возмещения суммы, затраченной на выкуп. Следует все я сказать, что торжественное заявление Солон о возвращении им в родину проданных за пределы страны едва ли совместимо с предположением об униженном положении возвращенных; ведь это предположение не исключает возможности не только длительного пребывания в рабстве после возвращения, но и пребывание в этом состоянии до самой смерти в случае отсутствия у выкупленного соответствующих средств.

Возвратил Солон и другую категорию должников — тех, кто бежал под гнетом нужды и много скитался на чужбине, забыв даже свой аттический язык: τοὺς δ' ἀνορκείης ὑπὸ χρείουσ φερόντας ὡς Ἀττικὴν ἔχοντας, ὡς ἌΝ πολλαχὴ πλανομένους (v. 10—11). Здесь вопрос решался проще, чем в предыдущем случае: возвращались бедствовавшие раньше люди, можно думать — впадши в долги и бегством спасшиеся от кабального рабства.

Была и другая, по-видимому наиболее многочисленная, группа кабальных должников — та, что оставалась на месте. Они испытывали тяжелое рабское положение и трепетали перед нравом своих господ. Актом отмены долгов и запрещением кабального рабства законодатель возвратил им утраченную свободу: τοὺς δ' ἐνθάδ' αὐτῶν δουλίην ἀεὶ ἔα ἔχοντας ἤθη δεσποτῶν τρομεμένους ἐλευθέρους ἐθίγα (v. 13—15).

На основании слов Солон о состоянии бедных слоев населения, главным образом сельского, можно сделать вывод: до реформ -

бедственное положение, закладные столбы на земельных участках, возможность захватить и продать бедняка не только по праву, но и в обход права, бегство многих за границу, рабская доля для многих, остававшихся в стране; после реформ — устранение этих бедствий. Легко угадать, что и стихотворения Солона, и сопровождавшее их историческое предание, своего рода исторический комментарий, без которого немыслима жизнь стихотворения, прямо подсказывает афинянам V — IV вв. объяснение всех этих социальных бед — задолженность неимущих слоев населения и кабальные условия займов (запрещение кабального рабства Солоном было общеизвестным фактом). Отсюда построения аттидографов и пользовавшегося Аттидами Аристотеля. самого Солона, поэта-публициста, естественно, интересовали два момента — что он застал в Аттике, приступая к своим реформам, и что получалось в результате реформ. Ведь таким образом, показав, какие социальные беды он устранил, Солон доказывал противникам плодотворность своей политической деятельности. В совокупности получается перечень его заслуг. Общий характер политических стихов Солона наложил отпечаток на изложение Аристотеля в «Афинской политике»: ἐδοῦλον οἱ πένητες τοὺς πλουσίους (2, 1); ἀρχαῖοι ἦσαν (ibid.); τὸ δοῦλεῖν (2, 3); πῶν πολλῶν δουλοῦντων τοὺς ὀλίγους (5, 1); τῶν τε δῆμον ἡλευθέρωσε (6, 1); τὸ μὴ δανεῖζειν ἐπὶ τοῖς σφύκοις (9, 1). I

В менее сжатом, чем у Аристотеля, изложении Плутарха мы видим такое же, даже с большим приближением к стихотворениям Солона, упоминание о рабстве (Sol. 13, 4). Плутарх дополняет картину бедствий сообщением о продаже некоторыми в рабство собственных детей, так как законом это не было запрещено (ibid. 13, 5). В целом у обоих авторов, в конечном счете зависящих и прямо, и косвенно от стихотворений самого Солона, получается, особенно у Аристотеля, изображение несчастного положения аттического крестьянства, лишенное перспективы. То, что не было нужно Солону для его публицистических целей, а потому и осталось вне поля его зрения, оказывается невыясненным и у Аристотеля, и у Плутарха. Народная масса, по Аристотелю, была в долгу у богатей; в качестве пелатов и шестидольников бедные обрабатывали поля богатых, в руках которых была вся земля. В случае невзноса арендной платы они и их дети могли быть схвачены (и превращены в рабов); вообще займы всегда заключались под залог тела (Ath. Pol. 2, 2).⁵ Но каким образом народная масса оказалась в положении пелатов и шестидольников, чем отличались друг от друга данные категории людей, было ли это состояние результатом задолженности или дело обстояло как-нибудь иначе (например, состояние шестидольника не было результатом задолженности, последний и до задолженности не владел землей)'

⁵ О характере отражения социальной действительности Афин в стихотворениях Солона убедительно пишет К. К. Зельин (Зельин К. К. Борьба политических группировок..., с. 178 и след., 193 и след.).

Закладные столбы, о которых говорил Солон (№ 24, 6), могли бы помочь античным авторам в той или иной мере разобраться в вопросе, но не использованы ими в этом смысле. Впрочем, и эти столбы допускали разные толкования. Важно, однако, то, что прямого толкования их мы не находим у Аристотеля и Плутарха, как не находим его по другой причине у Солона (последний ведь обращался к современникам, которые хорошо знали смысл столбов). Вопросами, которых не разъяснял Солон, Аристотель и Плутарх не задавались.

Интерпретация данных Солона, Аристотеля и Плутарха является в руках современных исследователей средством для реконструкции социальных отношений в Аттике перед реформами Солона. Прежде всего ученые нового времени ставят в связь тяжелое положение аттического крестьянства в конце VII—начале VI в. до н. э. с общим экономическим положением в Греции. Социальный кризис Афин изучается на фоне общей экономической эволюции греческих полисов. В VIII в. в Греции происходит экономический переворот. Начинает развиваться промышленность. Разделение труда если не вызывает к жизни, то во всяком случае способствует количественному росту и усилению значения ремесленников и торговцев, моряков. Монета, появившаяся сначала в Малой Азии, пришла и в греческие полисы метрополии и начала становиться мерилем богатства и, следовательно, определять собой социальный ранг гражданина. 6 *ΧΡΗΜΑΤΑ ΧΡΗΜΑΤ' ΑΝΗΡ* (Alcaeus, fr. 139) — «Де-

⁶ Кроме общих обзоров греческой истории см.: Guiraud P. *Etudes économiques sur l'antiquité*. Paris, 1905, p. 44 et sq.; Бузескул В. 1) Афинская полиция Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин-до конца V в. Харьков, 1906, с. 308 и след.; 2) История афинской демократии. СПб., 1909, с. 47 и след.; Linforth I. M. *Solon the Athenian*. Berkeley, 1919, p. 47 et sq.; Колобова К. М. 1) Издольщина в Аттике. — Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 11—12; 2) Революция Солона. — Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1939, № 39. Сер. истор. наук, вып. 4, с. 25 и след.; Woodhouse W. J. *Solon the Liberator*. Oxford, 1938, p. 47 et sq.; Лурье С. Я. К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI в. — Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1939, № 39. Сер. истор. наук, вып. 4, с. 73 и след.; Fritz K. V. The meaning of *ἐχτήσαοι*. — Amer. Journ. Philol., 1940, v. 61, p. 54 et sq.; Hammond N. G. L. The Seisachtheia and the Nomotheteia of Solon. — Journ. Hellenic Studies, 1940, v. LX, p. 71 et sq.; Lewis N. Solon's agrarian legislation. — Amer. Journ. Philol., 1941, v. 62, p. 144 et sq.; Шостакович С. В. К вопросу об издольщине в Аттике. — Труды Иркутск. ун-та, 1948, т. III. Сер. истор.-филол., вып. 2; Fritz K. V. Once more the *ἐχτήσαοι*. — Amer. Journ. Philol., 1943, v. 64, p. 24 et sq.; Trench A. The economic background to Solon's reform. — Class. Quart., 1956, v. VI, p. 11—12; Lotze D. 1) *Εχτήσαοι* und vorsolonisches Schuldrecht. — Philologus, 1958, v. 102, S. 1 et sq.; 2) *Μετὰ τὸ ἐλευθέρων καὶ δοῦλον*. — Deutsche Akad. Wissenschaft zu Berlin, Schriften der Sektion für Altertumswissenschaft 17, 1959, S. 3; Hammond N. G. L. Land tenure in Attica and Solon's Seisachtheia. — Journ. Hell. Stud., 1961, v. LXXXI, p. 76 et sq.; Леңцман Я. А. Достоверность античной традиции о Слоне. — В кн.: Древний мир. Сборник статей. М., 1962, с. 579 и след.; Trench A. Land tenure and Solon's problem. — Historie, 1963, Bd XII, N 1, S. 242 et sq.;

ньги, деньги — человек», поговорка, появившаяся в это время (приписывают ее спартанцу Аристодему; Diog. L. I, 1, 31).

После синойкизма, создавшего афинское государство, не вся земля принадлежала ионийским родам — *γενν*. Согласно предположению Г. Глотца, которое представляется нам вполне оправданным, часть земли обрабатывалась мелкими свободными собственниками, не входившими в состав этих родов. Положение мелких собственников еще в VIII в. до н. э., пока экономика страны основывалась на натуральном хозяйстве, могло быть сносным. Родовая знать, не заинтересованная в разорении крестьян, могла даже, как думают некоторые исследователи, приходить им на помощь в затруднительных случаях — ведь эти бедные собственники были чем-то вроде клиентелы для знатного человека и тем самым увеличивали его социальный престиж. Показательно, что еще в 621 г. законодатель Драконт назначал штрафы в виде голов животных, а менее тридцати лет спустя в законодательстве Солона речь идет уже о денежных штрафах (драхмы). Как бы ни была скромна в VII в. роль Афин в общегреческой экономике, самый факт циркуляции монеты в государстве свидетельствует об успехах индустрии и торговли. Афины вывозят отчасти продукты земледелия — вино, оливковое масло, но наряду с этим также произведения индустриального труда — изделия кузнецов и гончаров.

Афинская знать не оставалась в стороне от общего движения. Подобно аристократии других полисов афинские эвпатриды начали участвовать в торговых операциях, приносящих им большие выгоды. Денежные средства, результат участия в торговле, не только давали возможность жить в роскоши, но и сами могли быть источником дальнейшего обогащения. Алчность, жадность (*κεραός, πλεονεξία*), вызывающие негодование Солона, видевшего в них социальное зло, конкретно воплощались в ростовщичестве. Богатый эвпатрид не только и, вероятно, не столько копил у себя дома деньги, не только употреблял их на приобретение предметов роскоши, но и пускал в рост, получая большие проценты и ставя в зависимость от себя малоимущих должников. Этими должниками были в значительной части крестьяне, положение которых при господстве денег стало катастрофическим. Деньги — необходимый элемент в хозяйстве — не легко давались мелкому землевладельцу. Неурожай заставлял его прибегать к займу. Согласно тогдашним правовым нормам, неплатный должник попадал вместе с женой и детьми под власть кредитора.⁸ Он мог быть оставлен на земле в качестве зависимого работника, шестидольника. Самый термин

Finley M. G. Between slavery and freedom. — History, 1964 v. 6, p. 233 et sq.; Finley M. J. La servitude pour dettes. — Rev. hist. droit français et étranger, 4me Serie, 1965, année 43, p. 168.

⁷ Glotz G. Histoire grecque. T. I. Pans, 1925, p. 390.

⁸ Обо всем этом см.: Glotz G. La solidarite de la famille dans le droit criminel en Grece. Paris, 1904, p. 173, 361.

«шестидольник» понимается по-разному. Одни полагают, что рента владельца состояла в 1/6 части всего урожая (так прямо говорит и Плутарх: *ἐκ τῶν ὑπομένων τέλουντες* — Sol. 13, 4). Другие считают уплату 1/6 части урожая слишком льготным условием; по их мнению, шестидольник должен был довольствоваться 1/6 частью урожая, при этом допускают, что некоторая часть урожая оставалась шестидольнику на семена. Вопрос об исчерпывающей реальной интерпретации имеющихся у нас сообщений не входит в нашу задачу. Главное для нас здесь то, что источники ясно показывают широкую возможность перехода в рабское состояние многочисленного слоя населения Аттики.

Характеризуя социальные отношения в Аттике на рубеже VII и VI вв. до н. э., современный исследователь вносит в обычные представления о состоянии Аттики существенные штрихи: 1) в эту пору нельзя еще говорить о твердых общепринятых правовых нормах, регулировавших всю совокупность соглашений, относившихся к землевладению и землепользованию; историческую действительность нельзя подогнать чисто логическим путем под определенные юридические принципы, разнообразие конкретных отношений складывалось под воздействием разнообразных исторических факторов; 2) пытаясь реконструировать историческую действительность, нельзя игнорировать действие еще одного фактора, не вытекавшего из юридических норм, а именно грубого насилия, которое не могло не проявить себя и в Аттике.¹⁰

Общая тенденция социального процесса — закабаление сельского населения — была пресечена главным социальным мероприятием Солона — запрещением кабального рабства. Аристотель прямо называет эту меру Солона первой и самой главной: *πρῶτον μὲν καὶ μάλιστα τὸ μὴ δοῦναι ἐπὶ τοῖς ὀφειλοῖσι* (Ath. Pol. 9, 1). Именно это запрещение Аристотель называет освобождением народа, подчеркивая в то же время, что она стала надежной гарантией против опасности возрождения долгового рабства (ibid. 6, 1).

Масса аттического населения, занимавшаяся земледелием, а отчасти и другие бедные слои гражданства благодаря реформаторской деятельности Солона избежали перехода в рабское состояние. Солон навсегда закрыл тот канал, который прежде служил широко открытой дорогой для перехода неимущих афинян из свободного состояния в рабство.

Реформы Солона, имевшие огромное значение для дальнейшей истории аттического демоса, разумеется, ни в какой степени не коснулись тех людей, которые были рабами в подлинном смысле слова (не бывшие в прошлом афинскими гражданами). О них сам Солон в сохранившихся стихотворениях ничего не говорит. Об их

существовании, однако, все же можно заключить и из поэзии Солона. Выше мы обращали внимание на употребление им слов «раб», «рабство», «быть рабом», которые нужны ему для характеристики угнетенного положения народа, хотя речь шла не о рабстве в собственном смысле слова. Раб — хорошо известная социальная категория в Афинах. Сравнения с рабами было вполне достаточно, чтобы показать унижительность положения, крайнюю степень бесправия тех, кого предстояло освободить от действительно рабского (или приближавшегося к рабскому) состояния. Когда Солон говорит о «недостойном рабстве» — *δουλίῃ ἀεικλίῃ* (№ 24, 13), он имеет в виду оскорбительность рабского состояния не вообще для людей, а только для афинян, которые, оказавшись несостоятельными должниками, стали рабами или были близки к этому. Рабы — так понимал всякий афинянин $\frac{1}{4}$ находились в полной зависимости от своих господ, жили в страхе (№ 24, 14), могли быть проданы (№ 24, 9). О жалкой жизни раба поэт-законодатель вспоминает только потому, что беды, сопряженные с рабством, отчасти уже постигли многих его соотечественников, отчасти грозят им.

Об отношении свободных граждан, особенно знатных лиц, к рабам мы узнаем из стихов мегарского поэта Феогнида (VI в. до н. э.). Поэт-аристократ, хотя и обедневший и фактически утративший свой социальный ранг (он не считал даже богатых людей незнатного происхождения своей ровней и скорбел о бедности своей собственной и людей одинакового с ним социального происхождения, не замечая нужды подлинных бедняков), отнюдь не был склонен размышлять об участи рабов. Изредка он бросает на них презрительный взгляд, чтобы еще больше укрепиться в своих аристократических воззрениях и дать почувствовать ту последнюю грань, за которой находились люди, нужные ему, да и то в редких случаях, для выгодных в моральном отношении сравнений. Свободные люди незнатного происхождения — те, с кем Феогнид боролся на протяжении всей своей жизни, являлись для него противниками, победить которых ему не было дано, в этом он, наконец, и сам убедился. Рабов он, конечно, не удостоивал названия противников; они для него — презренные существа, носители самых низких свойств. Возможно, имея в виду конкретного человека или конкретные случаи рождения у свободного гражданина ребенка от рабыни, Феогнид заявляет, что рабская голова никогда не может держаться прямо, что она всегда на кривой шее; подобно тому как на морском луке не может вырасти роза, так никогда не рождается от рабыни дитя со свойствами свободного человека (v. 535—538). Очень выразительно отражает взгляды Феогнида на рабов следующее двустишие: «Я не предаю ни одного друга и верного товарища, и в моей душе нет ничего рабского» (v. 529—530). В другом стихотворении, вспомнив о богаче, который, растратив свое состояние, начал вымаливать деньги у всех своих друзей, где бы он ни встречал их, поэт, рекомендуя береж-

9 Glotz G. Histoire grecque, p. 412.
10 Зельин К.К. Борьба политических группировок..., с.158 и след.

ливое отношение к деньгам, предупреждает, что нельзя ни часть своих трудов переложить на другого, ни, занимаясь нищенством покончить с рабским состоянием — δουλοσύνη (v. 925).

Как это нередко бывает при обращении к Феогниду, мы лишены возможности дать защищенную от всяких возражений интерпретацию его стихов. Все же можно предложить такое понимание: нищенство — плохое лекарство от рабства; что же касается последнего, то поэт либо самое состояние крайней нужды и неизбежность попрошайничества при ней уподобляет рабству, либо предвидит дальнейшее падение нищего и превращение его в раба (путем долгового рабства). Наконец, в стихотворении об Аргириде (v. 1211 — 1216) женщина рабского состояния (гетера, или флейтистка, или то и другое вместе), оказавшаяся на пирушке среди изгнанников знатного происхождения, своим неловким замечанием задевает аристократическую гордость поэта. Последний без всяких обиняков напоминает ей о ее рабском положении (ΣΟΙ ΜΕΝ ΓΑΡ ΔΟΥΛΙΟΝ ἤμαρ ἐστὶ — v. 1212) и всячески подчеркивает свое и других участников пирушки превосходство над этой женщиной.

Вполне закономерно перенести взгляды на рабов и отношение к ним мегарского аристократа и на его афинских собратьев. Вообще же о рабах в VI в., в частности об афинских рабах этого времени (т. е. о тех, кто и до и после реформ Солона были рабами), мы имеем мало сведений. Среди законов, приписывавшихся Солону,¹¹ один запрещал продавать дочерей и сестер в рабство за исключением того случая, когда девушку уличали в сожительстве с мужчиной (Plut., Sol. 23, 2). В связи с этим законом мы узнаем, что в VII в. продажа родственниц своего и следующего поколения не была запрещена, как не была запрещена и продажа собственных детей: πολλοὶ δὲ καὶ πατέρας ἰδίους ἠναγκάζοντο πωλεῖν, οὐδεὶς γὰρ νόμος ἐκόλωε (ibid. 13, 4).

Испорченный текст в одном месте речи Лисия против Феомнеста не позволяет понять, шла ли речь в законе Солона о штрафе за повреждение, причиненное слуге (οἰκῆρος) или рабыне (δουλή) или за повреждение, причиненное слугой или рабыней (Lys. X, 19) Я

Плутарх и некоторые другие авторы упоминали о законе Солона, запрещавшем рабу умахаться в палестре и вступать в близкие отношения со свободным юношами (Plut., Sol. 1, 6; Plut., Mor. 152 D; 751 B; Aesch. I, 139).¹³

Итак, даже перечисленные законы Солона, в сущности незначительная часть всего кодекса, записанного на аксонах, позволяем

констатировать наличие в Аттике рабского населения после реформ Солона. Жизнь требовала каких-то норм, которые регулировали бы поведение рабов вне сферы их непосредственного общения с хозяевами, и законодатель создал эти нормы, проложив тем самым резкую грань между гражданским коллективом и массой чужеземных рабов.

Некоторые данные по истории рабов в Афинах в интересующий нас период мы можем получить из литературных источников.

Аристотель в «Политике» рекомендует тирану не обижать ни бедных, ни состоятельных граждан и опираться при этом на ту из двух частей гражданства, которая окажется сильнее. Тогда тирану не будет необходимости прибегать ни к освобождению рабов, ни к изъятию оружия у граждан: οὔτε δομῶν ἐλευθέρωσιν ἀνάγκη ποιεῖσαι τὸν τύραννον οὔτε πλῶν παραίρειν (V, 19, 1315a, 37—38). Это явное указание на меры, к которым часто прибегали тираны. Для Афин VI в. до н. э. прямо засвидетельствовано второе — изъятие оружия Писистратом (Aristot., Ath. Pol. 15, 4—5). Первое как массовая мера в Афинах не засвидетельствовано, но предположительно могло в каких-то размерах осуществляться. В случае государственных переворотов рабы, так или иначе участвовавшие в свержении прежнего правительства, могли, как это было в конце V в. после падения Тридцати (хотя мера и была вскоре аннулирована), рассчитывать на освобождение и даже включение в число граждан. В конце VI в. так было во время реформ Клисфена. В «Политике» Аристотеля содержится соответствующее свидетельство, правда не вполне ясное: οἷον Ἀθηναίων ἐποίησε Κλεισθένης μετὰ τὴν τυράννων ἐκβολὴν πολλοὺς γὰρ ἐφυλέτευσε ξένους καὶ δοῦλους μετοίκους (III, 1, 10, 1275b, 35—37). Речь идет бесспорно о зачислении в филы, т. е. в число граждан, людей, ранее к составу граждан не принадлежавших. Это были активные участники государственного переворота, о чем прямо говорят предшествующие слова: δοοὶ μετέσχον μεταβολῆς γενομένης πολιτείας — «кто участвовал в произошедшем изменении государственного строя», т. е. в свержении тирании. В перечислении тех категорий людей, которые были зачислены в филы, есть стилистическая неловкость. Ἐφυλέτευσε — сказуемое, от которого зависят все три дополнения; вставка другого глагола, вроде ἐποίησε, между словами δοῦλος и μετοίκους недопустима уже потому, что Аристотель рассуждает здесь о случаях зачисления в граждане и ставит вопрос о справедливости или несправедливости зачисления именно в граждане: τό δ' ἀμφισβήτημα πρὸς τοὺτους ἐστὶν οὐ τίς πολίτης, ἀλλὰ πότερον ὀρθῶς ἢ δικαίως. Перевод рабов в состояние метэков никакого отношения к предмету обсуждения не имеет.¹³ Какие бы интерпретации или поправки к тексту ни предлагать, авторы этих поправок Должны исходить из мысли, что во время реформ Клисфена неко-

¹¹ См.: Ruschenbusch E. Σόλωνος νόμοι. — Historia Einzel-schriften. 1966, Н. 9, S. 78. См. также: Ленцман Я.А. Рабы в законах Солона. — ВДИ, 1958, № 4, с. 51 и след.

¹² Рушенбуш совершенно справедливо отнес в разряд бесполезного материала сообщение Алкифрона (II, 38, 2) о том, что Солон и Дракона назначив смертную казнь наказанием за кражу виноградных гроздей освободили от всякого наказания тех, кто похитил людей для продажи в рабство.

¹³ См. об этом: Доватур А. Политика и политики Аристотеля. М.—Л., 1965, с. 354 и след., примеч. 11.

торые рабы удостоились звания граждан путем зачисления их в филы. Клисфен в конце VI в. сделал то, что в конце V в. пытался сделать, как на первых порах казалось успешно, Фрасибул, но в конечном счете потерпел неудачу (Aristot., Ath. Pol. 40, 2),

Материалы, касающиеся рабов, не дают возможности выяснить подробности жизни рабов в Афинах в VI в. до н. э., и тем самым остается в силе замечание К. К. Зельина,¹⁴ что рабство в Афинах ко времени Клисфена не могло иметь того значения, какое оно приобрело впоследствии, когда того потребовало развитие экономики греческих полисов.

В начале VI в. была устранена опасность перехода в рабское состояние больших масс аттического крестьянства и созданы предпосылки для развития рабовладельческой демократии, ярким образцом которой стало афинское государство,

¹⁴ З е л ь и н К. К. Борьба политических группировок. . . , с. 251.

Глава II

РАБСТВО В АТТИКЕ В V В. ДО Н. Э.

Само собой разумеется, не начало V в., т. е. не 499 г. до н. э. является гранью, за которой открываются лучшие перспективы в смысле освещения положения рабов в афинском государстве. Такие возможности дает нам скорее время после отражения персидского нашествия и начало экономического и политического процветания Афин, а еще больше — период Пентеконтаэтии.

Афины, превратившись в крупнейший политический, торговый, промышленный и культурный центр, становятся в то же время типичным рабовладельческим городом. Речь идет и о количестве рабов, и о широком использовании их труда в различных областях городской экономики и в быту.

В настоящей главе сделана попытка, опираясь на достижения исторической науки, суммировать результаты исследований современных авторов, чтобы наглядно показать находящийся в распоряжении ученых материал, касающийся быта и юридического положения афинских рабов в V в. до н. э. Для такого систематического обзора у нас, как это будет видно из нижеследующего изложения, материал имеется в достаточном количестве.

Бесспорны следующие положения: значительное число рабов в Афинах, особенно со времен Пентеконтаэтии, все увеличивающееся их значение в экономической жизни государства в связи с расширением ремесленного производства; их бесправное положение и ряд выработанных жизнью коррективов; возникшая в V в. (участвовавшая в IV в.) практика освобождения рабов. Все эти положения требуют конкретизации и уточнения. Детальный разбор источников, на которых они основаны, составит главное содержание данной главы.

Однако прежде скажем несколько слов о том, что нам известно об участии рабов в исторических событиях. Здесь дело обстоит совершенно иначе. Рабы в наших источниках крайне редко выступают в ситуации, позволяющей говорить об их роли в этих событиях. Не объединенные в процессе производства, не принадлежащие к одной национальности афинские рабы не осознавали себя как единую социальную величину и не могли в качестве таковой действовать на исторической арене. Как известно, VI—V вв. до н. э. не знали сколько-нибудь заметных движений ра-

бов. Приведем все же те скудные упоминания о рабах, которые мы находим в греческой литературе, повествующей о тех или иных исторических событиях.

И 490 г. до н. э. произошла битва при Марафоне. Периэгет Павсаний (I в. н. э.) в своем «Описании Эллады» дважды упоминает об участии рабов в этой битве. Во-первых, говоря о городе Марафоне, он утверждает, что видел могилы рабов, павших в битве; могилы эти стояли отдельно от могил афинских граждан (I, 32, 3). Во-вторых, он сообщает о том, что во время последней борьбы греков с римлянами (146 г. до н. э.) Дизей освободил рабов и призвал в войско всех взрослых мужчин из ахейских и аркадских городов, подражая в этом Мильтиаду, даровавшему свободу рабам перед Марафонской битвой (V I I, 15, 7). Осторожная интерпретация этих слов дает возможность заключить, что во времена Павсания знали об освобождении некоторой части афинских рабов в 490 г. Умолчание о данном факте Геродота не должно считаться решающим доводом против достоверности сообщений Павсания.

Из Фукидида мы узнаем о последствиях занятия Декелеи спартацами во второй половине Пелопоннесской войны (412—404 гг.). Афинянам был нанесен большой ущерб: *μεγάλα οἱ Ἀθηναῖοι ἐβλάπτοντο*. На первом месте стоит упоминание о том, что афиняне «лишились всей своей страны»: *τῆς τε γὰρ χώρας ἀπάσης ἐστῆρητο*. На втором то, что «перебежало более двадцати тысяч рабов, притом, по большей части ремесленников»: *ἀνδρῶν πλεον ἢ δύο μυριάδες ὑποκόλῳργοι, καὶ τοῦτον πολὺ μέρος χειροτέχναι* (V I I, 27, 5).

Разумеется, бежавшие рабы не могли рассчитывать на получение свободы от спартанцев, их гнал из Афин голод. Затруднения с доставкой провианта в Афины должны были в первую очередь отразиться на питании рабов. Бежавшие были преимущественно ремесленниками, т. е. принадлежали к той прослойке рабов, которая в мирное время едва ли испытывала голод. Если же допустить, что какой-то процент беглецов работал раньше в горном деле, то, вполне вероятно, к бегству их могло побудить стремление избавиться от тяжелой работы. Так или иначе утрата более чем двух десятков тысяч рабов была сильным ударом по афинскому государству.

В 414 г. до н. э. гребцы-рабы в афинском флоте, воспользовавшись затруднительным положением, в какое попали афиняне в Сицилии, в большом количестве дезертировали. Фукидид сообщает об этом, приводя послание афинского полководца Никия к народному собранию: *οἱ δὲ θερρόπυντες... αὐτομόλουσι* (V I I, 13 2). Наряду с этим Никий пишет и о других нежелательных явлениях во флоте. Чужеземцы (союзники), завербованные в афинский флот - по принуждению, разбегаются по городам; другие, прельщенные большой платой и надеявшиеся не столько воевать, сколько наживаться, столкнувшись с трудностями, также дезертируют; иные же, сговорив

шись с триэрархами, ставят вместо себя купленных здесь же, в Сицилии, рабов и тем самым нарушают дисциплину морской службы: *τὴν ἀκρίβειαν τοῦ ναυτικοῦ ἀφῆρηται* (ibid.). Дезертирство рабов становится на одну доску с рядом серьезнейших нарушений флотской дисциплины, поставивших афинский флот в крайне тяжелое положение.

В 406 г., в конце Пелопоннесской войны, афиняне снарядили флот в 110 кораблей и посадили на них всех, кто подходил по возрасту, не считаясь с тем, были ли это свободные люди или рабы: *οἱ δὲ Ἀθηναῖοι... ἐψηκρίσαντο βοηθεῖν ναοὺς ἐλατὸν καὶ δέκα, ἐσβιάσαντες τοὺς ἐν τῇ ηλικίᾳ ὄντας σπαντάς καὶ δούλους καὶ ἐλευθέρους* (Xenoph., Hell. I, 6, 24). Эти слова дают право заключить, что рабы были посажены на корабли не только в качестве гребцов, но и в качестве воинов. Во всяком случае мы знаем, что оставшиеся в живых рабы, участники боя при Аргинузах, были удостоены свободы и получили права платейцев (об этом вполне ясно сказано у Аристофана — Ran. 33, 191, 693—694). Крайняя опасность, в какой оказалось афинское государство, заставила афинян прибегнуть к исключительной мере — призвать взрослых рабов во флот, а после победы даровать им свободу и даже гражданские права.

Об афинских рабах мы слышим еще в связи с событиями 403 г. Собравшиеся в Филе под предводительством Фрасибула изгнанники-демократы захватили Мунихию и Пирей. Оттуда они двинулись против олигархов. По восстановлении демократии было принято предложение Фрасибула о признании прав гражданства за всеми, кто возвратился из Пирея (Aristot., Ath. Pol. 40, 2). Вскоре Архии добился отмены этого постановления как противозаконного: *ψευδόμενος τὸ ψήφισμα τὸ Φρασιβούλου παρονόμων, ἐν ᾧ μετέδιδον τῆς πολιτείας ἅσι τοῖς ἐκ Πειραιῶς συγκατελθοῦσι* (ibid.). Аристотель добавляет: *ὡν ἐνιοὶ φανερώς ἦσαν δούλοι* — «из которых некоторые явно были рабами». Едва ли может быть сомнение в том, что такова была мотивировка выступления Архина: именно он (а не Аристотель) обосновывал свой протест тем, что среди вернувшихся из Пирея были явные рабы, т. е. люди, которых знали в Афинах как рабов и хозяева которых были известны. Афинская демократия ревниво относилась к своим правам; она аннулировала свое собственное постановление, принятое сразу же после реставрации демократического строя под влиянием чувства радости. Грань между рабами и свободными на этот раз решено было сохранить незыблемой.

Такая мера, как освобождение рабов (да еще с дарованием им прав гражданства), могла быть принята только при очень напряженных обстоятельствах, но и тогда она вызывала у многих граждан горестные чувства. Оратор Ликург в речи против Леократа вспоминает о том, что было в Афинах после битвы при Херонее: *μάλιστα δὲ τῆς ἡλικίας καὶ ἐδούλουν ἐπὶ ταῖς τῆς πόλεως συμφοραῖς, ἢνίχ' ὅσον ἦν τὸν δῆμον ψηκρίσμενον τοὺς μὲν δούλους ἐλευθέρους,*

τους δὲ ξένους Ἀθηναίους, τους ἀτίμους ἐντίμους, ὅς πρῶτον ἐπὶ τὸ αὐτοχθὼν εἶναι καὶ ἐλεύθερος ἐσεμνύετο (41) — «особенно скорбел бы всякий и проливал слезы по поводу бедствий государства, когда можно было видеть, как народ, который прежде гордился тем, что он свободный и искони живет в своей стране, принял постановление, чтобы рабы стали свободными, чужеземцы — афинянами, лишенные гражданской чести — полноправными». Чувства, испытанные афинскими гражданами в 338 г., несомненно были теми же, какие побуждали афинское народное собрание присоединиться к предложению Архина.

Слова, обозначавшие рабов.¹ Из довольно большого числа названий, существовавших в Греции для обозначения рабов, в Афинах VI—IV вв. до н. э. употреблялись далеко не все. Нас здесь могут интересовать лишь слова, бывшие в ходу в Аттике в классическую пору. Наиболее употребительным обозначением было слово δοῦλος, имевшее самый широкий смысл и служившее для обозначения человека несвободного состояния (в противоположность ἐλεύθερος). На его распространенность указывает уже то обстоятельство, что слово δοῦλος употреблялось не только в прямом, юридическом смысле, но и в переносном, когда речь шла о человеке, преданном каким-нибудь увлечением, страстям и т. п.

Слово ἀνδράποδον обозначало раба как вещь, как имущество. В первую очередь оно применялось к военнопленным, как к добыче. У Фукидида (VIII, 28, 4) в составе добычи, взятой пелопоннесцами в Иасе, названы ἀνδράποδα, которые затем уже делятся на δοῦλα и ἐλεύθερα. Человек, попавший в плен, является таким же ἀνδράποδον, как и попавший в плен раб.

Οἰκέτης (от οἰκία), согласно этимологии слова, «имеющий отношение к дому». В таком исконном смысле слово могло обозначать домоладцев вообще. Применительно к рабам оно значило — раб, прислуживающий в доме. Θερσίπων некогда (у Гомера) служило

¹ См.: Kretschmer E. Beiträge zur Wortgeographie der altgriechischen Dialekte. — Glotta, 1929, Bd XVIII, S. 71 et sq.; Westermann W. L. The slave systems of Greek and Roman antiquity. Philadelphia, 1955, p. 5 et sq.; Колотова К. М. Термин οἰκέτης у Фукидида. — В кн.: Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Сборник памяти академика А. И. Тюменева. М.—Л., 1963, с. 187 и след.; Фролов Э. Д. Экономические взгляды Ксенофонта. — Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1956, № 102. Сер. истор. наук, вып. 21, с. 77 и след.; Gschnitzer F. Studien zur griechischen Terminologie der Sklaverei. — Akad. Wissenschaft, u. Lit. in Mainz. Adhandl. der Geistes- u. Sozialwissenschaftl. Klasse, 1963, N 13; Ленцман Я. А. О древнегреческих обозначениях рабов. — ВДИ, 1951, № 2, с. 47 и след.; Казакевич Э. Л. Термин δοῦλος и понятие «раб» в Афинах IV в. до н. э. — ВДИ, 1956, № 2, с. 119 и след.; Глускина Л. М. Имущественные отношения и рабство в Афинах IV в. до н. э. по речам Исея. — В кн.: Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.—Л., 1963, с. 235 и след.; Seren E. Recherches sur le vocabulaire des rapports de dependences dans le monde antique. — Actes du colloque 1973 sur l'esclavage. Annales litteraires de l'Universite de Besancon, N 182. Paris, 1976, p. 11 et sq.

для обозначения слуги свободного состояния (не раба). В классическую пору оно имело то же значение, что οἰκέτης.

Гораздо реже встречаются другие слова: υπηρέτης (первоначально — подсобный гребец) в классическую пору иногда обозначало раба, гораздо чаще, впрочем, употреблялось для обозначения разного рода второстепенных должностных лиц (вестников, служителей при должностных лицах и т. п.); λάτρης — преимущественно о наемных работниках, батраках, гораздо реже о рабах. Σώμα могло применяться и к свободному человеку (Xenoph., Hell. II, 1, 19 — ἐλεύθερα σώματα; cf.: Demosth. XX, 77 — αἰχμάλωτα σώματα; Aeschin. III, 78 — τὰ φίλατα σώματα (о детях)); в виду этого, когда речь шла о рабах, всегда добавляли прилагательное «рабское»: σώματα σκλαῶς οἷς ἂν εἴποις, ἀλλὰ δοῦλα σώματα (Pollux III, 78).

Попытка ученых прикрепить определенные наименования рабов к рабам определенного типа по признаку применения их труда не привела к убедительным результатам. Разные обозначения рабов скорее свидетельствуют о разных аспектах, в которых рабовладельцы рассматривали, рабов, вне зависимости от характера эксплуатации их труда.

Количество рабов в Афинах. Среди тех вопросов, которые давно привлекали внимание современных исследователей античного рабства, одним из важнейших является вопрос о количестве рабов в Афинах V в. до н. э.

Нас будет интересовать вопрос о количестве рабов в Афинах V в. главным образом в годы перед началом Пелопоннесской войны. Однако не следует полностью игнорировать античные данные и выкладки ученых нового времени, относящиеся к другим эпохам афинской истории, особенно к IV в. до н. э., так как и они способны в той или иной степени, если не прямо, то косвенно, пролить свет и на обстоятельства V в.

Казалось бы, по вопросу о количестве рабов в Аттике мы имеем прямое свидетельство у одного античного автора, именно у Афиней: Κτεσικλῆς δ' ἐν τῇ τρίτῃ Χρονικῶν <κατὰ τὴν ἐπτακαιδεκάτην πρὸς ταῖς εκατὸν φησὶν Ὀλυμπιάδα Ἀθήνησιν ἑξακομὸν γενέσθαι ὑπὸ Δημητρίου τοῦ Φαλереῶς τῶν κατοικούντων τὴν Ἀττικὴν καὶ εὐρεθῆναι Ἀθηναίους μὲν δομυρίους πρὸς τοὺς χιλίους, μετόικους δὲ μύριους, ὧσπερ δὲ μυριάδας μ' (VI, 272b) — «Ктесикл в третьей книге Хроник говорит, что во время 117-й олимпиады в Афинах Деметрием Фалерским была произведена перепись населения Аттики и было обнаружено афинян 21 тыс., метэков 10 тыс., рабов 400 тыс.» (VI, 272 B). 117-я олимпиада охватывала 312—309 гг. до н. э., правление Деметрия Фалерского в Афинах относится к 317—307 гг. до н. э. Перепись, произведенную Деметрием, следует, таким образом, датировать промежутком времени между 312 и 308 г. Ктесикл, автор произведения Χρονικά, на которого ссылается Афиней, нигде больше не упоминается.²

² Если не считать его тождественным некоему Ктесиклиду, упоминаемому У Диогена Лаэртского (2, 56).

Долгое время данные Афиней принимались на веру. Даже после того как Юм в своих «Опытах», впервые изданных в 1752 г., серьезно обосновал скептическое отношение к сообщениям Афиней, последние продолжали находить себе защитников.

Так, Бёк в знаменитом труде о государственном хозяйстве афинян не склонен отвергать цифры Афиней.⁴ "Отметив отсутствие данных для вычисления общего количества населения Аттики, т. е. граждан, метэков и рабов с женами и детьми, Бёк далее переходит к обсуждению сообщений о количестве афинских граждан. Справедливо отмечая все то, что находится у античных авторов относительно количества населения в доисторические и раннеисторические времена, он останавливается на сообщении Фукидида о 13 тыс. гоплитов полевой армии 431 г. и 16 тыс. гоплитов старших и младших возрастов и отчасти метэков (передача слов Перикла): *ὅπλῳ δὲ τρισχιλίους καὶ μυρίους εἶναι ἀνὲρ τῶν ἐν τοῖς φρουρίοις καὶ τῶν παρ' ἐπαλξίν ἐξασχιλίων καὶ μυρίων* (II, 13, 6). В детали Бёк не вдаётся, не стремясь давать точные числа. Он полагает, что на первых порах после 431 г. урон в количестве граждан от военных действий компенсировался не столько естественным приростом, сколько происходившим временами включением новых людей в число граждан. Для IV в. Бёк находит мало достоверных показаний. Приведя сообщения Афиней о результатах переписи Деметрия Фалерского (21 тыс. граждан, 10 тыс. метэков, 400 тыс. рабов), он указывает, что еще до него были получены следующие цифры для населения Аттики (из расчета, что взрослые мужчины составляют 1/4 населения): граждан 84 тыс., метэков 40 тыс. Повторить такой прием при вычислении количества рабов Бёк не решает. Юм предлагал читать у Афиней не 400 тыс., а 40 тыс., полагая, что таково было число мужчин-рабов. Сам Бёк не меняет текста Афиней; сохраняя число 400 тыс., он понимает это в смысле общего количества рабского населения (мужчины, женщины, дети). Рассуждение Бёка в защиту показания о 400 тыс. рабов сводится к следующему. Суда (Suda s. v. ἀπεψηφίσαντο) сообщает: *ὅπως πρότερον μὲν μυριάδας πλείους ἢ δεκαπέντε τοὺς ἐκ τῶν ἐργῶν τῶν ἀργυρέων καὶ τοὺς κατὰ τὴν ἄλλην χώραν, ἔπειτα τοὺς οφειλόντας τῷ δημοσίῳ καὶ τοὺς ἀπὸ τοῦ καὶ τοὺς ἀπεψηφισμένους καὶ τοὺς σποδαίους*. Это передача текста предложения Гиперида. Каков бы ни был контекст, оратор Гиперид, видимо, ратовал за предоставление гражданских прав рабам, занятым в серебряных рудниках в количестве 15 мириад, т. е. 150 тыс., а также рабам, рассеянными по Аттике, должникам казны, лишенным гражданской чести, исключенным из состава гражданства и метэкам (σποδαίους обычно исправляют в μετοίκους). Как полагает

Бёк, перед выписанным местом, вероятно, было упоминание о рабах, живших в городе. Гиперид, таким образом, насчитывал более чем 150 тыс. рабов в Аттике без Афин; Бёк полагает, что можно думать о 160 или 170 тыс. Если к этому добавить 50 тыс. рабов в самом городе, то получается 200—220 тыс. взрослых мужчин-рабов. Добавив к этому числу еще женщин и детей, Бёк считает вполне оправданным число рабов, приведенное Афинеем (Ктесиклом).

Первым, кто не только решительно отверг сообщение Афиней о численности рабов в Афинах, но и прочно обосновал свой отказ считаться с этим сообщением, был Белох в книге о населении греко-римского мира.⁵ Он доказал, что надежного прямого сообщения о числе рабов в Афинах в V в. (и позднее) у нас нет. Отсюда вытекала необходимость так или иначе исходить при вычислении численности рабов из численности свободного населения Аттики, иными словами — начинать с рассуждений о количестве гражданского населения Афин, принимая во внимание и метэков.

Белох обращается к тем документам, которые содержали списки тех или иных категорий афинского гражданства. Во фратриях велись списки детей, рождавшихся у членов фратрии. Афинский гражданин вносил в эти списки имена своих детей, но точных сроков для внесения не существовало; новорожденный мог попасть в такой список и не сразу после рождения. Важнее был другой документ — *ληξιαρχικὸν γράμματέιον*, куда вписывался молодой афинянин, достигший 17-летнего возраста, с какого он считался совершеннолетним. Этот документ получил свое название от названия шести должностных лиц — *ληξίαρχος*, в ведении которых он находился. Упоминания о нем встречаются у ораторов, например у Ликурга (In Leocr. 76.), Демосфена (XLIV, 35).

Стратеги ежегодно составляли списки юношей, подлежащих несению воинской повинности, способных по своему материальному положению служить в войске в качестве гоплитов или всадников. Такой список назывался *κατάλογος*. Когда античный автор говорит о воинах *ἐκ κατάλογου* (Aristot., Ath. Pol. 26, 1), он хочет этим сказать, что это были не наемные солдаты, а афинские граждане трех высших классов.

Афины V в. не знали переписи населения. Первая перепись составлялась в правление Деметрия Фалерского в конце IV в. (317—307 гг.; Athen. VI, 272 B); были учтены граждане, метэки и рабы, но только взрослые мужчины.

В качестве предпосылок для своих выкладок Белох выставляет следующие положения. Необходимо отвергнуть царившие до Юма и довольно широко распространенные после него представ-

³ Hume D. Essays moral, political and literary. Ed. by T. H. Green a. T₄ H. Grosse. London, 1815.

⁴ Boeckh A. Aie Staatshaushaltung der Athener. Bd 1.3. Aull: Hrsg. v. M. Frankel. Berlin, 1886, S. 42 et sq. (1-е издание вышло в 1817 г., 2-е — в 1851 г.).

⁵ Beloch Ju. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. Leipzig, 1886.

ления об огромном количестве населения в Греции. При этом следует использовать те соотношения между числом людей разного пола и возраста, какие дают статистики западноевропейских государств, преимущественно французские. Круглым счетом можно определять количество детей моложе 16—18 лет как 1/3 общего количества населения; число мужчин равно числу женщин — Аристотель полагает, что женщины составляют половину свободного населения: ἡμισὶν μέρος τῶν ἐλευθέρων (Polit. I, 5, 12, 1260b, 19; cf.: Plato, Leg. VI, 781 A, B). Ввиду того что опираться приходится на данные, касающиеся армии, т. е. взрослых мужчин (1/3 всего населения), годных для военной службы, следует выделить мужчин старших возрастов, которые составляют 10% населения.

Эти соображения не могут применяться при исчислении количества рабского населения. Число рабов зависело от привоза, а привоз рабов в свою очередь регулировался потребностью в рабочих руках в тот или иной период истории Афин. Среди рабов число взрослых мужчин, разумеется, превалировало над числом женщин и детей. Устанавливая эти числа, Белох начинает, естественно, с афинских граждан. Для V в. мы имеем ценное свидетельство Фукидида, у которого Перикл говорит о военных силах афинского государства к началу Пелопоннесской войны. «Гоплитов имеется 13 тыс., не считая находящихся в гарнизонах и 16 тыс. у стены (ведь именно столько было сначала в охране, когда напали враги, — из числа старших, младших и метэков, которые были гоплитами). . . всадников, как он показывал, было 1200 вместе с конными стрелками, стрелков 1600 и 300 триэр, годных к плаванию» (II, 13, 6—8).

Сообщение Фукидида Белох представляет следующим образом:

Гоплиты для службы:	
полевой	— 13000 чел.
гарнизонной (в Аттике)	— 16000 »
Всадники и конные стрелки	— 1200 »
Лучники	— 1600 »

Ясно, что в число воинов не входят афиняне моложе 18 лет и старше 60 лет. Вопрос о возрастной грани, отделявшей афинского гражданина, годного для службы в полевой армии, от его старших сограждан, не принимавших участия в походах, не продолжавших быть военнообязанными и применявшихся для защиты афинских стен, Белох решает на основании фактов из жизни Сократа. Последний был под Потидеей в возрасте 37 лет, при Делионе в возрасте 45 лет, при Амфиполе в возрасте 47 лет, но в более поздних походах он не участвовал. Видимо, гранью был 50-летний возраст. Эфебы (до 20 лет) также не отправлялись в поход, значит, для полевой службы считались пригодными граждане от 20 до 50 лет. В каталог записывались первоначально лишь граждане трех высших классов, причем зевгиты были обя-

зательно гоплитами, а пентакосиомедимны и всадники либо кавалеристами, либо гоплитами. Граждане четвертого класса, феты, первоначально были освобождены от военной службы и в каталог не вносились.

В течение V в. некоторые граждане из класса фетов уже получали от государства вооружение, в первую очередь для службы во флоте в качестве эпибатов. Фукидид в перечне афинских сил, отплывших от Керкиры в Сицилию в 415 г., в числе 5100 гоплитов выделяет 1500 афинян по каталогу и 700 фетов — «эпибатов на кораблях»: καὶ τούτων Ἀθηναίων μὲν αὐτῶν ἦσαν πεντακόσιοι μὲν καὶ χίλιοι ἐκ καταλόγου, ἐπικόσιοι δὲ θήτες ἐπιβάται τῶν ναύων (VI, 3). Для службы эпибатами гоплиты из каталога назначались редко. Белох, утверждая это, ссылается на два текста, которым впоследствии Эд. Мейер дал иное объяснение. Фукидид говорит об афинских флотоводцах Леонте и Диомедонте, руководивших морскими операциями против хиосцев в 412 г.: εἶχον ἐπιβάτας τῶν σκαφῶν ἐκ καταλόγου ἀνορχιστύς (VIII, 24, 2) — «корабельными воинами были у них гоплиты, значившиеся в списках, по принуждению». По словам Ксенофонта, афиняне в 406 г. (перед битвой при Аргинузах), узнав о том, что Конон осажден Калликратидом в Митиле, снарядили флот в 110 кораблей, «посадив на них всех подходящих по возрасту — и рабов, и свободных. . . сели на корабли и многие из всадников» (Hell. I, 6, 24).

Тексты обоих историков дают повод Белоху утверждать, что, за исключением случаев крайней необходимости, морскими солдатами бывали обычно только феты. Фукидид сохранил нам и обозначение этих фетов — ὁλίται θήτες (VI, 43), в отличие от ὁλίται ἐκ καταλόγου. После сицилийской катастрофы было внесено предложение вооружить тяжелым оружием всех фетов. Об этом, по свидетельству Гарпократиона (Harpocr. s. v. θήτες), говорил Антифонт в утраченной речи против Филина; Ἀντιφὼν ἔν τῳ κατὰ Φιλίνου φησὶ τοὺς τε θήτας ὁλίτας ποιῆσαι (Antiph. fr. 63). Предложение это не прошло. Во всяком случае, как полагает Белох, до 412 г. число тяжеловооруженных фетов не могло быть большим. В Сицилию послано было самое большее 1500 гоплитов из класса фетов (Thuc. VI, 43). Вооружение фетов дорого стоило государству. Все же в число гоплитов Фукидид в своих подсчетах включает и некоторое число фетов-гоплитов. С другой стороны, в состав сил, предназначенных для охраны Афин, мы не вправе включать фетов, так как афиняне, имея в своем распоряжении молодых людей из имущих слоев, едва ли были склонны распределять оружие между 50-летними фетами.

Итак, из 13 тыс. гоплитов, годных для полевой службы, около 10 тыс. принадлежали к трем высшим классам. В число 1200

^в Перевод С. А. Жебелева (СПб., 1911); таковы же переводы Э. А. Бетана (Paris, 1863) и Т. Брауна (Leipzig, 1961).

всадников у Фукидида включены и скифские конные стрелки. Афинских граждан трех высших классов могла быть 1 тыс. человек (200 Белох оставляет на долю скифских стрелков). Лучники состояли из фетов, если только они не принадлежали к полицейскому корпусу, т. е. если не были скифами — рабами. 11 тыс. человек в возрасте 20—50 лет предполагают 1 тыс. *περίτολοι* (эфебы, охранявшие границы) в возрасте 18—20 лет и 2 тыс. человек между 50 и 60 годами. Число метэков-гоплитов в армии 431 г. Фукидид (II, 31, 2) определяет в 3 тыс. Вероятно, это были люди в возрасте 20—50 лет. Чтобы оправдать число 10 тыс. гоппитов для охраны страны, мы должны предположить, что в это число входили не только граждане 50—60 лет, но и вообще все граждане старше 50 лет. Включать сюда клерухов нельзя; ведь они, находясь далеко, не могли защищать город Афины и укрепления Аттики. Белох полагает, что в текст Фукидида рано вкралась ошибка и слово *μετῶν*, ошибочно повторенное из предыдущего, следует атетировать. Тогда вместо 16 тыс., охранявших город и укрепления страны, окажется 6 тыс. и, по мнению Белоха, все будет в порядке. Для осени 431 г. получится:

Гоплиты-граждане	— 10000 чел.
Всадники-граждане	— 1000 »
Тяжелооруженные метэки	— 3000 »

Кроме того, 3 тыс. граждан-гоплитов стояло у Потидеи (Thuc. II, 31, 2). Это были максимальные военные силы Афин. В дальнейшем, проследивая убывание военной мощи государства, Белох констатирует невозможность определить количество фетов. Афины в начале Пелопоннесской войны не имели правильно организованного войска легковооруженных. Фукидид, прямо говорил об этом: *ψιλοὶ δὲ ἐκ παροξυνήσ μεν ὀπλομένοι οὐτε τότε παρήσαν οὐτε ἔχοντο τῇ πόλει* (IV, 94, 1) — «легковооруженные правильно снаряженные там отсутствовали, да их у государства вообще не было» (речь идет о битве при Делионе в 424 г.). Был только корпус лучников. Кое-что можно вывести из показания Фукидида о битве при Делионе: *ὁ δὲ Ἰπποκράτης ἀναστῆρας Ἀθηναίους παύσει, αὐτοὺς τε καὶ τοὺς μετοίκους καὶ ἔξωθεν δόσι παρήσαν καὶ* (IV, 90, 1) — «Гиппократ, подняв всех афинян, их самих, метэков и чужестранцев, сколько их имелось», и т. д.

Есть основания думать, что в битве участвовали все перечисленные категории людей в возрасте до 50 лет (45-летний Сократ был участником битвы). Аттических гоппитов было, по Фукидиду, столько же, сколько беотийских, а аттических легковооруженных намного больше, чем беотийских. Беотийцев, по Фукидиду (IV, 93, 3), было: 1 тыс. всадников, 7 тыс. гоппитов, 500 пельтастов, более 10 тыс. легковооруженных. Следовательно, аттических легковооруженных было заметно более 10 тыс., предположительно 12 тыс., возможно, даже 15 тыс. Вся аттическая армия могла достигать 20—23 тыс. человек. Принимая во внима-

ние непригодных к военной службе и освобожденных от нее по закону, следует думать, что осенью 424 г. свободное мужское население Афин в возрасте 20—50 лет исчислялось в 30—35 тыс. Число находившихся в Афинах чужестранцев с излишком компенсировалось находившимися вне Аттики афинскими гражданами и метэками. Слова «вне Аттики» Белох поясняет: во флоте, в гарнизонах, в отъезде по частным делам (клерухов он оставляет в стороне); в другом месте своего труда историк говорит о «занятости афинян за пределами своей страны»: *διὰ ... τὴν ὑπερῶσαν ἀρχολίαν* (Thuc. VIII, 72, 1), что и попытался раскрыть здесь Белох.

Между осенью 431 и осенью 424 г. Афины понесли большие потери в численности граждан. Поэтому, считает Белох, если в 424 г. свободного мужского населения было в Аттике 30—35 тыс., то для 431 г. можно принять 40—47 тыс. (исходя из расчета; что эпидемия унесла 1/4 не только гоппитов и всадников, но и граждан низшего слоя). Общую сумму свободного населения для 431 г. Белох определяет в 120—140 тыс. душ. Число граждан гоппитского ценза было (согласно вышеприведенным данным) 15—16 тыс., а число метэков того же ценза — 4 тыс. На долю фетов и бедных метэков остается 20—28 тыс. Принимая среднее число — 24 тыс., а отношение между гражданами и метэками 4:1, получаем для фетов 19—20 тыс., общее число граждан 35 тыс. при 9 тыс. метэков. Эти числа, если они и не могут претендовать на абсолютную точность, все же приближаются к истине.

Полученное в результате приведенных выше рассуждений число фетов для 431 г. Белох проверяет при помощи тех, на первый взгляд озадачивающих, данных, какие у нас имеются о раздаче гражданам при архонте Лисимахе в 445/4 г. египетского хлеба.

Здесь нет надобности глубже вникать в вопрос. Важно то, что путем тонкой реальной интерпретации свидетельств исследователь приходит к заключению; данные, относящиеся к числу фетов (а только о них может идти речь в отчетах о раздаче хлеба), не противоречат полученным иным путем.

Белох добавляет еще количество граждан, находившихся в клерухиях, — по его расчету 10 тыс. человек; получается около 45 тыс. Только после этого Белох обращается к рабам. Начинает он с разбора показания Афиней (VI, 272 В, D), будто перепись Деметрия Фалерского обнаружила в Афинах 400 тыс. рабов. Здесь же сообщение о 470 тыс. рабов на Эгине, 460 тыс. в Коринфе. Смертельный удар этим показаниям, долгое время не вызывавшим сомнений, нанес, как было сказано выше, Юм. Афиней ссылается на большие авторитеты: для Эгины — на Аристотеля, для Коринфа — на Тимея, для Афин — на Ктесикла, ближе нам, правда, не известного, но, по всей вероятности, черпавшего из афинских источников, как показывают здесь же приведенные

данные о числе граждан и метэков согласно переписи Деметрия Фалерского.

Недостоверность дошедшей до нас рукописной традиции Афиней Белох доказывает рядом соображений. Небольшая, к тому же скалистая поверхность эгинской и в какой-то степени коринфской территории не требовала для своей обработки большого количества рабочих рук, а следовательно, и рабов. На торговых кораблях не было гребцов, так что отпадает возможность часть рабов поместить в торговом флоте. Значит, подавляющее большинство рабов должно было быть сосредоточено в столицах. А если так, то и Эгина, и Коринф были бы крупнейшими городами греческого мира, чего в действительности не было. Добавочное соображение: известно, что в 433/2 г. Коринф набирал для своего флота в 90 триэр моряков из-за границы: *ἐκ- τε αὐτῆς Πελοποννήσου ἀγειρόντες καὶ τῆς ἄλλης Ἑλλάδος ἐρέτας μισθῷ πείθοντες* (Thuc. I, 31; cf.: 35, 3), а это было бы непонятно при наличии в самом Коринфе огромного числа рабов. Вывод один: цифры Афиней невозможны. В свое время Бёк ради спасения показаний Афиней готов был допустить, что в Лаврионских рудниках работало 60 тыс. рабов. Это предположение Белох опровергает ссылкой на Ксенофонта (Vest. 4, 26—27), который высказывает пожелание, чтобы в рудниках Лавриона работало 10 тыс. рабов, и при этом возражает против утверждений о невозможности занять там столько рабочих рук.

Тем не менее фактом остается наличие огромных чисел у Афиней. Белох обращает внимание на то, что название всех трех чисел начинаются с М, т. е. с буквы, обозначающей числительное 40. Та же буква обозначает и 10 тыс. (*μυριάς*). Это обстоятельство было причиной неправильного прочтения числительных: 60 тыс. было прочтено как 460 тыс., а 70 тыс. — как 470 тыс. Несколько иначе, чем с этими данными для Коринфа и Эгины, обстоит дело с данными для Афин. По мнению Белоха, Афиней (а скорее, не известный нам его непосредственный источник) нашел у Ктесикла только цифровое обозначение М, т. е. 10 тыс., самое число мириад стерлось. Вслед за Юмом Белох полагает, что Ктесикл написал *τετρακοσίου*, т. е. 40 тыс., а у Афиней из этого получилось *τετρακοσίων* *μυριάδες*, т. е. 400 тыс. Белох считает 40 тыс. рабов в Афинах Деметрия Фалерского вполне приемлемым числом. Всего получается 100 тыс. рабского населения в Афинах того времени, так как процент взрослых мужчин должен был быть среди рабов выше, чем среди гражданского населения.

Однако задача определения количества рабов в Афинах к началу Пелопоннесской войны этим не решается. Здесь приходится исходить из числа свободного населения и опираться на предполагаемое вероятное соотношение между количеством свободного и рабского населения. Исследователь предупреждает, что общие законы учения о народонаселении применимы в данном случае лишь со значительными ограничениями. Количество рабов

зависело от привоза нужных для работы взрослых мужчин, главным образом из восточных стран. Количество привозившихся рабов колебалось в зависимости от экономических и политических причин. Войны и хозяйственные кризисы несли с собой сокращение привоза рабов, а мир и хозяйственный подъем — расширение привоза. Белох берет известные нам из речи Демосфена против Лептина (32) цифры местного и привозного хлеба, потреблявшегося в Афинах во второй половине IV в. Аттика давала 400 тыс. медимнов, преимущественно ячменя. Этого достаточно для прокормления 40—45 тыс. человек. Привозной хлеб, главным образом пшеница, в количестве 800 тыс. медимнов, мог прокормить (считая по 6 медимнов на человека) 130 тыс. человек. Таким образом, 45 тыс. и 130 тыс. — 175 тыс. Вычтя отсюда 100 тыс. свободного населения, Белох получает для второй половины IV в. 75 тыс. рабов. Приводя разные другие соображения, Белох приходит к мысли, что в начале Пелопоннесской войны рабов, в Афинах было более 75 тыс., примерно 100 тыс. или несколько больше.

Свое решение вопроса дал и Эдуард Мейер.⁷ Основным для него является, естественно, вопрос о количестве свободного населения в Аттике. Фукидид (II, 31) сообщает, что в 431 г. афиняне вторглись в Мегариду «всем войском» — *πανотратία*. С сухопутной армией соединились 100 триэр, которые объехали берега Пелопоннеса, опустошая их. На кораблях было 1000 эпибатов, морских воинов (II, 23, 2). Общее число гоплитов, афинских граждан, оказалось не менее 10 тыс. Кроме них было 3 тыс. гоплитов метэков и большое число легковооруженных. В это же время под Потидеей стояло афинское войско из 3 тыс. гоплитов. Таким образом, мы видим, что в 431 г. до н. э. Афины были способны выставить войско из афинских граждан в количестве 13 тыс. человек. Эти данные заслуживают полного доверия, так как исходят от хорошо осведомленного государственного человека и полководца, у которого мы не вправе предположить ошибку.

Чтобы использовать данные Фукидида для дальнейших расчетов, Эд. Мейер обращается к организации военного дела у афинян с точки зрения состава войска. Афинянин гоплитского ценза был военнообязанным с момента достижения 18-летнего возраста и до окончания 59-летнего. Два первых возраста, эфебы, находились под оружием в Аттике для охраны страны и пограничных укреплений. К действующей армии 431 г. их причислять нельзя. Из «Афинской политики» Аристотеля (24, 3) мы знаем, что Афины держали ежегодно на территории союзных городов 2500

⁷ Meyer E. Wehrkraft, Bevölkerungszahl und Bodenkultur Attikas. — In: Meyer E. Forschungen zur alten Geschichte. Bd II. Halle a. s. 1899, S. 149—195. Cp.: Meyer E. Die Sklaverei im Altertum. Vortrag. Dresden, 1898.

гоплитов. Вслед за Фукидидом (II, 13 — ἀνευ-τὸν ἐν τοῖς φρουρίοις) Эд. Мейер не причисляет эти гарнизоны к действующей армии, хотя и принимает их в расчет при исчислении военных сил афинского государства. Следует также помнить об 1 тыс. всадников, 200 конных стрелков и 1600 пеших стрелков. Эд. Мейер протестует против мнения, будто среди гоплитов 431 г. должны были быть и граждане четвертого класса — феты, неспособные вооружиться на собственные средства и потому получившие вооружение от государства, а также против мнения, будто эпібаты были фетами (Белох). Нашими источниками такое мнение не подтверждается. Известно, что «чума» (какая-то эпидемия), свирепствовавшая в Афинах в начале Пелопоннесской войны, унесла огромное количество жертв, среди них 4400 гоплитов и 300 всадников: τετρακοσίων γὰρ οπαιτῶν καὶ τετρακισχίλιον οὐκ ἑλθε-
σοὺς ἀπέθανον ἐκ τῶν τάξεων καὶ τριακοσίων ἐπείων, τὸ δ' ἑ ἀλλοῦ ὄχλου ἀνεξέροτο ἀριθμὸς (Thuc. III, 87, 3). Самый способ выражения историка показывает, что гоплиты, о которых здесь говорится, были зевгитами. Феты в поход не выступали, что прямо засвидетельствовано Гарпократионом (Нагорск. s. v. ὄντες) со ссылкой на комедию Аристофана «Сотрапезники»: ὅτι δὲ οὐκ ἐστρατεύοντο ἐτρηκε καὶ ἀριστοφάνης ἐν δαιταλῆσιν (fr. 232).⁸

В качестве серьезного возражения против предположения о допуске фетов в войско гоплитов Эд. Мейер выдвинул следующий довод: феты нужны были афинскому государству в качестве гребцов (соображениям об отсутствии у фетов военной и гимнастической подготовки и о дорогом стоившем государству вооружении Эд. Мейер не придает решающего значения). До сицилийской экспедиции в афинскую действующую армию привлекали метэков и отчасти наемников. Впервые, насколько мы знаем, именно для сицилийской экспедиции в 415 г. решились вооружить фетов как гоплитов. Наряду с 1500 гоплитами было отправлено 700 фетов-эпібатов, а также 2900 чужеземных гоплитов — союзников и наемников. Потери в личном составе граждан в результате эпидемии и военных действий, обеднение зевгитов во время Декелейской войны вынудили афинское государство вооружить на свой счет утративших свой реальный ценз зевгитов, что делает для нас понятными слова Фукидида: ἐπιβάτας τῶν οπαιτῶν ἐκ καταλόγου ἀναγκαστοῦς (VIII, 25) — «морских воинов из гоплитов, из списка (граждан) в принудительном порядке».

Гоплиты из списка граждан в принудительном порядке определились во флот эпібатами. Неправоммерно распространять такую меру на время Архидамовой войны; она понятна только из условий Декелейской войны. Исключительным и отнюдь не характерным было положение летом 406 г. во время приготовлений перед битвой при Аргинузах. Во флот были завербованы все

пригодные для несения морской службы по возрасту (Xenoph., Hell. I, 6, 24). Для защиты Аттики были оставлены лишь младшие и самые старшие возрасты (не утратившие физических сил люди старше 60 лет).

На основании всех расчетов и соображений Эд. Мейер получает состав афинской армии в 431 г.г

Гарнизоны на территории союзников —	2500 чел.
Полевая армия:	
всадники	— 1000 »
гоплиты	— 13000 »
конные стрелки	— 200 »
пешие стрелки	— 1600 »
Охрана Аттики (ополчение):	
граждане-гоплиты	— 13000 »
метэки	— 3000 »

Всего: 34300 чел.

Исключив метэков, получаем 31 300 граждан в афинской армии. Стрелки в количестве 1800 человек — феты, прочие 29 500 принадлежат к трем высшим классам (пентакосиомедимны, всадники, зевгиты). Конница комплектовалась из двух высших классов. Однако не все лица этих классов попадали в конницу. Во-первых, некоторые в результате докимасии признавались непригодными для кавалерии; во-вторых, не для всех оказывались места в коннице — всадников ведь было всего 1 тыс., так что не попавшие в конницу служили гоплитами; в-третьих, в кавалерии служили только молодые люди, так что пентакосиомедимны и всадники старших возрастов причислялись к ополчению. Значит, число кавалеристов (1 тыс.) не совпадало с числом граждан первых двух классов (в возрасте 20—60 лет). Эд. Мейер принимает число последних равным удвоенному числу кавалеристов, т. е. 2 тыс. На долю зевгитов остается 27 500 человек (29 500—2000).

Для получения общего числа афинских граждан трех высших классов Эд. Мейер призывает себе на помощь еще ряд соображений. Используя данные французских и германских статистиков по распределению мужчин по возрастам, он получает для Афин около 1600 эфебов и около 5 тыс. человек в возрасте 50—59 лет, что дает Для ополчения:

Эфебы	— 1600 чел.
Всадники и пентакосиомедимны	— 1000 »
Зевгиты в возрасте 50—59 лет (которые лишь в виде исключения включались в действующую армию)	— 5000 »
Зевгиты моложе 50 лет, непригодные для включения в действующую армию	— 5400 »

Всего: 13000 чел.

⁸ Здесь и далее фрагменты комедий даются по кн.: Kock Th. Comilorum Atticorum. fragmenta. V. I. Lipsiae, 1880.

Для получения общего числа взрослых граждан трех высших классов следует прибавить еще мужчин старше 60 лет. Их могло быть у пентакосиомедимнов и всадников 430 человек, у зевгитов около 6 тыс., а если принять во внимание количественное превосходство женщин, то для первых двух классов получим мужчин 400 человек, а для третьего класса 5600 человек.

Общее число афинских граждан трех высших классов у Эд. Мейера:

Эфебы	— 1600 чел.
Пентакосиомедимны и всадники:	
20—59 лет	— 2000 »
60 лет и старше	— 400 »
Зевгиты:	
20—59 лет	— 25900 »
60 лет и старше	— 5600 »
Всего:	35500 чел.

Полноправных граждан, участвовавших в голосовании, т. е. за вычетом эфэбов, было 33 900 человек.

Общее число свободных мужчин старше 18 лет в 431 г.:

Пентакосиомедимны и всадники	— 2500 чел.
Зевгиты	— 33000 »
Феты	— 20000 »
Всего:	55500 чел.

Метэков было по меньшей мере 14 тыс.

Для получения общего числа свободного населения Аттики обоого пола всех возрастов Эд. Мейер принимает подтверждаемое статистическими таблицами нового времени соотношение: мужское население старше 18 лет составляет 1/3 всего населения. Таким путем получается общее количество гражданского населения Аттики всех возрастов (включая женщин и детей) — 170 тыс. душ; метэков окажется 42 тыс. Оговорка Эд. Мейера: последнее число слишком велико, так как бедные метэки едва ли могли завести семью. Получились цифры, близкие к тем, какие дает Виламовиц.

⁹ Wilamowitz-Moellendorff U., Aristoteles und Athen Bd II, Berlin, 1893, S. 208. Эд. Мейер выражает сожаление, по поводу того что он еще в начале 1899 г., при пересмотре своей статьи «Bevölkerung des Altertums» для «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», в основном придерживался тех цифровых показателей, какие получил Белох (около 35 тыс. взрослых граждан при общем числе населения свыше 100 тыс. с 30 тыс. метэков). Только более высокие цифры, полученные Мейером в анализируемой статье, позволяют уяснить себе, почему в Афинах было возможно ежегодно выделять в гелиэю 6 тыс. граждан, пополнять совет Пятисот, избирать много численных должностных лиц (все нужные для этого граждане должны были быть не моложе 30 лет).

Переходя к вопросу о численности рабов, Эд. Мейер начинает с признания, что здесь у нас нет никаких твердых опор. Предположения, какие могут быть здесь пущены в ход, в достаточной мере шатки. Одно из соображений, выдвинутых Эд. Мейером: в Афинах должно было быть больше взрослых мужчин-рабов, нежели женщин и детей. Нужда в рабочих-мужчинах была велика, стоили они сравнительно недорого. Невыгодны были женщины-рабыни, так как хозяевам приходилось кормить рождавшихся от них детей. Даже среди домашних рабов число мужчин сильно преобладало над числом женщин и детей. Это видно из документов об аукционе имущества осужденных по процессу гермокопидов (CIA I, 274 et sq., IV, p. 36—37, 73, 176 et sq.). Фрагменты этих документов (с дополнениями Диттенбергера) дают 17 мужчин, четырех женщин, двух мальчиков (одно имя остается неясным). В Лаврионских рудниках работали, разумеется, взрослые мужчины. Владельцы мастерских нуждались во взрослых рабочих, главным образом мужчин. У нас в руках есть некоторые числовые данные. Лисий в речи против Эратосфена говорит, что Тридцать переписали рабов в мастерской, принадлежавшей его брату: *εις τό ἐργαστήριον ἐλθόντες τά ἀνδράποδα ἀλεγράφωντο* (XII, 8, 9). Не прямо в этой связи, а дальше оратор говорит о 120 рабах своего брата. Эд. Мейер полагает, что большинство их работало в мастерской и, следовательно, были взрослыми мужчинами. У Демосфена, по его собственным словам (XXVII, 9), было два предприятия — фабрика мечей, где работало 32 или 33 раба, и фабрика кроватей, где было 20 работников. Их, конечно, мы должны представлять себе взрослыми мужчинами. Предприятия, о которых мы читаем у Лисия и Демосфена, считались в Афинах крупными. Это явствует из контекста, а у Демосфена, прямо сказано: *δύο ἐργαστήρια τέχνης οὐ μικράς ἐκάτερον* (ibid.) — «две мастерские, каждая немалая». Платону нужен в одном из его рассуждений пример богатого гражданина, и он берет владельца «пятидесяти или больше рабов»: *ὅτω ἐστὶν ἀνδράποδα πεντήκοντα ἢ πλείω* (Resp. IX, 578 D).

Отсюда следует, что мы должны решительно отбросить всякие фантастически преувеличенные представления об огромных массах рабов в древних Афинах. Даже данные Ксенофонта (Vectig. 4, 14, 15) о количестве рабов, отдававшихся внаем в V в. богатыми рабовладельцами для работы в Лаврионских рудниках (Никий — 1 тыс., Гиппоник — 600, Филемонид — 300), не дают нам права думать о десятках тысяч рабов, трудившихся в горных промыслах; речь может идти только о тысячах. В земледелии рабов занято было немного, но нельзя отрицать возможности для зажиточного крестьянина иметь одного-двух рабов в качестве помощников в земледельческих работах. Следует так или иначе учитывать тех рабов, кого называли ἀκολούθοι («сопровождающие»), а также занятых на работах в конюшне. Феты, надо думать, рабов не имели, как, вероятно, и некоторые зевгиты победнее (например, Сократ).

Большая же часть зевгитов имела рабов, по крайней мере по одному. В Псевдоксенофоновой «Афинской политике» говорится об афинских гражданах, которые благодаря тому, что владеют имуществом за пределами страны или занимают должность за пределами страны, научились действовать веслом — и сами они, и их спутники-рабы (ἀκολούθοι): «ведь неизбежно человек, часто плавающий, берется за весло — и он, и его раб» (I, 19).

Характерно заключение Эд. Мейера: можно принять круглым счетом количество рабов в Аттике к началу Пелопоннесской войны 50 тыс., возможно, и больше. Некоторую минимальную границу дает Фукидид (VII, 27), когда он говорит более чем о 20 тыс. рабов, бежавших в Декелею. Это, думает Эд. Мейер, было бы мало, если бы количество рабов было 200 тыс., т. е. если бы бежавшие составляли 10% общего состава рабов. Допустимым максимумом Эд. Мейер считает 150 тыс.

Подсчет мисс Р. Л. Сарджент¹⁰ отличается особой тщательностью и стремлением учесть, по возможности, самые разнообразные обстоятельства, которые могут помочь приблизиться к реальным условиям афинской жизни V—IV вв. до н. э. Собственных соображений о количестве свободного населения афинского государства американская исследовательница не выдвигает; в конечном счете она находит точки опоры в соображениях Белоха и Эд. Мейера, не делая между ними выбора, а потому и свои результаты дает в двух вариантах.

В начале работы Сарджент формулирует положения, которым она руководилась в своем исследовании: ссылаясь на текст, по называющий нам конкретного рабовладельца, она интерпретирует его с оглядкой на контекст и на социальные и экономические обстоятельства этого собственника с тем, чтобы получить ответ на вопрос, в какой мере разбираемый случай является типичным. Далее, отметив значение наших источников, автор вкратце разбирает результаты, полученные предшественниками, и указывает на допущенные ими погрешности и неточности; главным образом речь идет о недоучете тех или иных более или менее важных моментов.

Свои положения автор подразделяет на следующие части: "1) рабы в домашнем услужении (р. 44—67); 2) рабы в сельском хозяйстве (р. 68—84); 3) рабы в индустрии (р. 86—109); 4) государственные рабы (р. 110—121); 5) рабы детского возраста, до 9 лет (р. 122—125).

В первом разделе исходным пунктом являются места из авторов, где прямо говорится о рабах в домашнем услужении. У Лисия метэк Каллий говорит на суде: οὐ γὰρ τοῦτοίς μονοῖς εἶσι θεράποντες,¹¹

¹⁰ Sargent R. L. The size of the slave population of Athens during the fifth and fourth centuries before Christ. Urbana, 1925. (University of Illinois Studies in the social sciences, 1924, v. XII, N 3).

¹¹ В данном случае это слово означает «рабы».

οὐδ' αὖ καὶ τοῖς ἄλλοις ἀπασιν (V, 5) — «рабы есть у всех», у Демосфена Аполлотор обращается к судьям со словами: «вы все — господа, и я был господином» (XLV, 80). Приведенные места у ораторов свидетельствуют о распространении этого вида рабства (раб — домашний слуга), однако не дают нам права слишком широко толковать слово «все». Покупка и содержание раба, конечно, были не по средствам для граждан, принадлежавших к бедному слою. У Аристофана (Ecc1. 593) Праксагора хочет покончить с положением, при котором один имеет много рабов, а другой не имеет даже одного. Аристотель констатирует, что у бедняков женщины и дети выполняют роль слуг из-за отсутствия рабов: τοῖς γὰρ ἀποροῖς ἀνδρὶ χρησθαὶ καὶ γυναίκε καὶ ἄις τιν ἑ-περ ἀκολούθοις δ' τὰ τὴν ἀδούλῃαν (POLIT. VI, 5, 13, 1321b, 5—6).

Способность или неспособность иметь раба может, таким образом, считаться критерием, определяющим непринадлежность или принадлежность гражданина к бедным слоям населения. Следовательно, в рассуждениях о количестве рабов у афинского гражданина нужен дифференцированный подход. Феты, экономически наиболее слабый слой афинского гражданства, как правило, рабов не имели. Богатые, т. е. граждане первых двух классов — пентакосиомедимны и всадники, на которых ложилась тяжесть литургий, конечно, имели домашних рабов. Отказываясь определить число рабов в домашнем обиходе отдельных считавшихся очень богатыми людей (Никий, Каллий), Сарджент по рассмотрению довольно скудных данных о количестве рабов у состоятельных и средних в имущественном отношении людей приходит к заключению, что у наиболее богатых семей в Афинах V—IV вв. домашняя прислуга состояла не более чем из восьми-девяти слуг-рабов, из которых большой процент составляли женщины. Люди богатые, но в меньшей степени, принадлежавшие к числу всадников, могли иметь в своем доме от двух до пяти рабов. Лица из третьего солоновского имущественного класса — зевгиты, не представлявшие собой во всех отношениях однородную массу, могли и вовсе не иметь рабов (Сократ), но, если они являлись земельными собственниками, они также нуждались в рабах в своем хозяйстве и несомненно имели их. Те из зевгитов, которые жили в городе, пользовались в доме услугами одного-двух рабов; кроме того, они могли отдавать этих рабов внаем или делали их помощниками в своих лавках. Общий вывод о рабах в домах зевгитов: в семье могло быть от одного до трех рабов, которые часть времени могли проводить вне дома, зарабатывая деньги для своих хозяев.

Бесспорно достоверными сведениями Сарджент вслед за другими исследователями считает приведенные у Афиня данные о взрослом свободном мужском населении при Деметрии Фалерском — 21 тыс. граждан и 10 тыс. метэков. Включив женщин и детей, получим 90—100 тыс. свободного населения в целом. Но эти цифры нельзя механически перенести в V в. Для 431 г.,

накануне Пелопоннесской войны, Эд. Мейер получает 69 500 свободных взрослых мужчин. Всего свободного населения будет $65\,900 \times 3 = 208\,500$ человек. Распределение по имущественным классам следующее:

Пентакосиомедимны и всадники	— 7500	чел.
Зевгиты	— 99000	»
Феты	— 60000	»
Метэки	— 42000	»

Всего: 208500 чел.

Если принять в среднем по пять человек на каждую семью, получим количество семей: пентакосиомедимнов и всадников — 1500, зевгитов — 20 тыс. Количество рабов в домашнем услужении у граждан, если принять в среднем по пять рабов в самых богатых и просто состоятельных семьях и по одному рабу в семьях среднего достатка, будет:

$$\begin{aligned} 5 \times 1500 &= 7500 \text{ чел.} \\ 1 \times 20000 &= 20000 \text{ »} \end{aligned}$$

Всего: 27500 чел.

К этому числу следует добавить рабов, обслуживавших семьи метэков. Из 14 тыс. метэков (по Эд. Мейеру), предполагая то же соотношение между людьми разного достатка, что и для гражданского населения, получаем для домашнего хозяйства метэков:

$$\begin{aligned} 5 \times 150 &= 750 \text{ чел.} \\ 1 \times 2250 &= 2250 \text{ »} \end{aligned}$$

Всего: 3000 чел.

Итак, перед Пелопоннесской войной в домах граждан и метэков находились 30 500 рабов. Бедствия Пелопоннесской войны принесли убыль в числе граждан, в частности и среди граждан, обладавших достатком, так что последних оставалось в конце войны не более 9—10 тыс. Количество рабов, естественно, также сократилось; по мнению Сарджент, их осталось не более 9—10 тыс.

Точек опоры для суждения о количестве рабов, труд которых применялся в сельском хозяйстве Аттики, у нас очень мало. Продолжая применять свою методику исследования, Сарджен отдельно говорит о хозяйстве богатых, средних и бедных граждан. К первой категории принадлежит Исхомах в «Экономике» Ксенофонта. Этот землевладелец сам надзирает за своим хозяйством. О количестве рабов у него мы ничего не узнаем, но зат"

получаем уверенность в том, что даже богатый сельский хозяин придерживался правила добиваться максимума эффекта от труда наименьшего количества работников (Xenoph., Oec. 4, 5; 9, 5; 13; 10). Богатых землевладельцев в Аттике не могло быть много, так как пригодной для обработки земли в стране было мало. Ни о каких латифундиях, разумеется, речи быть не может. Алкивиад владел всего 300 плетров земли (ок. 65 акров) и считался очень богатым (Plato, Alcib. I, 123 D). Лисимах, сын Аристиды, получил в то время, когда Афины были «богаты землей и деньгами», щедрый дар — 200 плетров земли (ок. 43 акров) на Эвбее (Demosth. XX, 115; Plut., Aristid. 27). Едва ли требовалось большое количество рабочих рук для обработки таких имений. Ряд других мест из античных авторов приводится для подтверждения той мысли, что на земельных участках, принадлежавших богатым собственникам, использовался труд рабов. По вопросу о количестве рабов эти места, однако, ничего не дают.

Менее крупных землевладельцев Сарджент называет на американский лад фермерами. Дикеополь из «Ахарния» Аристофана, видимо, принадлежит к таким «фермерам». У него двое рабов — один Ксанфий (243, 259), другой не назван по имени (887, 1098, 1119). Бделиклеон из «Ос» владеет, по-видимому, четырьмя рабами (433). Сарджент вспоминает и Хремила из «Богатства» — у него есть один раб на ферме, другие — в доме: τὸν ἑμὸν ὄφονκτην πητοτάτον ἠγοῦμαι σε κτλ (34, 26—27). Ошибаются те, кто на основании примера Хремила думают, что даже самый бедный афинянин имел рабов. Хремил знал лучшие дни (ibid. 28—29). Он, видимо, зевгит. Среди «фермеров» были и бедные люди, своими руками обрабатывавшие земельные участки. Таковы три автурга (αὐτοῦργοι) Эврипида (El. 78—81; Suppl. 420—422; Orest. 917—922) — фигуры, несомненно отражавшие определенную реальную категорию мелких земельных собственников. Таков и владелец освобожденного от податей Писистратом участка земли (Aristot., Ath. Pol. 16). Не следует забывать, что сельскохозяйственные работы требовали увеличения количества рабочих рук лишь в определенные сезоны — во время сбора винограда, оливок и др. В 403/2 г. только 5 тыс. граждан (из общего вероятного числа 20 тыс.) не имели земли: ΦΟΡΜΙΣΤΙΟΥΣ ΤΙΣ ΤΩΝ ΣΥΓΚΑΤΕΛΘΟΝΤΩΝ ΜΕΤΑ ΤΟΔ ΑΗΜΟΥ ΓΝΩΜΗΝ ΕΊΣΗΓΗΣΑΤΟ. . . ΠΟΛΙΤΕΥΑΝ ΜΗ ΠΑΣΙΝ, ΑΛΛΑ ΤΟΙΣ ΓΗΝ ΕΧΟΥΣΙΝ ΠΑΡΑΔΟΝΑΙ. . . ΕΜΕΛΑΟΝ ΔΕ. . . ΠΕΝΤΑΚΙΣΧΙΑΙΟΙ ΣΧΕΔΟΝ ΑΠΕΛΑΘΗΣΣΟ-αι τὸν κοινὸν (Argument. ad Lys. XXXIV).

Имея так мало данных, Сарджент вынуждена для получения предположительного числа рабов, занятых в сельском хозяйстве, прибегнуть к соображениям самого общего порядка. Только четверть аттической территории пригодна для обработки (около 150 тыс. акров). Если признать, что в среднем каждый землевладелец пользовался трудом одного раба, то можно думать, что в V — IV вв. на сельскохозяйственных работах трудилось 10—12 тыс. рабов.

¹³ B e l o c h Ju. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt, ä. 71—72.

Обращаясь к рабам, занятым в ремесленном производстве, Сарджент в первую очередь говорит о рабах в добывающей промышленности — в горном деле, на серебряных и свинцовых рудниках Лавриона. Если, оставя в стороне все, что не относится к численности рабов, занятых в горной промышленности, сосредоточить внимание только на вопросе о количестве рабов в рудниках, то придется сразу же констатировать исключительную скудость имеющихся у нас сведений, которые позволяют самое большее дать очень гадательное число. Фукидид говорит о 20 тыс. с лишним рабов, преимущественно ремесленников, бежавших к спартамцам в Декелею (VII, 27, 5). Сарджент склоняется к мысли, что это были люди, работавшие в Лаврионских рудниках. Алкивиад обещает спартамцам в случае принятия ими его плана занятия Декелеи ряд выгод, среди которых было и лишение афинян доходов от серебряных рудников: καὶ τὰς τοῦ λαυρεῖου τῶν ἀργυρεῶν μεταλλῶν προσόδους... ἐοῦς ἀποστερησονται (ibid. VI, 91, 7).

Кроме того, Ксенофонт датирует уменьшение доходов от рудников именно тем временем, когда случились события в Деклее: ὅτι δὲ δέεσται πολλαπλάσια τοῦτων μάρτυ' ῥηταίην ἂν μοι εἰ τίνες εἰς τὴν μεμνημένον ὄσον τὸ τέλος εὐρίσκε τὴν ἀναρπῶσαν πρὸ τὴν τὴν δεκτέαια (Vect. 4, 25). Осторожность все же заставляет исследовательницу высказать некоторые сомнения: не может быть полной уверенности в том, что все перебежавшие во вражеский лагерь рабы были из рудников; второе сомнение (к которому, однако, ввиду свидетельства Фукидида трудно присоединиться) — не входят ли в число 20 тыс. и те, которые перебежали к спартамцам еще в 430 г., когда последние дошли до Лавриона (Thuc. II, 55).

В проекте Ксенофонта Сарджент находит кое-что, чем можно воспользоваться для некоторых выводов. Ксенофонт предлагал государству приобрести сначала для работ в рудниках 1200 рабов, затем, через 5—6 лет, довести их число до 6 тыс.; при этом все же доход от их труда будет меньше, чем он был до Декелеи (Vect. 4, 25). Отсюда можно заключить, что в 430 г. рабов в Лаврионе было больше 10 тыс. Сарджент допускает, что их могло быть 20 тыс.

Отметив возможность широкого применения рабского труда в индустрии (беря последнее слово в самом широком его смысле), Сарджент приводит и слова Демосфена, что занятия раба зависели от воли господина. О бывшем рабе сказано, что, случись ему попасть путем продажи в руки повара или другого ремесленника, он выучился бы ремеслу своего господина, но он стал рабом трапезита, а потому был обучен грамоте, усвоил специальность своего господина, стал богатым (Demosth. XLV, 71).

Персонал, занятый в ремесле (если оставить в стороне Лаврион), не был велик. Твердой опоры для количественных выкладок мы не имеем. Выставляется положение: если известно количество хозяев, то можно приблизительно вычислить и количество рабов, занятых в ремесле. С полным основанием Сарджент считает

порочной методику Валлона,¹³ который, опираясь на данные подсчета 309 г., приписывает каждому из граждан и метэков по три раба, занятых в ремесле; к полученному числу (96 тыс.) добавляет рабов, трудившихся в рудниках (10 тыс.), и рабов, не занимавшихся ремеслом (по Валлону, 101 тыс.), чтобы, наконец, получить общее большое количество рабов в Афинах в V—IV вв. (207 тыс.).

Сарджент идет другим путем. Она берет рабовладельцев, известных из литературы и имевших определенное число рабов, и пробует уяснить себе экономическое положение этих рабовладельцев. Для V в. у нас есть только один пример — Лисий и его брат Полемарх, очень богатые люди метэкского звания (Lys. XII, 19). На их фабрике щитов работало в 404 г. 120 рабов. В IV в., около 360 г., отец оратора Демосфена владел фабрикой мечей, на которой трудились 32 или 33 раба (Demosth. XXVII, 9). Используя, далее, то, что можно извлечь из речей Демосфена (XXXVI, 5, 11), Эсхина (I, 97, 100, 101), Исея (VI, 33; VIII, 35), выделив на основании полученного материала 12 самых богатых граждан и отметив отсутствие у некоторых из них рабов интересующей нас здесь категории, автор получает 270 рабов, т. е. в среднем по 22 раба на семью. Так мы имеем для богатой семьи в среднем 22 раба, которые трудились в области промышленности. Еще более гадательным является число рабов, получаемое для семей среднего достатка. Данных в нашем распоряжении нет. Поэтому автор довольствуется предположением: в таких семьях имелось по одному рабу для помощи хозяину в его деле. Бедные граждане, само собой разумеется, здесь в счет не идут.

Для V в. Эд. Мейер и Белох дают разное количество состоятельных и средних в имущественном отношении семей (граждан и метэков вместе взятых): у Эд. Мейера 1650 состоятельных и 22 250 средних, у Белоха 1050 состоятельных и 10 950 средних домов. Если принять выкладки Эд. Мейера, то, считая по 22 раба на состоятельную семью и по одному рабу на среднюю, получим для рабов-ремесленников (без рудников) 58 550 человек, согласно же расчетам Белоха — 34 050 человек. Сарджент склонна скорее принимать результаты Белоха, полагая, что едва ли в Афинах перед Пелопоннесской войной было более 28—30 тыс. рабов, занятых ремесленным трудом (не считая работавших в рудниках); вернее, думает исследовательница, их было 18—20 тыс. В первый период Пелопоннесской войны количество рабов, относившихся к категории ремесленников, могло возрасти. Именно к этому времени относятся известия о демагогах, разбогатевших благодаря своим мастерским по изготовлению ламп, обуви, по обработке кожи (Клеон, Гипербол — Aristoph., Equ. 739—740). Серьезные экономические затруднения начались после сицилий-

¹³ Валлон А. История рабства в античном мире. Греция, Пер. С. П. Кондратьева. М., 1941, с. 92 и след.

ской экспедиции и занятия Декелеи противником. Они не могли не сказаться на числе рабов. Резюмируя, автор находит, что за 25—50 лет до сицилийской катастрофы в Афинах были заняты в промышленности (включая горное дело) 45—50 тыс. рабов; в течение двух десятилетий после этой катастрофы таких рабов было уже не более 20 тыс.; лишь во второй половине IV в. число их достигло опять своего максимума — 35—40 тыс.

Среди государственных рабов следует, как известно, различать три категории: 1) рабы при должностных лицах; 2) рабы полицейские (и стрелки); 3) рабы, использовавшиеся на общественных работах.

Относительно первой категории существует мнение, что каждое должностное лицо имело при себе государственного раба. Для поручений и подсобных работ — δημόσιος или υπηρέτης. Аристотель насчитывает в Афинах для V в. около 700 должностных лиц: ἀρχαὶ δ' ἐνδηοὶ μὲν εἰς ἐπικράτους ἄνδρας (Ath. Pol. 24, 3). Если так, то и государственных рабов первой категории могло быть около 700. Хотя Сарджент считает число 700 для должностных лиц в Афинах преувеличенным, объясняя его тем, что Аристотель включил сюда и граждан, выполнявших подсобные функции при должностных лицах, она все же согласна допустить возможность существования в Афинах 700 государственных рабов, находившихся в распоряжении должностных лиц.

Вторая группа государственных рабов носила название Σκῦθαи или τοξόται, иногда Στενοίνιοι (Pollux VIII, 132). У нас есть некоторые сведения об их количестве, к сожалению, не настолько ясные, чтобы не вызывать никаких вопросов. Оратор Андокид говорит, что афиняне купили 300 скифских стрелков: τοξότας τριακοσίους Σκῦθας ἐπράξαμεθα (III, 5). Сообщение это относится к V в., вероятно ко времени после Саламинской битвы, и, разумеется, заслуживает полного доверия. Дальнейшее уже менее ясно и вызывает разногласия. Андокид и вслед за ним Эсхин сообщают, что после Тридцатилетнего мира афиняне завели кавалерию в 1200 человек: χίλους καὶ διακόσιους ὑπέρτας и дальше: καὶ τοξότας ἕτερον; τοσούτους (Andoc. III, 7); χίλους καὶ διακόσιους ὑπέρτας καὶ ποσὶ ἵππων καὶ τοξότας ἕτερον; τοσούτους (Aesch. II, 174) — «и других стрелков в таком же количестве». Как понимать «в таком же количестве»? Естественная мысль: «в том же количестве, какое только что названо, т. е. 1200 человек». Против этого, однако, говорят соображения реального характера — содержать 1200 стрелков было бы слишком обременительно для государственной казны. Выход, предлагаемый в исследовании Сарджент: «в таком же количестве», т. е. других стрелков столько же, сколько было раньше; их было раньше 300, добавилось столько же, стало 600. Возникает недоумение: выражение ἕτερον; τοσούτους как будто должно относиться к числу, только что указанному, т. е. 1200. Соображение, выдвигаемое исследовательницей: число, только что указанное (1200), не относится к скифам; τοξόται обозна-

чает здесь силы, частично гражданские, частично наемные, которое были включены в афинскую армию. Действительно, из Фукидида мы узнаем о 1200 кавалеристах и о 1600 стрелках в афинской армии в начале Пелопоннесской войны: ὑπέρτας δὲ... διακόσιους καὶ χίλους... ἐξακόσιους δὲ καὶ χίλους τοξότας (Thuc. II, 13, 8; cf.: IV, 129, 2; VI, 25, 2; Plut., Themist. 14). Сарджент присоединяется к мнению Бузольта, что 1 тыс. полицейских (это число дают вместо 1200 для афинских полицейских Схолии к Аристофану и Суда — Schol. Aristoph., -Ach. 54; Suda s. v. τοξόται) было бы слишком много для Афин. К тому же мы знаем из документальных источников, что некоторые полицейские функции выполнялись гражданами. Так, в надписи около 440 г. упоминаются трое граждан из пританствующей филы, которые стоят на часах у Акрополя, чтобы не допускать туда беглых рабов и воров — τοξόται: φύλακας δὲ [εἶ]ναι τρεῖς μὲν τοξό[τ]ας ἐκ τῆς φυλῆς τῆς προπαιεύουσας (IG IV, 1, 26a; Dittenberger, Sylloge², N 16).¹⁴ Аристотель, сообщает о 50 гражданах-стражах в городе: πρὸς τούτους ἐν τῇ πόλει φρουροὺς πεντήκοντα (Ath. Pol. 24, 3).

Наконец, последняя группа государственных рабов — Σκῦθαи ἐργάται, которые трудились на общественных работах. Известно, что афинское государство около середины IV в. до н. э. начала покупать рабов с такой целью. До середины IV в. этого не было. Ксенофонт, предлагая в своем проекте покупать на государственный счет рабов, говорит, что покупка государством рабов для работы в рудниках была бы новшеством: τοῦτ' ἂν μόνον καινὸν γένοιτο (Vect. 4, 17). О государственных рабах, занятых работой по ремонту храмов, свидетельствуют надписи второй половины I V B. (IG II, 2, add. 834b, 329/8 г.; IV, 2, 834b, II add. 834c, 317—307 гг.). О государственных рабах, находившихся в распоряжении должностных лиц, ведавших содержанием в порядке дорог, свидетельствует Аристотель: κληροδοῖ... ὁποιοὺς πέντε οἷς χρυστέπειτα δημοσίους ἐργάτας ἔχουσι πᾶς οδοὺς ἐπισκευάζειν (Ath. Pol. 54, 1), но и это свидетельство относится ко второй половине IV в., ко времени написания «Афинской политики». В V в. таких рабов в Афинах еще не было.

Сарджент соглашается с общим мнением о невыгодности для хозяина покупать малолетнего раба (речь идет о детях до 9 лет). Естественный прирост рабского населения (в большей степени с таким приростом следует считаться в сельских местностях, чем в городе) исследовательница не отрицает.

Таким образом, если для V в. принять общее число рабов 71—91 тыс., то из этого числа на долю женщин придется меньше 1/5, т. е. 16 200—18 200 человек. Детей моложе 9 лет могло быть во времена Перикла 9720—10 920, круглым счетом 9—10 тыс.

¹⁴ См.: Foucart P. Decret athenien du V siecle. — Bull. Corresp. Hellenique, 1890, v. 14, p. 176—177. Правда, издатель, основываясь на том, что Частица μὲν стоит одна (без δέ), думает, что фраза искажена.

Таблица 1

Рабы	Подсчеты	
	Эд. Мейера	Ю.л. Белоха
Государственные	700—1000	700—1000
В домашнем хозяйстве	29000—30000	16000—17000
В земледелии	10000—12000	10000—12000
В рудниках	15000—20000	15000—20000
В промышленности (без рудников)	28000—30000	18000—20000
Дети моложе 9 лет	9000—10000	7200—8500
Всего	91700—103000	66900—78500
В среднем	97000	73000

В книге Сарджент дается таблица общего количества рабов (табл. 1), из которой видно, что при Перикле рабы в Аттике составляли половину свободного населения. В согласии с подсчетами Эд. Мейера, каждая из 23 тыс. семей граждан и метэков, обладавшая зевгитским и более высоким цензом, могла иметь в среднем четырех рабов; кроме того, какое-то небольшое число рабов принадлежало семьям, которым немного недоставало до зевгитского ценза. Если же принять подсчеты Белоха, то на каждую семью зевгитского и выше зевгитского ценза придется в среднем по шести рабов и очень немного рабов — на семьи фетов.

Гомм в специальной книге о населении Афин¹⁵ предлагает свои соображения о количестве жителей Аттики.

Наиболее точное число для гоплитов 431 г. дано нам у Фукидида (II, 13, 6—9). Попытки внести в текст Фукидида исправления следует отвергнуть. Фукидид говорит о 14—15 тыс. воинов гоплитского ценза или больше. Точнее, 13 тыс. пехоты, 1 тыс. кавалерии и отряды в пограничных укреплениях (численность их не дана). Резерв состоит из 16 тыс. человек, включая метэкских гоплитов. Численность последних не дана, и это для нас первая трудность на пути к выяснению общего количества воинов. Гомм выходит из положения, используя сообщение Фукидида о 3 тыс. метэков, принявших участие в активных действиях при вторжении, в Мегариду осенью 431 г.: *μετοικοὶ δὲ ξυμβαλόντες οὐκ ἐλάσσονες τρισχίλιον* (II, 31, 2); при этом необходимо помнить, что военная сила, состоявшая из метэков, не имела той строгой организации, какой отличалось гражданское войско. Далее,

¹⁵ Gomme A. W. The population of Athens in the fifth and fourth centuries b. C. Oxford, 1933. (Glasgow University Publications, XXVIII). См. также: Gomme A. W. 1) The Athenian hoplite force in 431 b. C. - Class. Quart., 1927, v. XXI, p. 142—143; 2) The population of Athens again. I Journ. Hell. Stud., 1959, v. LXXIX, p. 61 et sq.

наряду с 3 тыс. метэкских гоплитов, о которых упоминает Фукидид, можно предположить 2000—2500 неорганизованных, непригодных к военной службе и старых метэков, что дает в целом около 5500 человек. Для граждан остается 14 500 в действующей армии и 10 500 (16 000—5500) в резерве, иначе говоря, 25 тыс. граждан гоплитов и кавалеристов между 20- и 60-летним возрастами.

Действующая армия состоит из людей в возрасте 20—50 лет. 18—19 и 50—60 лет, а также из людей, непригодных к военной службе в действующей армии (т. е. из всех прочих по каталогу).

Достоверным является сообщение Фукидида (I, 107, 5), что в битве при Танагре (457 г.) в афинской армии было 14 тыс. гоплитов, из них 1 тыс. аргосцев и некоторое неопределенное количество других союзников. «Чума» 430/29 и 426/25 гг. унесла, по свидетельству Фукидида (III, 87, 3), 300 всадников и 4400 гоплитов, т. е. больше 1/4 всего их состава. Были и потери в битвах, не компенсировавшиеся новыми рекрутами, так как от «чумы» погибали не только взрослые, но и юноши 14—18 лет. Принимает во внимание Гомм и эмиграцию. В целом от потерь в битвах и вследствие эмиграции получается, по предположению исследователя, убыль не более чем в 1500 человек.

Все это объясняет нам, почему в 424 г., когда Афины вывели всю военную силу, она выражалась всего в 9500—10 000 человек: (Thuc. IV, 90, 94). К тому времени количество непригодных к военной службе должно было возрасти, так как многие физически ослабели в результате перенесенной «чумы». Вообще же 11 500 человек (10 000+1500) пригодных к военной службе предполагает общее количество мужчин в возрасте 18—60 лет 20 тыс. (из них 4 тыс. метэков). Вводя попра- могло быть 16 500 человек граждан 18—60 лет гоплитского и всаднического ценза и, возможно, того же ценза 4 тыс. метэков. В конце Пелопоннесской войны и после нее наблюдается обеднение, потери в битвах и во время государственных переворотов, упадок рождаемости. Дальше Гомм прослеживает (очень схематично) колебание численности населения Аттики в IV в.

Списки эфебов (IV в.), думает Гомм, не могут служить твердой опорой для исчисления народонаселения Аттики.

До сих пор речь шла у Гомма о состоятельных слоях афинского гражданства (пентакосиомедимны, всадники, зевгиты). Обращаясь к вопросу о фетах, Гомм прежде всего вспоминает, что они служили во флоте гребцами (возможно, и эписбатами). Иногда (особенно в отдельных случаях во времена Пелопоннесской войны) нам известно число кораблей и численность экипажа. Однако в качестве гребцов служили не только граждане из беднейших слоев, но и бедные метэки, а также чужеземцы, правда, в какой пропорции — мы не знаем.

Пропорция эта, конечно, изменялась сообразно с обстоятель-

ствами: надо думать, в хорошую пору для афинского государство з 431, 413 гг. до н. э., гребцов из граждан было мало; количество их возросло между 413 и 405 гг. Дальше рассматриваются данные о морских силах Афин во время Пелопоннесской войны и позднее. В частности, по поводу данных 428 г. (Thuc. III, 16; cf.: 3,2; 7, 1; 13, 3) автор доказывает ненадежность выкладки Эд. Мейера, который думает, что все 17 тыс. гребцов на 100 кораблях были гражданами, а из 12 тыс. гребцов на 70 кораблях половина были гражданами и метэками. Не лучше обстоит дело с данными о легковооруженных, которые, как известно, набирались из фетов, т. е. из людей, не имевших гоппитского ценза, а потому эти данные могли бы служить основой для вычисления количества граждан, принадлежавших к четвертому имущественному классу. Не приносят пользы и данные о раздаче египетского хлеба в 445/4 г. Ведь 14 240 человек, получившие хлеб, не все обязательно были фетами; в каком-то количестве и зевгиты могли попасть в списки получателей. Относительно сообщения Афинея (VI, 272 С), на основании Ктесикла, о количестве населения Афин по переписи Деметрия Фалерского Гомм пишет, что число 400 тыс. рабов следует отбросить, а остальное принять, как достоверное: 21 тыс. граждан и 10 тыс. метэков. Эта перепись имела целью выяснить, сколько человек могло быть защитниками города в случае осады (в 313 г. такая осада действительно была). Значит, мы имеем надежное сообщение о количестве мужчин в возрасте 18—60 лет. Их оказалось среди граждан 21 тыс., что позволяет определить количество мужчин старше 18 лет в 24 тыс., а старше 20 лет в 22 500.

О метэках мы можем предполагать, что их в 431 г. было 5500 человек гоппитского ценза в возрасте 18—60 лет. Сколько было метэков, не имевших этого ценза, мы не знаем. Можно только догадываться, что их было много, особенно во флоте. На их непричастность к афинскому гражданству намекает в 415 г. в своей речи Никий: *от τεῶς ἀθηναῖοι νομιζόμενοι καὶ μὴ ὄντες* (Thuc. VII, 63, 3). О том, что афинское государство нуждалось в метэках из-за множества ремесел и для флота, говорит автор олигархического трактата об афинском государстве (Ps.-Xenoph., Resp. Ath. 1, 12). Говоря о метэках, нельзя упускать из вида, что многие из них, принадлежавшие к разным слоям, могли во время войны покинуть Афины, как это было в 50-е гг. IV в. (Isocr. VIII, 21). В 431 г. в Афинах населения было больше, чем в последующие годы V в. В IV в. население колебалось в зависимости от общего состояния афинского государства. Кроме метэков в Афинах проживали иностранцы; о них можно только сказать, что их было немало, так как упоминания о них встречаются часто.

Подробно рассматривает Гомм имеющиеся у нас цифровые данные, так или иначе касающиеся рабов. Таких данных мало — всего три. Гомм показывает, что в одном случае мы получаем некоторые основания для очень грубого исчисления; во втором

имеем вероятное число, в третьем — число абсолютно неприемлемое.

1. Фукидид сообщает о бегстве рабов из Аттики в Декелею во время Декелейской войны; беглецов было больше 20 тыс., и они были в основном ремесленниками (VII, 27, 5). Значит, большую часть беглых составляли не рабы-земледельцы и не домашняя прислуга. По мнению английского исследователя, если под большинством понимать 13—14 тыс., то можно предполагать, что в индустрии было занято не больше 40—50 тыс. рабов. Ксенофонт говорит, что в V в. в рудниках работало больше 10 тыс. раков (Vect. 4, 24—25). Этому сообщению Гомм верит: хотя сам по себе Ксенофонт слабый авторитет, но существование налога на рабов, отдававшихся хозяевами для работы в рудниках, заставляет думать, что число рабов в рудниках так или иначе учитывалось. Если в 431 г. было, вероятно, 27 тыс. граждан старше 20 лет и, возможно, 6 тыс. метэков гоппитского ценза, то это не безразлично для нас при вычислении количества рабов. Внимо, каждый гоппит и кавалерист взял с собой на войну по одному слуге. Ведь под Потидеей каждый гоппит имел прислужника — *ὑπρέτης* (Thuc. III, 17, 3). Предполагать в среднем в афинском доме более чем одного раба на каждого взрослого свободного мы не вправе. Поэтому можно считать 85 тыс. (50 тыс. + числа мужчин-рабов в Аттике во время наибольшего процветания афинского государства в V в. Можно допустить, что в домашнем услужении было еще 35—40 тыс. рабынь (последние ведь занимались также пряжей и тканьем). Были еще женщины-рабыни, помогавшие своим мужьям-рабам в их торговых занятиях и т. п. Предполагая в семье двух взрослых сыновей (допуская, что взрослые дочери выданы замуж), получаем на такую семью четверых слуг-рабов. Однако кое-что говорит против возможности для каждой гоппитской семьи иметь такое количество рабов. Число домашних рабов у фетов в счет не идет — содержание раба было не под силу фету. Впрочем, сам Гомм не придает большого значения всем этим дополнительным соображениям, которые являются просто догадками. Из Фукидида следует только то, что рабов в Аттике было больше 20 тыс.

2. Во время кризиса после Херонеи (т. е. уже в IV в., после 338 г.) Гиперид внес в экклесию предложение освободить всех Рабов, вооружить их и метэков. Суда цитирует (из вторых или третьих рук) одно место из речи Гиперида: *μυρίααὶς πλείους ἢ ἑκατ.* (fr. 29). Отсюда следует, что Гиперид говорит о более чем 150 тыс. взрослых мужчинах-рабах. Гомм не признает это число достоверным. Приемлемым оно, по его мнению, становится лишь в том случае, если, вслед за Белохом, исправить 150 тыс. на 50 тыс., но такую методику обращения с текстами Гомм осуждает.

3. Наконец, данные Афинея — 400 тыс. рабов. В среднем на каждого свободного, гражданина и метэка, богатого и бедного,

приходилось бы в 313 г. по 13 рабов — и это в годы упадка благосостояния и убыли населения в государстве, где в эпоху процветания мастерская с 20 рабами считалась большой, а владелец 45 занятых в ремесле рабов богатым. Кроме того, пришлось бы допустить невероятное увеличение количества рабов (если даже принять число 150 тыс. после Херонеи).

Следующие общие соображения Гомма заслуживают большого внимания. Число рабского населения было подвержено большим и более частым колебаниям, чем число свободных людей. Нужда в труде рабов (если только они занимались не в земледелии и не в домашнем быту, а в мастерских и в рудниках) была в разное время разной, и в зависимости от общих условий жизни в государстве количество ввозившихся рабов было разное. Мы можем быть уверены, что в 480 г. рабов было меньше, чем в 430 г.; их было больше в 338 г., чем в 313 г. Отсутствие данных о колебаниях числа рабов вынуждает нас воздерживаться от предположений.

Для контроля у нас есть данные о количестве хлеба, производимом в Аттике (в год) и привозимом извне. Потребление хлеба, т. е. сумма местного и привозного хлеба, помогает приблизительно подсчитать количество населения. Свой подсчет Гомм суммирует следующим образом:

Аттика	— 310 тыс. медимнов		
Возможные добавки	— 100 »	»	»
Импорт:			
из Боспора	— 400 »	»	»
из других мест	— 800 »	»	»
Всего:	1610 тыс. медимнов		

Если считать, что один человек потреблял 6 медимнов, то получаем около 270 тыс. порций, т. е. в IV в. в Аттике было около 270 тыс. человек.

О привозе хлеба из Боспора мы знаем из речи Демосфена (XX, 31—32). Если бы число рабов, которое дается во фрагменте из Гиперида — 150 тыс. взрослых мужчин (и не больше рабынь) — было верным, то для прокормления всего населения Аттики в это время потребовалось бы свыше 2 млн медимнов. Отсюда вывод: и с этой стороны сообщение Суды (из Гиперида) не заслуживает доверия.

Вестерман в своем известном труде о системах рабства в античной Греции и Риме¹⁶ не оставил без внимания вопрос о количестве рабов в Аттике в V в. В специальной работе, посвященной свидетельствам Афиней о количестве рабов в Афинах, на Эгине и в Коринфе,¹⁷ он доказывает их недостоверность.

В первой из указанных работ автор говорит о значительном уве-

личении числа рабов в Греции, в частности в Аттике, не сразу же после Персидских войн, а лишь во время Пентеконтаэтии (479—431 гг.), притом именно в полисах, благосостояние которых основывалось на мелком ремесленном производстве. Увеличение спроса на рабский труд Вестерман связывает с расширением ремесленного производства во время войн. Возрос спрос на оружие. Между тем участие свободного труда в ремесленном производстве сократилось: свободные требовались в мирное время для выполнения государственных функций в демократическом государстве, а в военное время — для армии.

Ученые нового времени в своих рассуждениях о количестве свободного населения Аттики приходят к сравнительно близким числам, но эти последние, говорит Вестерман, все же являются лишь предположительными. В худшем положении находится вопрос о количестве рабов, так как для решения его у нас нет твердых точек опоры. Изолированные сообщения, вроде сообщения о 20 тыс. плененных, взятых Кимоном во время кампании у Эвримедонта (Diod. XI, 62), автор отказывается использовать для своих подсчетов. Большее значение придает он свидетельству Фукидида (VII, 27, 5) о бегстве более чем 20 тыс. афинских рабов, преимущественно людей ремесленного труда, в спартанский лагерь в Декелее; это бегство нельзя представлять себе в виде единовременного акта, оно происходило на протяжении восьми лет (412—404 гг.). Подтверждение свидетельству Фукидида Вестерман находит в сообщении Оксирихского историка о том, что фиванцы достигли благосостояния после оккупации спартанцами Декелеи — они покупали по дешевым ценам рабов и другую собственность, захваченную спартанцами: ΟΥ ΜΗΝ ΑΛΛΑ ΠΟΛΥ ΓΕ ΒΕΛΠΟΝ ΙΤΙ ΤΗΝ ΠΟΛΙΝ (i. e. ΘΗΒΑΣ) ΠΡΑΓΑΙ ΣΥΝΕΠΕΣΕΝ, ὅς ΤΗΝ ΔΕΚΕΛΕΙΑΝ ΕΠΕΤΕΙΧΙΣΑΝ ΤΟΙΣ ΑΘΗΝΑΙΟΙΣ ΜΕΤΑ ΤΩΝ ΛΑΧΕΔΑΙΜΟΝΙΩΝ· ΤΑ ΤΕ ΓΑΡ ΑΝΑΡΑΠΟΔΑ ΚΑΙ ΤΑ ΛΟΙΠΑ ΠΑΝΤΑ <ΤΑ> ΚΑΤΑ τὸν, ΠΟΛΕΜΟΝ ΑΙΣΧΟΜΕΝΑ ΜΙΚΡΟΟ ΤΙΝ[Ος] ΑΡΓΥΡΙΟΥ ΠΑΡΕΛΑΜΒΑΝΟΝ (Hellenica Oxyrhynchia, Bartoletti, 1959, 17, 4).

Не склонен Вестерман относиться с большим доверием к сообщению Ксенофонта о значительном количестве рабов, которых отдавали внаем в серебряные рудники афинские богачи V в. — Никий, Гиппоник, Филоменид (Vect. 4, 14—15). Свидетельства исходят от более позднего поколения, которое только слышало об этом (ΠΑΛΑΙ ΑΚΗΚΟΑΜΕΝ). Если Платон говорит о 50 рабах у состоятельного человека (Resp. 578 E), Демосфен, что в одной мастерской было 32 или 33, в другой 20 рабов (XXVII, 9), и Эсхин о мастерской с 9—10 работниками (I, 97), то это достаточное предостережение против Преувеличенных представлений о количестве рабов в Афинах.

Важными Вестерман считает следующие моменты: 1) значительная часть афинских граждан не владела рабами, фетам не на что было содержать рабов; 2) у нас есть сведения о довольно крупных наследствах, не включавших в себя рабов (Isaeus II), не говоря уже о наследствах более скромных (idem. V). Праксагора в комедии Аристофана «Женщины в народном собрании» (593) говорит как

¹⁶ Westermann W. L. The slave systems. . .

¹⁷ Westermann W. L. Athenaeus and the slaves of Athen. — In: Slavery in classical antiquity. Ed. by M. J. Finley. Cambridge, 1960, p. 73—92.

об отрицательном явлении афинской жизни о полном отсутствие рабов у одних граждан, тогда как другие имеют их в большом количестве. Когда мы читаем у Ксенофонта: рабов приобретают себе в помощь те, кто в состоянии это сделать — *καὶ οἰκτεταὶ μὲν οἱ δυνάμενοι ὀνοάζονται, τῶνα σονεργῶος ἐχῶσι* (Memorab. II, 3, 3), то тем самым получаем свидетельство, что не всякий гражданин владел рабами. Американский автор выдвигает положение, что рабы составляли не более 1 / 3, а скорее всего 1 / 4 всего населения.

Сделанный обзор дает основание вывести следующее заключение: прямых достоверных свидетельств о количестве рабов в Афинах V в. до н. э. у нас нет.

Сообщение Фукидида о 20 тыс. (собственно, больше 20 тыс.) рабов, перебежавших к спартамцам в Декелею, является бесспорно достоверным. Если задаться вопросом, откуда Фукидид взял это, число, то можно найти два ответа. Вполне возможно, что хозяин бежавшего раба делал соответствующее заявление должностному лицу. Нельзя думать, что в тяжелых условиях Декелейской войны рабовладельцы перестали думать о своих интересах и пренебрегали правом зарегистрировать у должностного лица свою утрату; в официальном порядке продолжал вестись учет рабов, бежавших от своих владельцев. Другая возможность — сведения получена из спартанского лагеря, где бежавших из Афин рабов, надо думать, до их продажи на сторону кормили и употребляли для разных работ, а для этого требовался какой-то учет. В том и другом случае показания Фукидида имеют под собой прочное основание. Однако для определения более или менее точного количества рабов в Афинах эти 20 тыс. дают нам мало.

Исследователям приходится обращаться к общему количеству свободного населения Афин. Расчет ведется с опорой на имеющиеся данные о количестве боеспособных граждан и метэков. Уже эти опорные цифры получают у разных исследователей не одну и ту же интерпретацию. И дальше, чтобы перейти от них к количеству свободного населения (граждан и метэков), требуются дополнительные соображения, которые в рассуждениях разных исследователей дают неодинаковые результаты. Переход от количества свободных к количеству рабов требует опять-таки разных предположений. Окончательные итоги, разные у разных ученых, естественно, должны приниматься как приблизительные, условные.

В заключение полезно привести таблицы населения Афин Гомма (табл. 2)¹⁹ и Эренберга (табл. 3).²⁰ Эренберг стоит на той

¹⁸ В рамках настоящей работы нет места для обсуждения большого вопроса о характере афинского общества V—IV вв. до н. э. как рабовладельческого. Само собой разумеется, то или иное количество рабов или соотношение между количеством рабов и свободных ни в какой мере не может поколебать нашего отношения к Афинам этих веков как к государству рабовладельческому. См.: Утченко С.Л., Штаерман Е.М. О некоторых вопросах истории рабства. — ВДИ, 1960, № 4, с. 9 и след.

¹⁹ Gomme A. W. The population of Athens. . . , p. 29.

²⁰ Ehrenberg V. Der Staat der Griechen. Bd I. Leipzig, 1957, S. 24.

Таблица 2

Год	Граждане			Метэки			Рабы				Общее население
	голлит-свого цения и выше	фетя	итого	с женщи-нами и детьми	итого	с женщи-нами и детьми	мужчины	женщины	дети	итого	
480	15000	20000?	35000?	140000	—	—	—	—	—	—	—
431	25000	18000?	43000?	172000	9500?	28500	30000	50000	35000	115000	315500
425	16500	12500?	29000?	116000	7000?	21000	22000	37000	22000	81000	218000
400	11000?	11000?	22000?	90000?	—	—	—	—	—	—	—
323	14500	13500	28000	112000	12000?	42000	20000?	60000?	24000?	104000?	258000
313	12000?	9000?	21000	84000	10000?	35000	—	—	—	—	—

Таблица 3

Население Афин	Ок. 480 г.		Ок. 434 г.		425 г.		Ок. 400 г.		Ок. 380 г.		313 г.	
	Граждане	Граждане вместе с семей	Метэки	Метэки вместе с семей	Метэки	Метэки вместе с семей	Метэки	Метэки вместе с семей	Метэки	Метэки вместе с семей	Метэки	Метэки вместе с семей
Граждане	25000—30000 [35000]	35000—45000 [43000]	29000	35000—45000 [43000]	29000	35000—45000 [43000]	20000—25000 [22000]	28000—30000	28000—30000	28000—30000	21000 [21000]	21000 [21000]
Граждане вместе с семей	80000—100000 [140000]	110000—150000 [172000]	[116000]	110000—150000 [172000]	[116000]	110000—150000 [172000]	60000—90000 [90000]	85000—110000	85000—110000	85000—110000	60000—65000 [84000]	60000—65000 [84000]
Метэки	4000—5000	10000—15000 [9500]	[7000]	10000—15000 [9500]	[7000]	10000—15000 [9500]	6000—8000	10000—15000	10000—15000	10000—15000	10000 [10000]	10000 [10000]
Метэки вместе с семей	9000—12000	25000—35000 [28500]	[21000]	25000—35000 [28500]	[21000]	25000—35000 [28500]	15000—20000	25000—45000	25000—45000	25000—45000	25000 [35000]	25000 [35000]
Рабы	30000—40000	80000—110000 [115000]	[81000]	80000—110000 [115000]	[81000]	80000—110000 [115000]	40000—60000	60000—100000	60000—100000	60000—100000	50000—90000	50000—90000
Всего	120000—150000	215000—295000 [317000]	[218000]	215000—295000 [317000]	[218000]	215000—295000 [317000]	115000—170000	170000—250000	170000—250000	170000—250000	135000—180000	135000—180000

Примечание. В квадратных скобках — данные Гомма.

точке зрения, что все вычисления покоятся на недостаточных и случайных данных и в лучшем случае дают приблизительные числа.

Источники рабства.²¹ Сведения об источниках рабства, хотя и в виде разрозненных свидетельств, содержатся в античных текстах в достаточном количестве, так что мы в состоянии составить себе ясное представление о том, каким путем пополнялись в Греции, в частности в Афинах, ряды рабов. Определить удельный вес каждого из источников не представляется возможным. Можно лишь в самой общей форме высказать предположения по этому вопросу.

Кабальное рабство, т. е. обращение в рабство неоплатного должника, не существовало в Афинах со времен Солона, который своими законами раз и навсегда предотвратил возможность обращения афинского гражданина в рабство за долги. Единственное исключение — продажа в рабство государством неоплатного государственного должника,²² надо думать, было редким явлением. В какой-то мере могло бы считаться исключением и положение выкупленного из плена, пока он не уплатил выкупившему уплаченной последним выкупной суммы: ΟΙ ΝΟΜΟΙ ΚΕΛΕΟΥΣΙ τοδ ΑΥΑΜΕΝΟΥ ΉΚ ΤΩΝ ΠΟΛΕΜΙΩΝ ΕΙΝΑΙ ΤΟΝ ΛΟΘΕΝΤΑ ΉΑΝ Μ'Η οσποδδω ΤΑ ΑΥΤΡΑ (Demosth. LIII, 11). Выкупленный считался рабом выкупившего в случае невозвращения ему выкупных денег. Существовал ли определенный срок для возврата выкупных денег, по истечении которого человек становился рабом (так можно предполагать на основании ΉΑΝ), или деньги могли быть уплачены в любое время — мы не знаем. Фактом остается то, что афинский гражданин, обращенный в рабство неприятелем, взявшим его в плен, мог оставаться на положении раба и по возвращении в Афины. Впрочем, мы опять сталкиваемся здесь с редким, если не с исключительным, явлением.²³

Среди источников пополнения рабов в Афинах VI—V вв. до н. э. значительное место занимал и естественный прирост.²⁴

21 См.: Beauchet L. Servi. — In: Daremberg Ch., Saglio E. Dictionnaire des Antiquites. T. IV, 2. Paris, s. a., p. 1260; Westermann W. L. The slave systems. . . , p. 5 et sq.

22 Finley M. J. La servitude pour dettes. — Rev. hist, droit francais et etranges. 4 me ser., 1965, N 2, p. 159 et sq.; Weiss E. Griechisches Privatrecht. Leipzig, 1923, S. 503. Ср.: Ленцман Я. А. Рабы в законах Солона. — ВДИ, 1958. № 4, с. 54, примеч. 9 (отмечено, что точка зрения, согласно которой государственные должники подлежали продаже в рабство, недостаточно подкреплена фактическим материалом).

23 Подробное толкование указанного места из речи Демосфена см.: Шишова И. А. Долговое рабство. — В кн.: Рабство на периферии античного мира. Л., 1968, с. 36—38. По мнению автора, закон, приведенный Демосфеном, продолжал существовать, но фактически едва ли применялся в Афинах IV в. до н. э.

24 См.: Соболевский С. И. Аристофан и его время. М., 1957, с. 309; Biezunska-Malowist S., Malowist M. La procreation des esclaves comme source de l'esclavage. — In: Melanges offerts à Kazimierz Michalowski. Warszawa, 1966, s. 275 et sq.; Mordziejewski J.

Известно, что греческие рабовладельцы ценили рабов, родившихся у них в доме. Эти рожденные в доме рабы (ΟΙΚΟΓΕΝΕΙς) пользовались обычно большим доверием со стороны своих господ (Schol. Aristoph., Equ. 2). Следовательно, можно думать, что и обращение с ними, и условия их жизни в той или иной степени отличались в лучшую сторону от обращения с прочими рабами и условий жизни этих последних. Но всегда ли поощрялось хозяевами деторождение у рабов? Здесь мы имеем два противоречащих одно другому свидетельства. Хотя они не имеют прямого отношения к афинской действительности, но придать им общий характер и распространить их показания на Афины не будет натяжкой. С одной стороны, нам сообщают, что семья и дети (пусть юридически не признававшиеся таковыми) привязывали раба к дому господина, а потому и последний относился с одобрением к появлению потомства у рабов. У Аристофана в комедии «Женщины в народном собрании» Праксагора, требующая запретить рабыням украшать себя и похищать любовь свободных, ничего не имеет против сожительства рабынь с рабами: ΠΑΡΑ ΤΟΙς ΔΟΥΛΟΙς ΚΟΙΜΑΣΘΑΙ ΜΟΝ (723). Иной точки зрения придерживается Ксенофонт — женское помещение отделяется от мужского дверью с засовом: ведь честные рабы, произведя на свет детей, обычно становятся более преданными, а дурные, соединившись, приобретают большую способность причинять зло (Oec. 9, 5).

Плутарх обращает внимание на то, что Солон, поставив преграду некоторым любовным устремлениям рабов, все же не запретил им сожительство с женщинами: ΧΡΗΣΘΑΙ ΣΥΝΟΙΚΙΑς ΓΥΝΑΙΚΩΝ ΟΥΚ ΕΚΩΛΥΣΕ (Amat. 4, 751 B).

С другой стороны, хозяева старались «умерить похотливость» рабов, держа их впроголодь: ΤΗΝ ΛΙΜΝΕΙΑΝ ΑΥΤΩΝ (i. e. ΤΩΝ ΟΙΚΕΤΩΝ) ΤΩ ΛΙΜΩ ΣΧΕΡΟΝΙΖΟΥΣΙΝ (Xenoph., Memorab. II, 1, 16).

При большом количестве рабов в Афинах, при легкости общения между рабом и рабыней (не говоря уже об общении между свободным и рабыней) рождение детей у рабынь не могло быть редким явлением. Так или иначе необходимо считаться с естественным приростом рабского населения. При этом следует помнить, что Дети свободного человека от рабыни (равно как и дети свободной Женщины от раба) причислялись к рабам.

Из «Афинской политики» Аристотеля мы знаем, что афинские граждане ревниво относились к праву свободнорожденного юноши быть занесенным в список полноправных граждан. Одним из вопросов, решение которых предоставлялось решать демотам, был вопрос о происхождении юноши — является ли он свободным и сыном гражданина от его законной жены, рожденным в законном браке: εἰ ἐλευθερος ἔσσι καὶ γέγονε κατὰ τοῦς νόμοις (42, 1). Если де-

AUT nascuntur aut fiunt: les Schemas des sources de l'esclavage dans la theorie grecque et le droit romain. — Actes du colloque 1973 sur l'esclavage. Annales litteraires del' Universite de Besangon, N 182. Paris, 1976, p. 351 et sq.

моты не признают его свободным, он может обратиться в суд; в случае, если в суде юноша будет признан сыном рабыни, его продавали в рабство: *πωλεῖ τοῦτον ἢ πόλις* (ibid.).

Приобретение рабов на рынке или каким-то другим путем одним владельцем у другого (скажем, покупка афинским гражданином рабов, привезенных извне) являлось другим источником пополнения рабского населения в пределах афинского государства. Надо думать, в большом, а возможно преобладающем, количестве на рынках продавались рабы негреческого происхождения, захваченные в плен во время военных действий (Xenoph., Anab. VII, 3, 48; 4, 2) или проданные в рабство своими соплеменниками. Так, Геродот (V, 6) сообщает о некоторых фракийских племенах, что они продают на вывоз в рабство своих детей.²⁵ Нам известен рынок рабов в Афинах, известны дни, когда производилась торговля рабами. В Афинах местом продажи рабов служил *πρὸς τὸν λίθος* (Pollux, Onomasticon III, 78). Есть упоминание и об ороженном месте на агоре, где производилась продажа вещей и рабов (Hesych, s. v. *χύκλος*).

Продавали рабов в новолуние (Aristoph., Equ. 43—44). При продаже раба должно было быть дано заверение, что на этого раба не претендует третье лицо и что этот раб не страдает болезнями: *ἔταν τις πωλὴ ἀνδράποδον, προλέγειν ἕαν τι εἴη ἀρρώστια* (Hesych. V, 15). Если Платон требует, чтобы продавец раба прямо заявлял о таких его болезнях, как туберкулез, камни (в печени или в почках), затрудненное мочеиспускание и эпилепсия, а также другие скрытые и трудноисцелимые телесные или душевные недуги (Leg. XI, 916 A), то это требование, по всей вероятности, было взято из действовавшего афинского закона.²⁶

Большое количество рабов давали войны. Раздавались голоса против обращения эллинов в рабство (см., например: Plato, Resp. V, 469 A — C, 479 A), но эти протесты не оказывали заметного влияния на практику, хотя владеть рабами-эллинами, вероятно, считалось не вполне достойным. Известны редкие случаи, когда при завоевании греческого города во время Пелопоннесской войны свободных людей отпускали, а рабов продавали (Thuc. VIII, 41, 2; 62, 2; Xenoph., Hell. I, 6, 14—15). По античным представлениям военнопленный становился рабом того, кто взял его в плен (Xenoph., Сугор. VII, 5, 73). У нас есть свидетельства о резне в покоренных городах во время Пелопоннесской войны (Thuc. I 29, 5; II, 67, 4; III, 50, 1; 68, 2; IV, 48, 4; V, 3, 1 etc.); убивали мужчин, но женщин и детей продавали в рабство. Персидские и Пелопоннесская войны в немалой степени способствовали увеличению количества рабов как в Греции в целом, так и в Афинах. Благодаря од-

ному месту из Ксенофонта (Ages. I, 21) мы получаем возможность взглянуть на то, что творилось в тылах победоносной армии. Писатель ставит в заслугу спартанскому царю Агесилаю его заботу о пленных детях и стариках, покинутых работоторговцами, следовавшими за спартанской армией. Не предвидя быстрого покрытия своих расходов по покупке пленных, работоторговцы бросили малолетних и престарелых на произвол судьбы, чтобы не тратиться на их питание и транспортировку. В ряде случаев, следовательно, на рынок доставлялись только взрослые здоровые мужчины и женщины. У нас есть и прямое свидетельство (также от IV в.) о пленных, попавших в Афины в качестве рабов: *ὑμᾶς οἰκετικὰ αἰχμάλωτα* (Aeschin. I, 16).²⁷

Источником пополнения рабов были также пиратство и разные другие способы похищения свободных. О распространенности самого явления — захвата свободных людей — говорит афинский закон. Всякое незаконное обращение в рабство свободного человека попадало под определение *γράφη ἀνδραποδισμοῦ*,²⁸ признанный виновным наказывался смертью.

Закон касался, разумеется, обращения в рабство свободных афинян и отнюдь не защищал свободных людей из негреческих племен. Нам известен один конкретный случай захвата и продажи в рабство свободного человека из одного малоазийского племени. Ксенофонт в «Анабасисе» рассказывает: когда на своем пути к Черному морю греческое войско проходило через страну макронов, один из находившихся в войске пельтастов, подойдя к Ксенофонту, сказал ему, что узнает в противниках, намеревавшихся помешать переправе греков через реку, своих соотечественников, язык которых он знает, ибо сам он когда-то был рабом в Афинах (IV, 8, 4). Едва ли будет слишком смелым предположить, что этот человек был когда-то захвачен и продан в рабство.

В V в. до н. э. пираты, вероятно, не могли доставлять на гре-

²⁵ Велков В. И. Рабы-фракийцы в античных полисах Греции VI—I вв. до н. э. — ВДИ, 1967, № 4, с. 70 и след.

²⁶ Об отношении установлений Платона о рабах в «Законах» к реальным греческим законам см.: Moggow G. R. Plato's law of slavery in its relations to greek law. 1939. (Illinois studies in Language and Literature, v. 25, N 3).

²⁷ Mücknat G. Studien zur Kriegsgeiungenschaft und zur Sklaverei in der griechischen Geschichte. — Akad. Wiissenschaft. Lit. in Mainz. Abhandl. der Geistes- u. Sozialwissenschaftliche Klasse, 1954, H. 11; Kiechle Fr. Zur Humanität in der Kriegführung der griechischen Staaten. — Historia, 1358, Bd VIII, S. 129 et sq. По мнению Кихле, отношение к военнопленным в Греции не оставалось неизменным в течение VI—IV вв. до н. э.; он устанавливает для этого времени периоды, резко отличающиеся один от другого соблюдением или, напротив, полным отказом от всяких гуманных норм в обращении с пленными-эллинами. Об изменениях в отношении военнопленных см.: Шишова И. А. Порабощение военнопленных в Греции V—IV вв. до н. э. — В кн.: Рабство на периферии античного мира. Л., 1968, с. 49 и след. Об обращении с военнопленными см. также: Dreyer P. Le traitement des prisonniers de guerre dans la Grèce antique. Paris, 1968; Lons R. Les usages de la guerre entre Grecs et barbares. Paris, 1969 (реп.: Маринович Л. П. — ВДИ, 1973, № 4); Heza E. Le sort reserve aux prisonniers 'aits dans la guerre du Peloponnese selon Thucydide. — Wissenschaft. Ztschr. Univers. Rostock. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, 1974, Bd XXIII, H. 3, S. 209.

²⁸ Caillemet. Andrapodismou graphe. — In: Daremberg Ch. A. Saglio E. Dictionnaire des Antiquites. T. I. Paris, s. a., p. 268.

ческие рынки большое количество рабов из числа эллинов, поскольку Перикл поставил в общегреческом плане вопрос о свободном плавании на море и тем самым об обуздании пиратства $\text{ὁπὸς πατέρσι πάντες ἀδελφεῖς}$ (Plut., Pericl. 19).

Еще один источник рабства — подбрасывание новорожденных детей — не поддается даже приблизительному учету.²⁹

О распределении рабов между рабовладельцами. В настоящее время, когда преувеличенное представление о количестве рабов в Афинах отброшено, не может быть и речи о том, будто каждый афинский гражданин, даже малоимущий, был владельцем хотя бы одного раба. Наоборот, некоторые прямые свидетельства не оставляют сомнений в том, что далеко не всякий афинянин имел раба. Как говорилось выше, в комедии Аристофана «Женщины в народном собрании» Праксагора в своем проекте реформации социального строя говорит о необходимости покончить с положением, при котором один владеет многими рабами, а другой не имеет ни одного, даже сопровождающего его: $\text{μὴδ' ἀναρὰποδοίς τὸν μὲν νῆρσβαί πολλοὺς τὸν δ' οὐδ' ὀκλουνθῶ}$ (593).

В IV в. Аристотель напишет то, что с известными оговорками можно отнести и к V в.: $\text{ὁ γὰρ βοὸς ἀντ' οἰκτοῦ τοῖς πένησιν ἐστίν}$ (Polit. I, 1, 6, 1252b, 12) — «у бедных, — говорит он, имея в виду, конечно, бедных граждан, — роль раба выполняет вол». Из слов Аристотеля можно даже заключить, что самый факт владения рабами (или хотя бы одним рабом) был своего рода критерием деления свободных людей на бедняков и состоятельных. Аристотель не говорит прямо об Афинах, но нет никакого основания думать, будто Афины составляли в Греции какое-то исключение, к которому слова Аристотеля относиться не могли. Подтверждением слов Аристотеля служит одно место из «Воспоминаний» Ксенофонта: всякий, кто в состоянии это сделать, покупает себе раба (II, 3, 3). Еще раз мы убеждаемся в том, что приобретение раба было по средствам не каждому, что были афинские семьи, не владевшие рабами. В таких семьях все работы выполнялись силами членов семьи. Пиндар очень выразительно называет рабов «освободителями от трудов» — ἀεττιπονοί (Pyth. IV, 73): на их плечи перекладывался весь тяжелый труд.

В современной науке считается бесспорным, что беднейшему слою афинского гражданства было не по силам содержать раба.³⁰ Конкретный пример можно найти в речи Лисия об инвалиде: «я занимаюсь ремеслом, приносящим малый доход; я уже сам ра-

ботаю с трудом и все еще не могу приобрести того, кто взял бы: ремесло из моих рук» (XXIV, 6).

Из сочинения Ксенофонта «О доходах» (4, 14—15) мы узнаем о владельцах большого количества рабов. Правда, автор вводит свое сообщение словами $\text{πάσαι... ἀκνκοαμέν, т. е.}$ прямо создается, что получил свои сведения устным путем («знаем понаслышке»), но дело идет о временах, непосредственно предшествовавших началу Пелопоннесской войны, и, вероятно, о первых годах этой войны, так что Ксенофонт, родившийся за несколько лет до начала войны, имел возможность беседовать с людьми поколения своего отца, современниками тех богачей, о которых он пишет. Оказывается, в V в. известный Никий, сын Никерата, владел 1 тыс. рабов, которых он отдавал внаем фракийцу Сосию для работы в серебряных рудниках; там же работали 600 рабов Гиппоника и 300 рабов Филемонида. Этому ничуть не противоречат слова Платона в «Государстве» (IX, 578 E), что у состоятельного человека может быть 50 или более рабов. Здесь Платон иллюстрирует свою мысль о том, что государство приходит на помощь каждому отдельному человеку (разумеется, свободному гражданину). Богатые люди в греческих государствах имеют то общее с тиранами, что они властвуют над многими. Они живут без опасений, не боятся своих рабов именно потому, что за них стоит полис. Совсем иначе было бы, если бы кто-нибудь из богов поместил богатого человека вместе с его женой, детьми, всем его имуществом и рабами в пустыню, где никто из свободных не мог бы его защищать; в такой обстановке он был бы в великом страхе, как бы не погибнуть вместе со всем семейством от рук рабов. Не говоря уже о разнице эпох — середина V в. у Ксенофонта, IV в. у Платона (Афины после Пелопоннесской войны неадекватны Афинам до этой войны), есть еще одно существенное обстоятельство, не позволяющее считать, что число рабов у Платона опровергает данные Ксенофонта.³¹ Ведь у последнего говорится о сотнях (вплоть до тысячи) рабов, трудившихся под начальством надзирателей в рудниках, вдали от господина.. Платон же имеет в виду другое: рабы в доме господина (οἰκτεταί), постоянно при нем или вблизи от него находящиеся, не представляют для него опасности в условиях жизни полиса, охраняющего своих граждан, и они же окажутся для него смертельными врагами вне полиса. Таким образом, богатый человек мог иметь до Полусотни рабов в своем домашнем хозяйстве.

Некоторые достоверные данные IV в. о числе рабов у отдельных афинян, обычно упоминаемые наряду с только что приведенными, можно без всякой натяжки привести для выяснения условий V в. Из одной речи Демосфена мы знаем, что он получил в наследство от отца две мастерские. В одной изготовлялись мечи и работало 32 или 33 раба, в другой изготовлялись кровати и работало 20 ра-

²⁹ Van Hook L. The exposure of infants at Athens. — Transactions Amer. Philolog. Associat., 1920, v. LI, p. 104 et sq., 134 et sq.; Bolkestein H. The exposure of children at Athens and the εὐχυστρία . — Classic. Philol., 1922, v. XVII, p. 222 et sq.; Cameron A. The exposure of children and greek ethics. — Class. Rev., 1932, v. XLVI, p. 105 et sq. Афинская драматургия V в. пользовалась иногда мотивом подбрасывания младенцев (Eurip., Ion 524; Aristoph., Nub. 530—532; cf.: Plato, Theaet. 160 C).
³⁰ Westermann W. L. The slave systems. . . , p. 13.

³¹ Ср.: ibid., p. 8.

бов (XXVII, 9). Тимарх, современник Демосфена, получил в наследство девять или десять рабов (Aesch. I, 97).

В 404 г. олигархи, конфисковавшие имущество брата оратора Лисия, захватили 120 рабов (Lys. XII, 19). Это была и домашняя прислуга, и *σκόλοβοι* (сопровождающие), и люди, работавшие в мастерской по изготовлению щитов. Впоследствии оратор Эсхин, находясь в изгнании, имел при себе семерых рабов (Epist. 12, 11).

Как мы должны относиться к сообщениям оратора Исея (первая половина IV в.) о наследствах, не включавших в себя рабов? Когда речь идет о наследствах (и приданом) скромного размера никакого вопроса не возникает. Если же оратор говорит о довольно значительном наследстве, не упоминая при этом о рабах (Isaeus II, 40—41), то здесь можно допустить мысль об отпуске рабов на волю, после чего они, естественно, не переходили в собственность наследников. В современной литературе допускается еще одна возможность: в богатых домах держали наемных слуг свободного состояния.³²

Все же, если брать семью среднего афинского гражданина зевгитского ценза, можно считать на каждого взрослого мужчину-зевгита по одному рабу, которого хозяин брал с собой в поход в качестве оруженосца. Правда, когда Платон в «Пире» (221 A) изображает Сократа (рассказ приведен в речи Алкивиада) во время бегства афинского войска после битвы при Делионе, он не дает ему оруженосца. Однако отсутствие раба у Сократа не мешает нам считать, что для афинского зевгита иметь раба в качестве *σκόλοβος* было нормой. В речи Лисия об убийстве Эратосфена мы читаем о домашнем хозяйстве зевгита. Здесь упоминается «служанка» — ΘΕΡΑΠΑΙΝΑ, ходившая на базар — ἦ εἰς ἈΓΟΡΑΝ ΒΑΛΙΖΟΥΣΑ (8, 16, 18), прислуживавшая в доме — ΚΑΙ ΔΙΑΚΟΝΟΥΣΑ (16), остававшаяся с младенцем в одном помещении, пока хозяева обедали (11); возможно, она не тождественна той ΠΑΙΔΙΣΚΗ, о которой говорится Е Щ Е в одном месте речи (12).

В нашем распоряжении есть интересные эпиграфические памятники V и главным образом IV в. до н. э., содержащие документальные материалы. Однако из этих материалов едва ли можно извлечь что-либо существенное по вопросу о количественном распределении рабов между рабовладельцами. Примечательно все же, что, как показывают эпиграфические документы, среди осужденных по делу о мистериях, гермокопидов, имущество которых продается с аукциона в 415 г., только один, метэк из Пирея, имеет 16 рабов.

Более подробно эти документы будут использованы ниже для иллюстрации занятий афинских рабов.

Трудно представить себе жену зевгита хотя бы без одной служанки, если не двух. Таким образом, мы получаем для зевгитского

хозяйства, как минимум, двух или трех человек рабского содержания.

Продажа рабов.³³ Продажа рабов, видимо, могла иметь место в любом греческом городе. Из одной речи Демосфена (XXXIII, 8—10) явствует, что некий Апатурий, владелец корабля, попытался тайно (с целью уклониться от уплаты пошлины) вывезти рабов из Афин в Сицилию; отсюда был сделан произвольный вывод, будто Афины были главным рынком рабов. В действительности наличие рабов (в небольшом количестве) на торговых кораблях можно объяснить иначе: держат их там для того, чтобы в случае нужды можно было отдавать в залог.

У нас есть сообщение о торговле рабами в разных частях греческого мира. Есть показание Аристофана (Plut. 521) о значительной торговле рабами в Фессалии. Производилась торговля рабами и в Гортине, именно на рынке. В Афинах для торга рабами на агоре было отведено особое место.

Продажа рабов на рынке, по мнению исследователей, имела два преимущества: 1) с точки зрения государственной она обеспечивала легкость сбора налога на продажу рабов; 2) с точки зрения покупателя продажа на рынке гарантировала большую уверенность, что у покупаемого раба отсутствуют разного рода дефекты. Ведь нам известно, что работорговец или вообще человек, продававший раба, обязан был предупредить покупателя о скрытых болезнях продаваемого; если покупатель впоследствии обнаруживал болезнь, о которой не предупредил продававший, то дело доходило до суда. Об этом говорит Гиперид (V, 15).

Продажа на рынке придавала акту купли-продажи раба публичный характер. Нам известно также, что продаже предшествовала публикация о продаже рабов, производившаяся через общественного глашатая.

Цены на рабов.³⁴ Указаний на цены на рабов в источниках немного. Цена на рабов, естественно, менялась в различные эпохи, а в одну и ту же эпоху зависела от пола, возраста, способностей, Умения раба. Цена колебалась и в зависимости от соотношения между предложением и спросом: после войны, когда на рынок поступало большое количество пленных, цены на рабов падали.

Во времена Персидских войн выкупная цена³⁵ за одного пленника — две мины. За такую сумму, по свидетельству Геродота, афиняне возвратили свободу взятым в плен халкидянам: *ἄρκοι δὲ ἑλόντι ΣΦΕΑΣ δέκινους ὀλοποπρόδενοι* (V, 77).

³³ См.: Büchsen-schütz B. Besitz und Erwerb im griechischen Altertum. Halle, 1869, S. 122; Beauchet L. 1) Servi, p. 1210 et sq.; 2) Histoire du droit prive de la republique Athenienne. T. II. Paris, 1897, P- 420; Westermann W. L. The slave systems. . . , p. 11.

³⁴ Glotz G. Le travail dans la Grece ancienne. Paris, 1920, p. 233 et sq.; Westermann W. L. The slave systems. . . , p. 14 et sq.

³⁵ О выкупных ценах подробнее см.: Ишиова И. А. Порабощение военнопленных. . . , с. 75 и след.

Тот же Геродот сообщает, что у пелопоннесцев была установленная выкупная цена за одного пленного — две мины: ἀλοῖνα δὲ ἐστὶ Πειλοποννηαίοισι δύο μνῆαι τεταγμένα κατ' ἄνδρα αἰχμάλωτον (VI, 79). Современные исследователи с полным основанием заключили отсюда, что такая сумма (две мины) представляла собой рыночную цену отборного в физическом отношении раба; средняя цена раба была, вероятно, ниже.

Вестерман считает возможным говорить о средней цене за взрослого мужчину в конце V в. до н. э. — 167 драм, за женщину несколько выше — до 220 драм. В надписи о продаже конфискованных у метэка Кефисодора рабов (процесс гермокопидов) в 414 г. до н. э. приведены следующие цены на восточных и южных рабов: кариец мужчина — 150 драм, кариец юноша — 174 драмы, кариец ребенок — 72 драмы, рабыня лидиянка — 170 драм, необозначенного пола каппадокиец (каппадокианка) — 106 драм, два сирийца — 240 и 301 драма (столь высокие цены объясняются, возможно, образованностью сирийцев). Цены на рабов северного происхождения следующие: два фракийца — 165 и 175 драм, фракиянки — 135, 165 и 200 драм, два иллирийца — 121 и 161 драма, скиф — 144 драмы, колх — 153 драмы. Разница в ценах объясняется различными способностями рабов, их физическими данными и т. п.

В одном месте «Воспоминаний» Ксенофонта сказано: τῶν γὰρ οἰκετῶν ὁ μὲν πρὸς δύο ἢ μναῖν ἄξιός ἐστιν, ὁ δὲ [οὐδ'] ἡμίμνατον, ὁ δὲ πέντε μνίδν, ὁ δὲ καὶ δέκα (II, 5, 2) — «из рабов один стоит две мины, а другой — [даже не] полмины, третий — пять мин, четвертый — даже десять». Это констатация разных цен не рабов, наблюдавшихся в действительности; возраст, пол, физическое состояние — все это влияло на рыночные цены. Средняя цена рудничного раба, как ее выводят на основании показаний Ксенофонта, была 180 драм (Vectig. 4, 23). Следует при этом помнить, что рабы, предназначенные для работы в рудниках, шли по низкой рыночной цене, так как представляли собой неквалифицированную рабочую силу.

С этими данными интересно сопоставить показание Демосфена; отец оставил ему в наследство мастерскую, где трудилось 20 рабов, изготовлявших кровати; рабы были заложены за 40 мин, т. е. 4000 драм (XXVII, 9).

Здесь речь идет о квалифицированных работниках, средняя цена которых, таким образом, 200 драм, что вполне понятно при сопоставлении с отмеченной выше средней ценой неквалифицированного работника.

В литературе приводят обычно еще некоторые свидетельства, дополняющие и подтверждающие отмеченные выше сообщения. Так, из Демосфена (XXVII, 18) явствует, что от продажи 15 квалифицированных рабов мужского пола было получено в среднем 200 драм за каждого. За одного раба, по словам Демосфена (XLI, 8), было заплачено 200 драм. У того же оратора (LIII, 1)

находим свидетельства о расценке двух рабов — по 125 драм за каждого. Но Вестерман считает, что оно не заслуживает никакого доверия (цена явно занижена). За девушку-рабыню, купленную для целей проституции, было заплачено 300 драм, о чем мы узнаем из Гиперида (V, 2). Как об исключительном случае Ксенофонт сообщает о приобретении Никием раба — надсмотрщика за рабами в рудниках за огромную сумму в один талант: Νικίας δὲ ὁ Νικηράτου λέγεται ἐπιτάτην εἰς τὰργόρεια πρίασθαι τάλαντον (Memorab. II, 5,2). Уплата такой суммы может быть объяснена особенно высокой квалификацией раба.

Приведенные материалы взяты из специальных разделов работ о рабстве в Афинах в V — IV вв. до н. э. Конечно, нельзя назвать эти материалы исчерпывающими: они лишь частично освещают вопрос о ценах на рабов в то или иное время.

Применение рабского труда.³⁶ В литературных произведениях рабы выступают главным образом в качестве домашней прислуги. Это понятно. Трагедия занимается высокими мифологическими темами. Ее герои — цари и их родственники, место действия в трагедии — дворец. Образ жизни царей и в действительности и в представлении греков V в. до н. э. требовал наличия большого количества слуг, а ими были рабы. Бытовая близость рабов к героям трагедии иногда использовалась трагиками при разворачивании действия пьесы. Что же касается комедии, то быт афинских граждан легко объясняет нам наличие домашних рабов среди действующих лиц комедии. Афинский гражданин среднего, а отчасти и ниже среднего достатка привык видеть в своем доме прислуживающих рабов, порой приобретавших в пределах дома даже некоторое влияние на своих господ. Так или иначе раб и в комедии обыкновенно показан в обстановке дома своего хозяина.

Если мы хотим представить себе все разнообразие применения рабского труда как внутри, так и вне дома хозяина, нам следует обратиться, помимо произведений драматической поэзии, также к речам ораторов,³⁷ сочинениям историков и философов и к мате-

³⁶ См.: Beauchet L. Servi... p. 1270 et sq.; Westermann W. L. The slave systems... p. 12 et sq.; Казакевич Э. Л. Рабы как форма богатства в Афинах IV в. до н. э. (По данным речей Демосфена). — ВДИ, 1958, № 2, с. 90 и след.; Клячко Н. Б. Стелы гермокопидов как источник сведений о рабах в V в. до н. э. — ВДИ, 1966, № 3, с. 114 и след. (в работе имеется ссылка на публикации и статьи в «Hesperia» за 1953—1961 гг.; о стелах гермокопидов в том же журнале печатались материалы и дальше, вплоть до текущего года); Глускина Л. М. О специфике греческого классического полиса. — ВДИ, 1973, № 2, с. 29 и след. Напомним, что Аристотель считает гораздо более важным вопрос об использовании рабов, чем приобретение их: ὁ γὰρ δεσπότης οὐχ ἐν τῷ χεῖραθαι ὡς δούλους, ἀλλ' ἐν τῷ χρῆσθαι σοφίᾳ (Polit. I, 2, 23, 1255b, 31—33).

³⁷ См., например: Carrière-Hervagault M.-P. Esclaves et affranchis chez les orateurs attiques. — Actes du colloque 1971 sur l'esclavage. Annales littéraires de l'Université de Besançon, N 140. Paris, 1972, p. 45 et sq.; Hervagault M.-P., Macloux M.-M. Esclavage et société d'après Demosthène. — Actes du colloque 1972 sur l'esclavage. Annales littéraires de l'Université de Besançon, N 163. Paris, 1974, p. 57 et sq.

риалу документального характера (надписи). Кое-что может дать и Афиней, произведение которого («Дипнософисты»), имеющее антикварный характер, содержит большое количество сообщений о греческой жизни, почерпнутых из самых разнообразных источников.

Аристотель в «Политике» говорит о многообразии применения рабского труда, обуславливающим собою и классификацию рабов: δοῦλον δ' εἶδη πλείω λέγομεν αἱ γὰρ ἐργασίαι πλείους (III, 5, 1277a 37).

Имеющиеся в наших источниках данные позволяют нам составить себе достаточно полное представление о применении рабского труда в Афинах.

Различались рабы, обслуживавшие лично хозяина и его семью — δοῦλοι, οἰκέται, и рабы, жившие отдельно от хозяина — χωρὶς οἰκόντες (о них подробнее ниже), имевшие свой заработок — ἀνδράποδα μισθοφοροῦντα, δοῦλοι μισθοφοροῦντες, часть которого они обязаны были отдавать хозяину.

В первом случае, работая в доме господина, рабы в первую очередь выполняли роль прислуги (IG II 2 1554, 57; Aristoph., Ach. 1097; Andoc. I, 11—12). Благодаря афинским авторам мы можем видеть рабов при исполнении ими некоторых обязанностей личной прислуги хозяина. За чужим столом перед обедом (греческим пиром, пирушкой, симпозиумом) афинянин давал разуть себя рабам или снимал обувь сам. В «Пире» Платона сидящий среди гостей хозяин дома Агафон отдает приказ рабам разуть Алкивиада (213 B), еще раньше раб обмывает ноги одному из гостей (175 A) Рабы лили воду на руки господина перед обедом; эта их обязанность обозначалась выражением καὶ χεῖρὸς δοῦνα (Athen. VII 292 E; XV, 685 D). Во время пирушек юные рабы или рабыни, отличавшиеся красотой, наливали и подавали бокалы с вином. Они же развлекали гостей музыкой и танцами.

Рабы были привратниками (вспомним привратника в «Протагоре» Платона; ср. также: Aristoph., Ach. 395; Ran. 35), весниками (Demosth. XXXVII, 22, 24), носильщиками (ibid. XLIX 51—52), погонщиками мулов (Aristoph., Thesm. 491).

Одним из амплуа рабов в доме была должность педагога — παιδοποῦλος — буквально «водитель ребенка», в сущности дядька. В область образования педагог, сам человек невежественный, не вмешивался. Иногда педагоги не умели даже правильно говорить по-гречески (ὑποβαρβαρίζοντες — Aristot., Rhet. II, 127 D) У Платона (Lys. 223) мы находим живую сценку: Сократ задержал учеников в палестре и тем вызвал неудовольствие педагогов, пришедших за своими воспитанниками; педагоги при этом бранятся на дурном греческом языке.

В античной литературе отражены сомнения в том, насколько разумно препоручать свободного мальчика необразованному рабу (ibid. 208 C; Xenoph., Resp. Lac. 2, 1). Однако свободный человек в педагоги не шел, так что возражения против существовавшей

практики никакого значения не имели. Характерны слова Перикла, афинянина V в. до н. э., сказанные им при известии о том, что один раб упал с дерева и сломал себе ногу: «теперь, — сказал Перикл, — из него получился педагог» (Stob., Floril. II, ed. Meineke, 1857, p. 233). Раб, ни на что другое не пригодный, становился педагогом. По словам Платона (Leg. VII, 808 D), педагог так же необходим мальчикам, как пастух стаду, как господин рабам; нет животного, которым было бы так же трудно руководить, как мальчиком. Одной из главных обязанностей педагога было сопровождать своего воспитанника в школу, надзирать за ним на улице. Педагог наблюдал, чтобы мальчик шел прилично, потупив глаза, уступал дорогу старшим. При всех обстоятельствах воспитанник должен был хранить молчание, не смеяться громко, садиться, не скрещивая ног и не опираясь подбородком на руки; со стола ничего не брать и не требовать себе, не есть с жадностью. На улице педагог оберегал мальчика от рискованных знакомств.

Рабы, имевшие образование, служили своим господам не только в качестве секретарей и помощников секретарей — γραφεῖς (IG II², 1556, 14), ἀπολογισματοῦς (ibid. 1551, 3), счетных работников (у банкиров), но и врачей. О последних пишет Платон в своих «Законах»: τοὺς μὲν δοῦλους σχεδὸν τι οἱ δοῦλοι τὰ πολλὰ ὑπερέχουσιν περιτρέχοντες καὶ ἐν τοῖς ἰατροῖς (IV, 720 C) — «рабов лечат по большей части рабы, обходя (дома?), и в больницах».

Рабы различных рангов были, видимо, в числе тех, кто составлял свиту видных граждан при их выходе в город. Но и обыкновенный рабовладелец часто выходил из дому в сопровождении раба, который в таком случае назывался «сопровождающим». У Ксенофонта (Memorab. III, 13, 6) хозяин совершил длинный путь в сопровождении раба, который нес его вещи.

Женщины-рабыни выполняли разнообразные домашние работы. В трагедии Эврипида «Гекуба» бывшая троянская царица Поликсена, которую ожидает рабство, думает о тех обязанностях, которые может возложить на нее хозяин: ἀνέγκην σποτοῖόν, σάφειν δόμα, καθαίσιν ἐρεσπέκῃ (362—363; cf.: Androm. 166—167) — выпечку хлеба, подметание дома, работу за ткацким станком. Поэт, перечисляя такие занятия, имел в виду типичное применение женского рабского труда в афинском доме. Гекуба в «Троянках» думает о своем будущем в качестве пленницы у греков: она будет хранительницей ключей или же ей придется печь хлеб (492—494). О роли женщин-рабынь в Афинах есть и некоторые другие данные. Они были кормилицами (IG II², 1559, 59—60), няньками при детях, Музыкантками (флейтистки и кифаристки), танцовщицами. Женщины выполняли иногда на пирах обязанности виночерпиев (Hesych, s. v. οἰνοποῦσα ἢ διακονοῦσα τοῖς σποντο σίτοις). Специальным занятием для рабынь было также обслуживание хозяйки

³⁸ Novarre O. Paedagogus, — In: Daremberg Ch., Sag-
E. Dictionnaire des Antiquites. T. IV, 1. Paris, s. a., p. 272 et sq.

дома. При этом самое их название указывало на выполняемые ими функции во время туалета госпожи: *κοιμήτρια*. — ведающие туалетом госпожи, *ἐπιλέτριά* — куаферши (Pollux, Onomast. II, 31). Старшая, иди главная из этих камеристок, наиболее близкая к хозяйке, носила название *ἄρστ* — нечто вроде наперсницы.

Хозяин мог также отдать своего раба во временное пользование другому человеку для личных услуг за плату. Перечисляя Здесь о выгоды, которые афиняне извлекали от временного пребывания рабов в Афинах, вводящим в делах гражданских городов для автор Псевдоксенофонт «Афинской политики» упоминает о найме чужестранцами из союзных городов, приезжающими в Афины по судебным делам, мула и раба у их афинских хозяев: *et το ζευγος εστιν η ἀνδρῶν πολεμικῶν πόλεων* (I, 17). Об обстоятельствах, которые побуждали афинян отдавать внаем своих рабов, мы не имеем прямых свидетельств. Позволительно строить догадки — это могли быть малоимущие рабовладельцы, извлекавшие некоторый доход от временной отдачи в чужие руки неквалифицированных (не искусных в ремесле) рабов, или, наоборот, граждане, в достаточной степени обеспеченные рабами и не ощущавшие неудобств от временного отсутствия кого-либо из своих рабов.

В домах, где имелась многочисленная рабская прислуга, требовался для руководства рабами и надзора за ними управляющий, обычно раб (Aristot., Polit. I, 2, 23, 1255b, 35—36); такой управляющий засвидетельствован у Перикла (Plut., Pericl. 16, 6). Свободный гражданин, даже если он был малоимущим, считал для себя подобную деятельность унизительной (Xenoph., Memorab. II, 8, 3—4). Рабов иногда отправляли в специальные школы домашнего хозяйства или кулинарного искусства. О такой школе говорит Аристотель: в Сиракузах некто за плату обучал молодых рабов исполнению обязанностей по дому (Polit. I, 2, 22, 1255b, 24—25).

Вне сферы домашнего хозяйства применение рабского труда было очень разнообразным. Первый вопрос, встающий здесь перед нами, — вопрос об участии рабов в сельскохозяйственном труде. Состоятельный беотийский крестьянин Гесиод держал в своем хозяйстве, где он и сам работал, не только наемных батраков (*ἱρῶς*, *θητες* — Op. et. D. 602—603), но и рабов (*δμῶς* — ibid. 459, 573, 597, 766). В области земледелия рабы в Аттике в V в. (и раньше) бесспорно трудились. Однако для суждения о более или менее точном соотношении между количеством рабов, трудившихся на земле, и рабов, занимавшихся ремеслом, у нас нет достаточно показательного материала. Трудно принять вывод, сделанный Вестерманом на основании документов, относящихся к 340—322 гг. (IG I² P, 1553—1578),³⁹ где перечислены выкупившиеся на волю Он рабы с указанием их занятий: из 155 человек только 12 рабов — в качестве земледельцев. На основании этих данных едва ли можно

утверждать, что в земледелии Афин применение рабского труда было относительно невелико. Оставим в стороне разницу между эпохами (V и вторая половина IV в. до н. э.), она могла и не играть большой роли. Все же едва ли мы вправе пренебречь следующими соображениями. 1. Один документ не дает основания делать далеко идущие выводы. 2. Рабы-земледельцы с большим трудом собирали средства для выкупа на волю, чем рабы-ремесленники.

то, что говорит Аристотель свободных ремесленников: *πλουτοδσι γαρ οἱ πολλοὶ τῶν τεχνιτῶν* (Polit. III, 3, 4, 1278a, 24—25). 3. Хозяева — землевладельцы и земледельцы — могли дорожить своими помощниками в тяжелом сельскохозяйственном труде и неохотно отпускать их на волю, даже если те предлагали достаточную выкупную сумму (ведь принудить рабовладельца дать свободу рабу никто не мог). Поэтому удовлетворимся более скромным выводом: на земле работали не только свободные люди — хозяева полей и батраки, но и какая-то часть рабов. Любопытно одно место у Платона (Ion 10, 540 C), где упомянут пастух: его рабское положение считается само собой разумеющимся.

О большом количестве рабов, труд которых использовали в ремесле, можно говорить с полной уверенностью. Мы располагаем несомненными свидетельствами двух авторитетных писателей. Аристотель, говоря о рабах, выделяет ремесленников, составляющих часть рабского населения (Polit. III, 2, 8, 1277a, 37—38). Фукидид сообщает о бегстве в спартанский лагерь в Декелее более 20 тыс. рабов из Аттики (VII, 27, 5). Здесь для нас важно замечание Фукидида, что среди 20 тыс. значительную часть составляли ремесленники. Часть этих рабов трудилась в мастерских, которые держали их хозяева; другие — в мастерских, куда их отдавали внаем их господа; некоторые — в своих мастерских, вероятно небольших предприятнях, отдавая часть заработка господину, содержа себя и свою семью. Такие рабы чаще всего копили деньги для выкупа на волю.

Отец Софокла владел мастерской, где работали рабы — оружейники (кузнецы) и плотники: *ἐκέκτητο δοῦλους χαλκεῖς ἢ τέκτονας* (Libanius, Biogr. gr., ed Westermann, 126). О Леократе, которого обвинял Ликург, известно, что он приобрел рабов-медников: *ἐκέκτητο χαλκιοτῶνους* (Lys, In Leocr. 58). Если отец Демосфена получил прозвание *ρ-αχοаролоῖς*, то это не значит, что он сам работал в мастерской, у него работали рабы: *ἐργαστήριον δ' οἰκῶν κεκτημένος ἐντεύθεν τὴν του μαχαιροποιῶ κλήσιν ἔλαβεν* (Libanius, Biogr. gr., ed. Westermann, p. 293). Гипербол, женившийся на разведенной жене Перикла, именовался «ламповщиком» — *λυχνολοῖς*. Таким же владельцем мастерской был и «изготовитель лир» — *λυροποιος* — Клеофонт (Andoc. I, 146; Aesch. II, 76). «Кожевник» Клеон, над которым потешался Аристофан в своих комедиях, владел кожаной мастерской.

³⁹ См., например: Грейс Э. Л. Что такое раб и искусство управлять «людьми». — ВДИ, 1970, № 1, с. 49 и след.

Об эргастериях V в. данных у нас мало. Теодор, отец Исократ, имел мастерскую флейт, где работали рабы, и жил на средства, которые доставляла ему мастерская: *θεράποντας αὐλοποιούς κεκτημένον καὶ ἰὸν βίον ἀπὸ ταύτης ἔχοντος τῆς ἐργασίας* (Vita X oratorum, Dion. Halic, Isocr. 1). Относительно мастерских Лисия, которыми он в конце V в. владел совместно с братом ведутся споры. По словам оратора в речи против Эратосфена (XII, 8), уполномоченные Тридцати, которые арестовали его в собственном доме, проникли в эргастерий и стали переписывать его рабов (о числе последних в этом случае ничего не сказано). Однако в другом месте той же речи, ниже (19), где перечисляется все то, чем завладели уполномоченные Тридцати в домах Лисия и его брата (домов было три): 700 щитов, серебро, золото, бронза, женские украшения, утварь, женские одежды и рабы, указано и число рабов — 120. По мнению одних исследователей, все эти рабы трудились в эргастерии. Однако другие судят более осторожно, учитывая контекст. С их точки зрения, в число 120 входят не только рабы эргастерия, но и немалое количество рабов, обслуживавших богатый дом и лично хозяев и хозяйек. В этом случае утверждение, что в эргастерии Лисия и его брата было занято 120 рабов, повисает в воздухе. В итоге для V в. до н. э. о количестве рабов в эргастериях мы по существу не располагаем сведениями.⁴⁰

В разбросанных у авторов и в документах упоминаниях о рабах-ремесленниках мы видим среди последних сукновалов (Lys. XXIII, 2), медников (Demosth. XLIX, 51—52), оружейников (производство щитов — *ibid.* XXVI, 11), работников по производству железных предметов быта (ложка и ножи — *ibid.* XXVII, 9), угольщиков (Athen. VI, 273).

Рабы упоминаются в качестве строителей в отчетах о строительстве Эрехтейона в Афинах 409/8 г. (IG I², 373, 374).⁴¹ Они указаны в этих документах наряду с 20 свободными гражданами и 35 метэками. Афинский гражданин Симий, каменщик по профессии, работал вместе со своими пятью рабами, причем хозяин и рабы получали одинаковую плату за свой труд. Каждый назван отдельно, так что нельзя рассматривать хозяина как надзирателя за работами рабов. Гражданин Фалакр работал на тех же основаниях со своими тремя рабами (I. 230), гражданин Лаос — с двумя рабами (I. 226), Метэк Аксиопиф заключил контракт на выполнение части работы (IG I², 373, 98) и выполнил эту работу с помощью двух своих рабов (имена их: Кердон — IG I², 374, 74, и Сокл — I. 204). Здесь нет уверенности в том, что хозяин работал вместе с рабами. Однако еще в одном случае метэк (Аминокл) бесспорно был участником работы наряду со своим рабом (IG I², 197, 200).

Документ о постройке храма в Элевсине и ремонте Элевсинии в Афинах вследствие повреждения текста не дает возможности выделить рабов из общего числа названных работников. То же следует сказать и о 17 *μισθοτοί* (наемные люди, указанные в другом документе — IG II², 1672, 33). Можно предполагать, что и в постройке Парфенона рабы принимали какое-то участие, хотя прямых указаний на это нет (Plut., Pericl. 12, 6).

Афинский гражданин, занимавшийся торговлей, приобретал раба или рабов для работы в своей лавке или лавках. В торговых предприятиях более широкого размаха рабы могли быть торговыми агентами, пользовавшимися доверием своих господ. В одной В речей Гиперида (V, 5—6). фигурирует раб Мидий, торговавший мазию в лавке своего хозяина. Из отчетов о строительстве Эрехтейона в 409/8 г. мы знаем о существовании в ограде Тесейона лавочек, где торговали рабы, у которых покупались нужные строителям смола, деревянные балки, дерево для клиньев и др.; такие рабы, фактические распорядители в мелких лавочках, назывались *σκηψῖται* (IG II², 1679, 9—10, 63, 64). Среди освобожденных в 349—320 гг. рабов, как показывают соответствующие документы (IG II², 1153—1578), торговцы занимали довольно видное место: из 79 мужчин торговлей занимались 21 (больше 1/4), из 56 женщин — семь (1/8).⁴² В некоторых случаях в этих документах мы встречаем самое общее указание на розничную торговлю — *καπηλός, καπηλῖς* (шесть мужчин и три женщины), без дальнейших пояснений. В других случаях есть спецификация: торговец хлебом, соленым мясом, курениями, изюмом, рыбой, шерстью, веревками, пищей (из мяса или теста) собственного изготовления (так толкуют слово *μάγειρος* — «повар»)⁴³ овощами, медом. Среди мужчин есть и торговцы более крупного масштаба, обозначаемые словом *ἐμπορός*.

Часто рабов использовали в банковском деле.⁴⁴ Раб выступал «качестве *θεράπων* своего господина. Слово это могло иметь самые разнообразные значения. Оно могло обозначать «прислужник» в самом обыденном значении, в частности и «раб-прислужник». Но оно могло обозначать и торгового агента, помощника в крупной торговой операции.⁴⁵ Когда мы читаем в надписях Северного Причерноморья о даровании привилегий греческим (афинским) торговцам, то мы нередко видим, что эти привилегии распространяются

⁴² Westermann W. L. The slave system. . . , p. 13.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Hasebroek J. Zum griechischen Bankwesen der klassischen Zeit. — *Hermes*, 1920, Bd IV, S. 113 et sq.; Westermann W. L. Warehousing and Trapezite banking in Antiquity. — Reprinted from the *Jour. Econ. a. Business History*, 1930, v. III, N 1, November, p. 30 et sq.; Isager S., Hansen M. H. Aspects of Athenian society in the fourth century B. C. Odense, 1975, p. 88 et sq. (Odense University classical Studies, 5).

рабах-агентах в Афинах. — ВДИ, 1961, № 3, с. 3 и след.; Глускина Л. М. О некоторых аспектах кредитно-денежных отношений в Аттике IV в. до н. э. — ВДИ, 1970, № 3, с. 32 и след.

⁴⁰ См. об этом: Hasebroek J. Staat und Handel im alten Griechenland. Tübingen, 1928, S. 75.

⁴¹ См. например: Randall R. H. The Erechtheum workmen. — *Amer. Journ. Archaeol.*, 1953, v. LVII, p. 199 et sq.

на их *θηράτορες* (при этом в ряде случаев упоминания о них с достаточной степенью уверенности восстанавливаются в утраченных частях надписей). Конечно, речь здесь идет о торговых агентах, уполномоченных, и доверенных лицах.

Приведем несколько примеров. От IV в. до н. э. сохранились ольвийские проксении с дарованием привилегий афинянам (Надписи Ольвии, № 5), гераклеотам (№ 6), истрийцу (№ 15). Привилегии распространялись и на детей и братьев проксена, совместно с ним владеющим имуществом, а также на *θηράτορες*.⁴⁶ Мы не знаем, каков был процент рабов среди такого рода агентов, но не может быть сомнения в том, что рабы и вольноотпущенники среди них были. Раб, участвуя в торговых операциях (особенно заморских), мог достаточно быстро накопить средства для выкупа на волю.

Из речи Демосфена в защиту Формиона мы узнаем о том, что некий Пасион доверил по договору банк своему вольноотпущеннику Формиону: *ἐμίσθωσεν ὁ Πάσιων τούτῳ* (i. e. τῷ Φορμίῳνι) *τὴν τράπεζαν* (XXXVI, 4). Согласно завещанию Пасиона, в банке после его смерти по-прежнему распоряжался Формион, а деньги, которые он вносил за пользование банком, делил между собой сыновья Пасиона. Затем, после смерти их матери, банк перешел во владение младшего сына Пасиона, фактически же учреждение оставалось в руках Формиона. Для нас здесь интересно то, КАК Формион из подсобного работника в банке Пасиона стал сначала, видимо, его помощником, а затем реальным владельцем банка с обязательством выплачивать определенные суммы собственникам. В свое время и Пасион получил банковское дело не по наследству от отца, а от своих хозяев Антисфена и Архестрата благодаря честности и добросовестности (ibid. 44).

Рабыни в интересах своих хозяев занимались иногда проституцией. Из Демосфена мы узнаем о некоей вольноотпущеннице Никарете, которая воспитывала и обучала этой «профессии» семь молодых девушек. Ее мы должны представить себе в виде содержательницы публичного дома: *τέχνην ταύτην κατεσκεύασσεν, ἐνὴ καὶ ἄλλο τούτων τὸν Θίον συνειλεγμένη* (Demosth. IX, 18).

Если даже один раб, отданный внаем, приносил некоторый доход хозяину, то несравненно большим был доход от отдачи внаем целой группы, артели рабов, притом на длительный срок. Хозяин освобождал себя от труда надзирать за работой рабов и руководить ими. В IV в. до н. э. Пасион отдает внаем Формиону свою мастерскую щитов. В том же веке Пантэнет отдает внаем под видом продажи горную концессию с 30 рабами (Demosth. XXXVII, 4-5, 29-30). О большом количестве трудившихся в Лаврионе рабов Никия, Гиппоника и Филоменида, получавших от этого большие доходы, речь была выше. В горных разработках использовались и рабы

⁴⁶ Другие названия для подсобных лиц проксена — *ἀγχοῦθοι*, *οἰχεται* (CIRB, N 1, ad. 1. 6).

редких собственников. Таким был тот Диоклид, который, по его собственным словам, с ночи отправился в Лаврион, чтобы получить деньги за одного единственного раба. Об этом сообщает Андокид (1, 38). Подробнее о рабах, трудившихся в рудниках, будет сказано ниже.

Часто рабы-ремесленники работали отдельно от своих владельцев, отдавая последним определенную долю доходов; это были так называемые «отдельно живущие» (*χωρὶς οἰκοῦντες*) рабы. Материальное положение отдельно живших рабов было, конечно, особым. Такой раб вносил хозяину определенную сумму — апофора. Это была несомненно та сумма, какую получал бы хозяин от наемника, если бы он отдавал раба ему внаем. Не удивительно, что иногда раб, живший отдельно, был в состоянии создать себе завидное положение. Он мог стать хозяином ремесленного предприятия, служить помощником у крупного коммерсанта. Один раб, уполномоченный банка Хрисиппа, руководил филиалом на Боспоре, имея доверенность и распоряжаясь большими суммами (Demosth., XXXIV). Формион, уполномоченный банка Пасиона, долгое время оставался рабом последнего (ibid. XXXVI). Раб Мидий, принадлежавший Афиногену, владельцу парфюмерного заведения, был фактически распорядителем в этом заведении и, как мы узнаем, запутался в долгах. Уже упоминавшаяся группа документов второй половины IV в. (IG IP, 1153—1578), содержащих перечень отпущенных на волю рабов, дает такие соотношения между общим числом этих людей и числом тех, кто был занят в ремесле: из 79 мужчин в ремесле занято было 26 (т. е. 1/3); у женщин из 56 — 48 (6/7). В группе мужчин-ремесленников есть работники по бронзе, три златокузнеца, один медник, два кожевника-дубильщика, три кожевника-закройщика, два изготовителя сандалий, один сапожник (по починке обуви), один носильщик амфор (т. е. водонос, строго говоря, не относящийся к ремесленникам), один изготовитель ведер, один мебельщик (изготовитель диванов). Среди женщин преобладают работницы по шерсти — их не менее 40.⁴⁷

Афинянин Тимарх (IV в. до н. э.) держал мастерскую, где работало девять сапожников, из которых старший платил хозяину ежедневно 3 обола, а остальные каждый по 2 обола. Рабы Тимарха обязаны были выплачивать ему эти деньги, в целом же работа в их коллективе шла независимо от хозяина. Поэтому уже и этих рабов можно причислять к *χωρὶς οἰκοῦντες*.⁴⁸ Вот что говорит

⁴⁷ Westermann W.L. The slave systems. . ., p. 13; Perotti E. 1) Esclaves *χωρὶς οἰκοῦντες*. — Actes du colloque 1972 sur l'esclavage. Annales, litteraires de l'Universite de Besaneon, N 163. Paris, 1974, p. 47 et sq. (ср.: Казакевич Э. Л. Были ли рабами *χωρὶς οἰκοῦντες*. — ВДИ, 1960, № 3, с. 23 и след.); 2) Contribution à l'étude d'une autre catégorie d'esclaves attiques: Les *ἀνδράποδα μισθοφοροῦντα*. — Actes du colloque 1973 sur l'esclavage. Annales litteraires de l'Universite de Besaneon, N 182. Paris, 1976, p. 179 et sq.

⁴⁸ Следует, однако, отметить, что современная исследовательница предлагает новую интерпретацию термина «отдельно живущие», исключаящую

Эсхин в своей речи против Тимарха о рабах, доставшихся тому по наследству от отца: «отец оставил ему. . . рабов-ремесленников по сапожной части, девятерых или десятерых, из которых каждый ежедневно вносил ему 2 обола, а руководитель мастерской — 3 обола, вдобавок к ним — женщину, умеющую изготавливать аморгские ткани и выносившую на рынок тонкие изделия, и мужчину-вышивальщика» (Aeschin. I, 40, 97).

В горных разработках рабский труд применялся в широких размерах. Лаврионские рудники,⁴⁹ находившиеся на самом юге Аттики, открытые или начавшие приобретать большое значение во времена Фемистокла (Herod. VII, 144; Aristot., Ath. Pol. 22, 7 et Sandys ad loc; Bekker, Anecdota I, 279), в V в. принадлежали государству. Только перед Декелейской войной рудники пришли в упадок, однако потом, в IV в. до н. э. они испытали новый подъем перед окончательным захирением в конце этого века. Афинское государство отдавало их с торгов на откуп частным предпринимателям. Аристотель среди функций коллегии десяти полетов называет и отдачу на откуп рудников (Ath. Pol. 47, 2). Те граждане, исотелы⁵⁰ и проклены, которые занимались добычей металла в рудниках, не были их собственниками, но лишь арендаторами. Непосредственно работали в рудниках рабы. Арендаторы шахт брали внаем этих рабов у их хозяев (см. об этом выше). Работы производились обычно под надзором свободных надзирателей — *επιτοῦτοις*. Иногда, впрочем, надсмотрщиком был раб. В V в. до н. э. в рудниках трудились тысячи рабов (Xenoph., De vectig. 4, 14—15). Наряду с предпринимателями V в. до н. э. (Никий и др.) нам известен по одной речи Демосфена (XXXVII) афинянин IV в. до н. э. Пантэнет, который взял деньги взаймы под залог мастерской в горных разработках в Маронее (поселок приблизительно в центре Лавриона)⁵¹ и рабов в количестве 30 человек (ibid. 4).

возможность видеть в них рабов (Казакевич Э. Л. Были ли рабами *χορὶς οἰκοῦντες*). Такое толкование все же представляется нам недостаточно обоснованным.

См.: Ardaillon E. Les mines du Laurion dans l'antiquité. Paris, 1897. (Bibliothèque des Ecoles Françaises d'Athènes et de Rome, fasc. 77); Lauffer S. Die Bergwerkssklaven von Laureion. — Akad. Wissenschaft, u. Lit. in Mainz. Abhandl. der Geistes- u. Sozialwissenschaftlichen Klasse, 1955, H. 12, S. 1103—1104; 1956, H. 11, S. 885 et sq. (пер. Глускина Л. М. — ВДИ, 1959, № 3); Норпер R. J. 1) The attic silver mines in the fourth century B. C. — Ann. Brit. School at Athens, 1953, v. 48, p. 200 et sq.; 2) The Laurion mines: a reconstruction. — Ibid., 1968, v. 63, p. 293 et sq. Crosby M. The leases of the Laureion mines. — Hesperia, 1950, v. 19, p. 189 et sq.; Глускина Л. М. Лаврийские серебряные рудники в экономике Афин IV в. до н. э. — В кн.: Очерки всеобщей истории. 1969, Л., с. 296 и след. (Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 307).

Об исотелии и исотелах см.: Lescrivain Ch. Isoteleia. — In: Dictionnaire des Antiquités. T. III, 1. Paris, s. a., p. 587 et sq.

См. карту Лавриона в кн.: Ardaillon E. Les mines du Laurion dans l'antiquité. О Маронее и некоторых других пунктах этот автор говорит: «Они не были демами и нет никаких признаков, доказывающих, что они имели городскую организацию. Это были центры шахт и мастерских, поли-

Эти три десятка рабов были, конечно, собственностью Пантэнета, раз он мог получить деньги под залог своей мастерской и работавших в ней людей. Пантэнет, как мы узнаем из той же речи (ibid. 22), арендовал у государства шахту, за которую он платил 90 мнн и где, надо думать, работы производились руками его собственных рабов.

Отдача рабов внаем в рудник, как уже отмечалось, была для хозяев выгодным делом. Раб, отданный туда, приносил, хозяину чистого дохода ежедневно по 1 оболу. Так было в V в., так продолжалось и в IV в. — об этом сказано в одном фрагменте Гипериды (Π, 2, 2).

Условия труда в рудниках были тяжелыми. Плутарх, в «Сопоставлении Никия и Красса», отмечал, что в рудниках по большей части трудились преступники и варвары, часть которых работала в цепях, и рано или поздно они погибали в этих опасных и нездоровых местах. Не удивительно, что при всяком удобном случае рабы бежали из рудников, и правы те исследователи, по мнению которых 20 тыс. рабов, перебежавших в спартанский лагерь в Декелее (об. этом, как уже говорилось, упоминает Фукидид, сообщая, что большую часть сбежавших рабов составляли ремесленники), были если не целиком, то в значительной степени тружениками Лаврионских рудников. О бегстве из шахт говорит и тот факт, что над жителями дема Суния, расположенного у мыса Суния вблизи рудников, принято было смеяться как над клейменными — жители этого дема не выдавали беглецов из Лавриона и позволяли им жить у себя (Athen. VI, 263 C). Нечеловеческие условия, в которые было поставлено большое число рудничных рабов, привело в 130 г. до н. э. к восстанию в Лаврионских рудниках, о котором сообщает Афиней (VI 272 E, F).⁶²

Относительно числа рабов, занятых в горных разработках, мы не имеем точных сведений. Ксенофонт в трактате «О доходах» ратует за увеличение количества рабов в серебряных рудниках, ссылаясь, между прочим, как на то, что число их недостаточно: *ἐν δὲ τοῖς ἀργυρείοις ἐργοῖς πάντες δὴ φασὶν ἐνδεέσθαι ἐργασίων*, так и на то, что предела, когда добыча серебра стала бы нежелательной, Достигнуть невозможно: *ἀργύριον δὲ οὐδεὶς ποῦ οὕτω πολὺ ἐπύροτο, ὥστε μὴ ἴτι προδεύουσι*; в серебре нуждаются и благоденствующие, и находящиеся в беде государства, поэтому нужно не бояться направлять в рудники на работы как можно больше людей (4, 6, 7, 11),

тически зависевшие от демонов, во владениях которых они были разбросаны» (р. 213—214). О местонахождении Маронеи см.: Bekker, Anecdota I, 344.

См.: Жебелев С. А., Ковалев С. И. Великие восстания рабов в I—I вв. до н. э. в Риме. — Изв. ГАИМК, 1934, т. 101, с. 158. Афиней, сообщая о восстании рабов, ссылается на Посидония (последнее издание: Posidonius. I. The fragments. Ed. by L. Edelstein a. J. G. Kidd. Cambridge, 1972, fr. 262).

Здесь же мы находим приведенные выше сообщения о большом количестве рабов, которых отдавали в рудники богачи второй половины V в. Никий получал от каждого из своих рабов чистого дохода по 1 оболу ежедневно, Гиппоник от всех — 1 мину, а Филемонид — полмины (15). Но и во времена Ксенофонта некоторые афиняне получали изрядные доходы от своих рабов, направленных для работы в рудники. Проект Ксенофонта и состоял в том, чтобы не частные лица, а само государство приобрело большое количество рабов, которые затем будут отдаваться внаем частным лицам в серебряные рудники. Число таких рабов следовало, по его мнению, увеличить настолько, чтобы на каждого афинянина приходилось по три раба (17). Интересующий нас здесь вопрос о количестве рабов разрешается у Ксенофонта так: сначала пусть будет 1200 рабов, через пять или шесть лет их может стать не менее 6 тыс. (23). Если каждый раб будет приносить государству чистого дохода 1 обол, то общая сумма дохода государства от них составит 60 талантов в год. Когда число рабов возрастет до 10 тыс., доход от них составит 100 талантов. Такие расчеты не должны удивлять: люди, помнящие времена до событий в Декее, могут, по словам Ксенофонта, подтвердить, что в рудниках работало во много раз больше людей. Как бы то ни было, Ксенофонт утверждает, что к началу Пелопоннесской войны в рудниках работало больше 10 тыс. рабов, и этим сообщением мы не вправе пренебрегать. Исследователи допускают, что при Перикле в Лаврионе было 20 тыс. рабов.⁵³

Рабы в военном деле.⁶⁴ Присутствие рабов в афинской действующей армии не подлежит сомнению. В перечне военных сил они обычно не упоминаются, но в отдельных случаях о них говорится в таком контексте, который позволяет заключить, что в армии они были, хотя сообщающий о них автор не счел нужным упомянуть о них выше. Так, Фукидид, цитируя письмо Никия из Сицилии в афинское народное собрание в 414 г., сообщает о бегстве рабов с кораблей: οἱ δὲ θηρόποντες... ἀποπολοῦσι (VII, 13, 2). Изображая отступление афинян из лагеря в Сицилии в 413 г., Фукидид приводит такую подробность: καὶ οἱ δούλοι καὶ οἱ ἵππης παρὰ τὸ εἶδος αὐτοῖς καὶ τὰ σφέτερα σὺν αἰτία (seil, εἶπερον), οἱ μὲν ἁπορία ἀπολόων, οἱ δὲ ἀποτία" ἀπρητομολίρῃσεν γὰρ πάσαι τε καὶ οἱ πλείστοι παροχρήμα (VII, 75, 5). В некоторых рукописях после αἰτία читается ὑπὸ τοῖς ὅπλοις — «под оружием». При этом получается следующий смысл: «Гоплиты и всадники, вопреки обыкновению, сами несли свой провиант, находясь под оружием: одни из-за отсутствия сопровождающих рабов, другие вследствие недоверия к ним; ведь одни уже давно, а другие, большинство, совсем недавно перебежали к врагам». Отсюда видно, что рабы с самого

начала сицилийской экспедиции сопровождали своих господ — всадников и гоплитов. Однако там, где историк сообщает о силах, направленных афинянами в Сицилию (VI, 31), о рабах он не упоминает. То же видим и в другом месте: в битве при Делионе в 424 г., по словам Фукидида (IV, 101, 2), пало большое число афинян — около тысячи (гоплитов и всадников), и к тому же большое число легковооруженных и обозных служителей: однако выше (IV, 93—94) последние не принимаются во внимание. Это обстоятельство дает полное основание думать, что рабы были необходимой принадлежностью армии, выступавшей в поход, а упоминание о них считалось излишним за исключением отдельных случаев, с той или иной точки зрения интересных историку.

Слово *ἀσπιδόχος*, как уже сказано выше, обозначает вообще раба, обязанного в обычной жизни сопровождать своего господина при его выходе из дому. Такой *ἀσπιδόχος*, как мы видим из приведенного выше текста Фукидида, сопровождал своего господина и в походе. На основании собранного исследователями материала можно ясно представить себе обязанности этих рабов. Обычно они *σχευοφόροι*, т. е. несут оружие и багаж своего хозяина. Упоминаются слуги (рабы), занятые заготовкой пищи: οἱ περὶ τὰ πύργεα θηρόποντες (Xenoph., Symp. VIII, 5, 6). Упоминаются рабы-оруженосцы (гипасписты), подбирающие раненных воинов (Xenoph., Hell. IV, 5, 14). В походе этим рабам приходилось быть и погонщиками тяжело нагруженных мулов; так по крайней мере следует из беседы Ксенофонта с одним участником похода десяти тысяч. Это свободный человек, он не был ни гоплитом, ни пельтастом, но вынужден был выполнять рабскую работу — погонять мула, принуждаемый к тому товарищами по палатке (Xenoph., Anab. V, 8, 5). Аристофан в «Ахарянах» (1097 et sq.) описывает обязанности раба на войне. Полководец Ламах приказывает рабу принести походную сумку, еды, а также все, что относится к одежде воина — султаны из страусовых перьев для шлема, конскую гриву, наконец оружие — копье, подставки для щитов, щит, панцирь; приказ кончается словами «подними щит» — τὴν ἀσπίδ' ἄρου (f140).

По вопросу о том, участвовали ли рабы в битвах, имеются два факта, говорящие в пользу положительного ответа на вопрос, однако с большими ограничениями (см. разобранные выше места из Павсания о Марафонской битве и Ксенофонта о битве при Аргинузах).

Для ответа на вопрос об использовании рабов в качестве гребцов в военном деле кое-какой материал дают сообщения, имеющиеся у древних авторов и в надписях. В те времена, когда историки и филологи были склонны верить данным Афиня, в рукописях которого явно преувеличенные цифры количества рабов в греческих государствах, в частности в Афинах, приходилось (для оправдания доверия к рукописным данным) допускать, что рабы в значительной части были гребцами. Совсем иначе смотрят на это современные исследователи. Прежде всего опровергается ложное мнение, будто служба во флоте в качестве гребца считалась не-

⁵³ Ardaillon E. Les mines du Laurion dans l'antiquité, p. 101.

⁵⁴ См.: Sargent R. L. The use of the Slaves by the Athenians in warfare. — Class. Philol., 1927, v. XXII, p. 201-212, 264—277.

подходящей для свободного человека, гражданина Афин. В той речи, которую Фукидид, описывая предшествовавшие началу Пелопоннесской войны события, вкладывает в уста Периклу говорится как о важнейшем обстоятельстве для афинян, что в их флоте есть превосходные кормчие — граждане и прочие люди, обслуживающие корабли, и что в этом отношении (в смысле количества и качества людей) афиняне превосходят всю остальную Элладу: *ὅτι καὶ πλοῦτον καὶ βελονήτως ἴχουσιν πολίτας καὶ τὴν ἄλλην υπηρεσίαν πλείους καὶ ἀμείνους ἢ πᾶσα ἡ ἄλλη Ἑλλάς* (I, 143). Здесь же, несколько выше (141—142), сказано и вообще об опытности афинян в морском деле, что было бы не совсем понятно, если бы не имелись в виду и гребцы. Флиунтец Прокл в «Греческой истории» Ксенофонта (VII, 1, 4) говорит афинянам в 369/8 или 370/69 г. о превосходстве афинян перед всеми другими греками в морском деле и о том, что большая часть населения Аттики кормится трудом на море. «Корабельная чернь», по мнению Аристотеля, усилила демократический характер афинского государства, так как именно она была причиной победы при Саламине и, следовательно, афинской гегемонии: *ὁ ναυτικός ὄχλος γενόμενος αἴτιος τῆς περὶ Σολαμίνος νίκης καὶ διὰ ταύτης τῆς ηγεμονίας διὰ τὴν κατὰ θάλατταν δύναμιν τὴν δημοκρασίαν ἰσχυρότερον ἐποίησεν* (Polit. V, 3, 5, 1304a, 21—23). Трудно допустить, чтобы Аристотель назвал «корабельной чернью» эписбатов (корабельных воинов) и кормчих, не говоря уже о командирах кораблей; наоборот, совершенно понятным будет в его устах это выражение, если применить его к многочисленным в афинском флоте гребцам. На предложение платить прибывшим из Фракии одомантам по 2 драхмы в надежде на их будущие ратные подвиги Дикеополь в «Ахарниях» Аристофана отвечает опасением, что возропшут траниты (гребцы, сидевшие на верхних скамьях кораблей и действовавшие самыми длинными веслами); этих последних Дикеополь называет «спасающими государство» — *ὑποσθέναι μὲν τ' ἂν ὁ θρονίτης λαός, ὁ σωσίπολις* (162—163). Не мог поэт сказать так о транитах, если бы они были рабами.

В своей «Политике» Аристотель перечисляет виды демоса, которые определяли самый характер демократического государства; это земледельцы, ремесленники, рыночные торговцы, морской демос: *δημὸν μὲν εἶδη ἐν μὲν γεωργοὶ ἕτερον δὲ τὸ περὶ τὰς τέχνας, ἄλλο δὲ τὸ ἀγοραῖον, ἄλλο δὲ περὶ τὴν θάλατταν*; последний вид демоса Аристотель подразделяет на четыре подвиды — военный, коммерческий, транспортный, рыбачий: *καὶ τοῦτον τὸ μὲν πολεμικόν, τὸ δὲ χρηματιστικόν, τὸ δὲ πορφειυτικόν, τὸ δ' ὀλιευτικόν* (IV, 4, 1, 1291b, 18—20). Дальше приведены конкретные примеры: в Таренте и Византии преобладают рыбаки, крупные торговцы (*ἐμπορικόν*) — в Эгине и на Хиосе, занятые на транспорте люди — на Тенедосе. Об Афинах сказано, что там преобладают люди, работающие на триэрах — *τριηρικόν δὲ Ἀθήνησι*. Триэра — военное морское судно. Значит, морской демос Афин у Аристотеля — это граждане, занятые на триэрах, а ими были главным образом гребцы, так как

иначе были бы непонятны имеющиеся в том же контексте слова Аристотеля об их многочисленности: *πολλαχόθεν γὰρ ἔχουσιν τοῦτον πολυσυχλα* (ibid. 22—23). Если добавить к этому места из авторов, где ясно сказано, что афинское государство предпочитает платить гребцам — гражданам, метэкам, иностранцам (Thuc. I, 121, 3; 143, 1; VII, 13, 2; Lys. XXI, 10), то нельзя не прийти к заключению, что рабы в качестве гребцов были нежелательны. Во время остановок в чужих портах или ночью, когда корабли вытаскивались на берег, можно было опасаться их бегства (Thuc. VII, 13, 3).

Можно задаться вопросом, исключалась ли совместная работа свободных и рабов.

Априорные соображения говорят о том, что в обычных условиях, даже во время войны, соседство на корабельных скамьях свободного человека и раба было для первого в высшей степени нежелательным, если к тому не вынуждали какие-либо экстраординарные обстоятельства, например крайняя опасность, в которой находилось государство. Как правило, рабы могли находиться на военных кораблях в качестве *οἰκολοῦντο* своих господ, пливших в военное время на триэрах, а также вообще в роли *θεράποντες*, о которых у Фукидида (VII, 13, 2) сказано как о людях, склонных в случае неудач убежать с кораблей.

Государственные рабы.⁵⁵ Особое положение занимали в Афинах немногочисленные государственные рабы — *δημόσιοι*. Мы не знаем, каким образом происходило пополнение этой группы рабов. Конечно, нельзя думать, будто государство отнимало частновладельческих рабов у их хозяев, чтобы сделать таких рабов государственными. Ввиду специфических функций государственных рабов позволительно думать, что по крайней мере часть их приобреталась на государственные средства у работоторговцев или хозяев после соответствующего испытания.

Об использовании труда государственных рабов мы осведомлены лучше. Они работали на строительстве храмов (IG IP, 1672), бывали подручными при надзирателях за мерами, при финансовых должностных лицах, в частности в армии. Демосфен в своей речи о положении дел в Херсонесе побуждает сограждан принять меры, которые могут принудить Филиппа соблюдать мир, а именно подготовить военную силу, доставить продовольствие, назначить казначеев, приставить к ним государственных рабов: *πορίσαντας καὶ ταμίας καὶ δημοσίους*, и требовать от них отчета в расходовании денег: *τῶν χρημάτων λόγον παρὰ τοῦτων λαμβάνειν* (VIII, 47).

Государственные рабы могли также заменять надзирателя (эπισтату) на работах или архитектора. Аристотель в «Афинской политике» (50, 2) сообщает о функциях астиномов. Они, между прочим, заботились о том, чтобы никто не сбрасывал навоза ближе, чем за 10 стадиев от городской стены, запрещали застраивать улицы,

⁵⁵ См.: Jacob O. Les esclaves publics à Athènes. — Bibliothèque de la faculté de philosophie et lettres de l'Université de Liège, 1928, v. 35.

делать балконы над улицей, желоба со стоком на улицу; в их обязанность входило также убирать трупы умерших на улице. Для всего этого в их распоряжении имелись государственные рабы — *ἐχόντες δημοσίους ὑπηρετάς*. Строители дорог обязаны были чинить дороги и содержать их в порядке; им также были приданы государственные рабы, выполнявшие их распоряжения: *δδοποιοὺς... οἷς προτέπειστοι δημοσίους ἐργάτας εἶναι τὰς οδοὺς ἐπισκευάζειν* (ibid. 54, 1).

Представляет интерес то место в «Политике» Аристотеля, где обсуждается вопрос о должностных лицах (*ἀρχαί*). Так, Аристотель настаивает на том, что не все люди, получающие определенные поручения от государства (например, жрецы, хореги, глашатаи, послы), должны называться должностными лицами. Он также отмечает, что государства, имеющие достаточное количество государственных рабов, дают последним определенные поручения, имеющие подсобный характер: *αἱ δ' υπηρετικά!* (*ἀσὶλ. τὸν ἐπιμέλειων*) *καὶ πρὸς ἃς, ὅν εὐποροῦν, τίττοιαι δοῦλους* (IV, 12, 3, 1299a, 24).

Полицейскую службу выполняли скифы, так как «полицейская служба представлялась свободному афинянину столь унижительной, что он предпочитал давать себя арестовать вооруженному рабу лишь бы самому не заниматься таким позорным делом».⁵⁶ Это была самая многочисленная из групп государственных рабов, именовавшаяся также «стрелки» и «спевсины».⁵⁷ В V в. до н. э. они служили за порядком в городе; производили аресты под начальством «одиннадцати» (*οἱ ἑνδεκά*). Так было во время ареста Ферамена, который описан Ксенофонтом в его «Греческой истории»: *εἰχὼν διὰ ὑπηρετάς* (II, 3, 54—55). В начале IV в. до н. э. этот полицейский корпус еще существовал. Ликвидацию его связывают с финансовой депрессией, последовавшей за Пелопоннесской войной. Скифов-полицейских изображает Аристофан в комическом виде в своей комедии «Женщины на празднестве Фесмофорий» (1001—1225). Полицейские говорят на плохом греческом языке, и действия их не внушают ни страха, ни уважения.

Государственные рабы были сторожами в тюрьме и исполнителями казни. Таков тот служитель «одиннадцати» — *ὁ τὸν ἐνδεκά υπηρετής*, которого изобразил Платон в «Федоне»: он заинтересован в том, чтобы яд поскорее подействовал на осужденного; именно он подает Сократу кубок яду и дает пояснения насчет действия яда (117 C—118).

Государственные рабы были сторожами на государственных складах.

Государственные рабы исполняли роль служителей в Совете (*βουλῇ*).

Аристотель сообщает о государственном рабе, которому Совет отдавал на хранение списки лиц, взявших в аренду священные

⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 118—119.

⁵⁷ Westermann W. L. The slave systems. . . , p. 10.

участки, с указанием сроков платежей; с наступлением срока государственный раб передавал соответствующий документ аподектам, которые, сделав пометку о получении денег, возвращали ему список (Ath. Pol. 47, 5).

Из элевсинских надписей мы знаем об условиях труда рабов на общественных работах. Раб получал в день на питание 3 обола. Государство выдавало ему на год одежду для работы: эксомиду, один плащ — гиматий, одну пару нижней одежды, одну пару крепкой обуви с правом получить два раза новые подметки. Старший мастер вместо одежды получал 100 драхм. Рабы во время некоторых жертвоприношений получали по куску баранины или свинины. Имелись у рабов и некоторые другие привилегии.

Государственные рабы могли жить где хотели; исключение составляли стрелки (скифы-полицейские), которые жили в своих палатках, и палач, которому полагалось жить за стенами города. Вообще же государственный раб мог иметь жену, детей, владеть домом и обстановкой, присутствовать при жертвоприношениях, участвовать в религиозных процессиях. Эсхин в речи против Тимарха в презрительном тоне говорит о государственном рабе: *ἔστι τις Πιττάλοχος, ἄνθρωπος δημόσιος οὐκ ἔτις τῆς πόλεως*, но в то же время отмечает его материальное благосостояние: *οὕτως εὐπορὸν ἀρχιεῖν* (54).

В совершенно особых условиях находился в Афинах государственный раб, ведавший государственным архивом, хранившимся при храме Матери богов — *Μητροῶν*. Занимавший это место государственный раб Никомах получил чрезвычайно ответственное поручение: навести порядок в законах. Потребность в этом появилась после ликвидации правления Тридцати; выяснилась необходимость отменить устаревшие законы и устранить противоречия между разными распоряжениями. Никомах, таким образом, был признан чем-то вроде ученого юрисконсульта и фактически самостоятельно действовал в порученной ему области. Лисий в своей речи «Против Никомаха» говорит о его самоуправстве: ему было поручено в течение четырех месяцев сделать запись законов Солона, а он вместо Солона поставил законодателем самого себя; вместо четырех месяцев сделал свою должностную шестилетней, получая каждый день деньги, одни законы вписывая, другие зачеркивая» (2). Этот человек, столько навредивший государству, успел стать вместо раба — гражданином, вместо нищего — богатым, вместо помощника секретаря — законодателем: *ἀντί μὲν δούλου πολίτης γεγέννηται, ἀντί δὲ πτωχοῦ πλούσιος, ἀντί δὲ ὑπογραμμάτεω; νομοθέτης* (27). Пусть пример возвышения Никомаха единственный, но его достаточно, чтобы показать, насколько исключительным было положение государственного раба, ведавшего государственным архивом; не будь оно таким, даже экстраординарные обстоятельства, при которых действовал Никомах, не дали бы ему возможности достигнуть таких головокружительных успехов.

Продуктивность труда рабов. По вопросу о продуктивности труда рабов в Греции у зарубежных исследователей существуют два мнения. С одной стороны, некоторые авторы склоняются к мысли о меньшей продуктивности труда рабов сравнительно с трудом свободных;⁵⁸ с другой — выдвигаются доводы против этого мнения,⁵⁹ которые сводятся к следующему: 1) факт одинаковой поденной оплаты там, где работали одновременно свободные и рабы, доказывает одинаковую продуктивность их труда; 2) добавочное соображение — соглашение по поводу работ в элевсинском храме основано на сдаче определенной работы за день, причем ничего не говорится о продолжительности рабочего дня, которая зависит от самого работника (IG II², 1672, 32—36); данных, говорящих о разной продолжительности рабочего дня для свободных и рабов, вообще нет. Эти соображения трудно признать убедительными для решения вопроса о продуктивности рабского труда. Ведь продуктивность труда рабов, работавших бок-о-бок со свободными, в том числе и со своим господином, притом заработок рабов шел в пользу господина, не может считаться нормой для рабского труда вообще. Присутствие свободных работников, надзирателей и рабовладельца, понукающего своих рабов, побуждало последних усиленно работать, чтобы получить результат не меньший, чем здесь же трудившихся свободных. Этим, видимо, и объясняется отсутствие в соглашении специального пункта о труде рабов, а также отсутствие данных о неодинаковой продолжительности рабочего дня. К тому же работодателю, кто бы он ни был, должностное или частное лицо, могло быть совершенно безразлично, во сколько часов тот или иной работник выполняет дневное задание.

Вполне естественным будет предположить, что «отдельно живущий» раб, обязанный вносить своему хозяину определенную сумму, проявлял большее трудолюбие, чем раб, занятый в эргастерии хозяина; большая продуктивность труда обеспечивала первому более быстрое накопление сбережений и тем самым приближала день выкупа на свободу.

Слова Гомера о том, что далеко гремящий Зевс отнимает у человека, попавшего в рабство, половину его «доблести» и тем самым делает его нерадивым (Od. XVII, 322—323), повторенные Платоном (с заменой слова «доблесть» словом «ум» — Leg. 777 A), остаются в силе, несмотря на то что факты, не опровергая утверждения поэта, все же вносят существенный корректив в слишком прямолинейное толкование этого утверждения.

Занимаясь вопросом о роли рабского труда в Афинах, нельзя оставлять в стороне и вопрос о роли свободного труда.

⁵⁸ Cicotti E. Il tramonto della schiavitù nel mondo antico. Torino, 1899, p. 129.

⁵⁹ Francotte H. Industrie und Handel. — In: Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd IX. 1916, col. 1429; Westermann W. L. The slave systems. . . , p. 15.

Рабский труд в области ремесленного производства приобретал в Афинах все большее и большее значение. Нельзя не признать основательными доводы исследователей, указывающих на два обстоятельства, способствовавшие увеличению спроса на рабский труд в афинском государстве. Это было, во-первых, расширение ремесленного производства в связи с войнами, вызванное необходимостью изготавливать оружие и другие военные материалы; во-вторых, отлив свободного труда из ремесленного производства, обусловленный в военное время выполнением гражданами военной службы, а в мирное время — необходимостью выполнять государственные функции, заполняя разветвленную систему должностей, существующую в демократическом государстве.⁶⁰

Исследователи этого вопроса сомневаются, чтобы рабский труд в классических Афинах преобладал над трудом свободных. Исключение допускается только для работы в рудниках, а также в области домашнего хозяйства и в мелкой торговле.⁶¹ Действительно, литературные и документальные тексты достаточно красноречиво свидетельствуют о большом количестве свободных ремесленников в Афинах.⁶² Афинские ремесленники могли с полным правом отнести и к себе слова Перикла в его надгробной речи в память павших в первый год Пелопоннесской войны: «[у нас] никому не позорно сознаваться в своей бедности, по позорнее не избавиться от нее трудом; у одних и тех же людей имеется забота о домашних и государственных делах и о том, чтобы, несмотря на то что разные люди занимаются разными делами, они не были неосведомлены в государственных делах; ведь мы единственные, кто считает непричастного к ним человека не свободным от дел, но бесполезным» (Thuc. II, 40; cf.: Plut., Pericl. 12, 4—6).

Сократ в своих беседах, приводя примеры из области ремесленного труда, [думал, разумеется, о свободных тружениках, которых видели вокруг себя его ученики. Если Платон (Leg. V, 741 E; VIII, 846 D) выставляет требование — запретить гражданам занятие ремеслом, так как последнее лишает гражданина свободы духа, необходимой для подобающей гражданину деятельности, то это требование возникло как реакция на обстановку в Афинах,

⁶⁰ Westermann W. L. The slave systems. . . , p. 7.

⁶¹ Ibid., p. 14. О физическом труде афинских граждан см.: Finley M. J. Was greek civilization based on slave labour. — In: Slavery in classical antiquity. Cambridge, 1960, p. 62; Zimmermann H. D. 1) Freie Arbeit, Preisen, Löhne. — In: Hellenische Poleis. Bd I. Hrsg. v. El. Ch. Welskopf, Berlin, 1974, S. 92 et sq. 2) Die freie Arbeit in Griechenland während des 5 und des 4. Jahrhunderts v. n. Z. — Klio, 1974, Bd 56, S. 337 et sq. О гражданах-ремесленниках упоминает Солон (№ 1, 49—50). Знаменательные слова вложены Ксенофонтом в уста Сократа: народное собрание состоит из валяльщиков, сапожников, плотников, кузнецов, земледельцев, разного рода рыночных торговцев (Memorab. 8, 7, 6).

⁶² Guiraud P. La main — d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grèce, Paris, 1900, p. 164; Francotte H. Industrie und Handel, col. 1424 et sq.

часть граждан которых занималась ремесленным трудом. Мы знаем, что даже в Лаврионских рудниках работали не только рабы, но и свободные, притом не только в качестве мелких предпринимателей, но и в качестве наемных работников. У Демосфена афинский гражданин говорит, что он сам трудился (речь идет о труде физическом) в Лаврионе: αὐτὸς τῷ ἐργατοῦ σφῶντι πυνῶ (Demosth. IV, 20; cf.: Xenoph., Vect. 4, 22). Замечание Аристотеля, что наилучшее государство не сделает ремесленника гражданином (Polit. III, 3, 2, 1278a, 9—10), можно понять только как протест философа против афинского государственного строя, который, с ТОЧКИ зрения Аристотеля, был очень далек и от подлинно и от условно наилучшего строя. Ремесленник был в Афинах полноправным гражданином, и эту черту афинской действительности Аристотель не согласен допустить в своем теоретически построенном идеальном государстве.

Свободный труд известен нам в самых разнообразных областях. Мы знаем свободных булочников, поваров, плотников, башмачников, сукновалов, тележников, чесальщиков шерсти, кораблестроителей, кузнецов, строителей, каменотесов, скорняков, гончаров, портных, угольщиков (Aristoph., Plutus 510 et sq.; Acharn. 211 Xenoph., Memorab. III, 7, 6; IG I², 372 et sq., Plut., Pericl. 12, 6). Известен случай, когда свободный человек работал в серебряных рудниках (Ps.-Xenoph., Resp. Ath. 1, 10). Свободные женщины из бедных слоев бывали ткачихами, работницами на виноградных давильнях, кормилицами, няньками. Инвалид Лисия говорит о себе, что отец ничего ему не оставил и что он кормится своим ремеслом, дающим ему ничтожный заработок; нет у него раба и нет никакого другого источника дохода (XXIV, 6).

В определенных кругах афинского общества несомненно существовало пренебрежительное отношение к физическому труду, отразившееся в трудах философов, но мы не вправе предполагать подобное у многочисленных афинских свободных ремесленников гражданского происхождения. Свободные афиняне, о которых олигарх, относившийся к ним с ненавистью, говорит, что их по одежде и виду нельзя отличить от рабов, были, надо полагать, в значительной своей части ремесленниками (Ps.-Xenoph., Resp. Ath. 1, 10).

Отражалась ли конкуренция рабского труда на заработках свободных людей?⁶³ Это считается априорно вероятным. Одно существенное обстоятельство приводится в пользу такого предположения: рабы не подлежали воинской повинности; во время войны они продолжали работать, тогда как свободный наемный человек отрывался от своего труда, и, возвращаясь, вынужден был соглашаться на менее выгодные условия.

⁶³ Рабский труд составлял конкуренцию свободному, но в то время не мог его полностью вытеснить (F r a n c o t t e Н. L'industrie dans la grece ancienne. Bruxelles, 1901, p. 3; Westermann W. L. The slave systems. . . , p. 15).

Впоследствии рабство все более и более губительно сказывается на жизни рабовладельческих полисов, ибо труд превращается в рабскую деятельность и считается занятием, бесчестящим свободных людей.⁶⁴

Юридическое положение раба. Раб бесправен. Он — собственность своего хозяина. Аристотель в «Политике» отразил положение раба в формулах: ὁ δοῦλος τῆς κτῆσεως μερὸς τῆς (I, 3, 1, 1256a, 2—3) — раб — часть имущества»; ὁ δοῦλος κτήμα τῆς ἐμψυχῶν (I, 2, 4, 1253b, 32) — «раб — одушевленное имущество»; ὁ δὲ δοῦλος μερὸς τῆς τοῦ δεσποτοῦ (I, 2, 20, 1255b, 11) — «раб — часть господина»; ὁ δὲ δοῦλος οὐ μόνον δεσποτοῦ δοῦλος ἐστίν, ἀλλὰ δαὲς ἐκείνου (I, 2, 6, 1254a, 12—13) — «раб не только есть раб господина, но и всецело принадлежит ему». То же повторяет Аристотель в «Эвдемовой этике»: τοῦ δεσποτοῦ ὁ δόλος ὡς περ μορίον καὶ ὄργανον ἀφαιρετόν, τὸ ὄργανον ὡς περ δοῦλος ἀφ' οὗ (VIII, 9, 2, 1241b, 22—24) — «раб есть как бы отдельная часть и орудие господина, А орудие КАК бы неодушевленный раб».

С точки зрения государства раб был лишен всяких прав. Он не юридическое лицо, хозяин может как угодно пользоваться трудом раба, давать ему любое имя, налагать на него любые наказания. Но неограниченного права убить своего раба афинский рабовладелец все же не имел. Единственным ограничением права господина было правило, по которому присудить раба к смерти мог только суд. Из речи Антифонта об убийстве Герода (V, 69—70) мы узнаем о том, что раб был присужден судом к смертной казни. Из той же речи мы узнаем, что судебное решение было одинаковым в случае убийства свободного и раба: ἡ ψήφος ἴσον ἀγνῶται τῷ δόλῳ ἀποκτείναντι καὶ τῷ ἐλευθέρῳ (V, 48). Эти слова послужили основанием для восстановления одного места в законе Драконта: καὶ κατὰ ταῦτα φόνος ἀτκάς εἶναι δόλον κτείναντι ἢ ἐλευθέρῳ [ρ]ο[ν].⁶⁵ Есть основание думать,⁶⁶ что убийство свободным собственным раба не оставалось безнаказанным. Правда, графн φονοῦ (дело об убийстве) в таком случае не возбуждалось, т. е. убийца не подвергался изгнанию (впредь до примирения с родственниками убитого). Дело ограничивалось, КАК при неумышленном убийстве свободного человека, принесением очистительных жертв. По поводу убийства раба Аристотель говорит, что ЗА такое убийство судила особая инстанция в Палладии, где разбирались дела о неумышленном убийстве,

⁶⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 643.

⁶⁵ Recueil des inscriptions juridiques grecques. Texte, traduction, commentaire par R. Dareste, B. Haussanllier, Th. Reinach. 2me Sér., pasc.1. Paris 1898, W XXI, 1.36—37.

⁶⁶ См.: Beauchet L. Servi, p. 1260 et sq.; Morrow G. R. The murder of slaves in attic law. — Class. Philol., 1937, v. XXXII, p. 210 et sq.; Г р е й с Э. Л. Правовое положение раба в делах об убийстве (Афины VI—V вв. до н. э.). — ВДИ, 1974, № 2, с. 34 и след. Для разбираемого здесь вопроса, как и для других вопросов, связанных с рабством, полезна старая работа: К у т о р г а М. С. Общественное положение рабов и вольноотпущенников в Афинской республике. Собр. соч. Т. I. СПб., 1894.

о замысле против чужой жизни, а также об убийстве рабов, метэков, или чужестранцев: τῆς δ' ἀκούσιων καὶ βουλευέως καὶ οἰκείῃ ἀποκτείνῃ τις ἢ μέτοιχον ἢ ξένον [οἱ γὰρ Π]α[λλ]αδίω (Ath. Pol. 57, 3).⁶⁷ Подробности о ходе дел в таком суде и налагавшиеся наказания нам неизвестны. Из речи Демосфена против Лисия мы узнаем, что афинский закон защищал против того, что называлось ὕβρις, т. е. своеволия, наглости и т. п., не только свободного, но и раба. Любой свободный человек мог возбудить против свободного, обидевшего чужого или своего раба, судебное дело: καὶ εἰς δούλον ὕβρις τις, ομοίως εἴωχεν (scil. ὁ νόμος) ὑπὲρ τοῦτου γροχρήν (Demosth. XXI, 46; cf.: Aeschin. I, 15—17). По объяснению оратора, закон имел в виду в данном случае не защиту того человека, который потерпел обиду, а недопустимость самого действия. Однако, необходимое условие—желание свободного человека помочь рабу—сильно ограничивало применение этого закона.

К рабу, подозревавшемуся в намерении бежать, хозяин мог применить любые меры. Преследовать беглого раба хозяин мог собственными средствами, но мог доверить это людям, специально этим занимавшимся (δραπέταρχος). В договорах между греческими государствами фигурировал пункт о выдаче беглых рабов. Такая выдача предусматривается, например, в тексте договора, заключенного между Афинами и Спартой в 421 г. (так называемый Никиев мир) — оба государства обязуются не принимать перебежчиков, будь то свободный или раб, в течение года (перемещение должно было длиться год): τοὺς αὐτομόλους μὴ δέχεσθαι ἐν πόλει τῷ χρόνῳ, μήτε ἐλεύθερον, μήτε δούλον, μήτε υἱὰς μήτε ἡμᾶς (Thuc. IV, 118, 7). Разумеется, отсюда нельзя выводить заключение, будто греческие государства вообще выдавали перебежавших к ним рабов из других государств, враждебных или просто соседних. Пример огромного количества афинских рабов, перебежавших в спартанский лагерь под Декелей, или обвинение, предъявленное афинянами мегарянам об укрывательстве беглых рабов в мирное время, скорее говорят о противоположном.

Хозяин мог в любое время продать своего раба, не считаясь с тем, что при этой продаже он разделяет мужа и жену, родителей и детей. Раба можно было отдать внаем, например в рудники. Хозяин получал за него определенную сумму.

Хозяин выступал в качестве юридического лица во всех тех случаях, когда рабу было необходимо заключить тот или иной договор. Если хозяин оказывался соучастником действия раба, нанесшего вред свободному человеку, то он целиком отвечал по суду. Вообще же за причиненное рабом ранение, убийство, убытки и т. п. отвечал не раб, а его хозяин. Здесь действовало то правило, согласно которому на хозяина падала ответственность за вред, нанесенный принадлежащими ему живот-

ными. Хозяин мог выйти из положения, выдав потерпевшему своего раба или свое животное, которые нанесли вред без ведома хозяина. За убийство или нанесение ран рабу посторонним человеком владелец мог возбудить судебное дело.

В принципе раб не мог быть владельцем имущества. Все, что он имел, принадлежало его господину. Однако афинская действительность внесла здесь свои коррективы. Рабы, особенно рабы, отданные внаем или получившие от хозяина возможность жить отдельно и заниматься самостоятельно каким-нибудь делом или ремеслом, фактически имели свои средства. Такой пекулий (этим римским термином принято называть имущество и греческих рабов), на который, правда, хозяин имел право в любой момент наложить руку, позволял рабу не только улучшать свои жизненные условия, но и — в самом благоприятном случае — выкупиться на свободу. Дельфийские манумиссии содержат недвусмысленные указания на то, что и после освобождения бывший хозяин (патрон) сохранял известные права на имущество своего бывшего раба. Так, при отсутствии у вольноотпущенника потомства (родившегося после получения свободы) его имущество после его смерти переходило к патрону. Изредка встречается еще одна оговорка: не только отпустивший раба на волю, но и его ближайшее потомство сохраняет право наследования бездетному вольноотпущеннику. Было ли нечто подобное в Афинах? По поводу этого вопроса обычно приводят данные из жизнеописания Феофраста у Диогена Лаэртского.⁶⁸ В завещании Философа говорится, что давно получившие свободу Помпил и Трепта, оказавшие хозяину много услуг, могут спокойно (в безопасности) владеть своим имуществом: ἀσφαλῶς οἶμαι δεῖν αὐτοῖς ὑπάρχειν τὰτα (Diog. L. V, 2, 54). Речь идет обо всем том, что они получили в свое время от хозяина, что они сами приобрели, и о двух тысячах драхм из того, что должен хозяину некий Гиппарх, Боше, крупнейший авторитет в области истории афинского частного права, предусматривает две возможности интерпретации текста. У Феофраста мы видим либо отказ от права, какое имеет семья патрона на имущество вольноотпущенников, либо (и это более вероятно) снимается запрет вольноотпущеннику отчуждать целиком или частично свое имущество. В речи Демосфена в защиту Формиона (XXXIV) оратор защищает своего клиента, бывшего раба, против претензий на его имущество со стороны Аполлодора, сына его бывшего владельца. Любопытно, что в этой речи, где так уместно было бы вспомнить о правах патрона (в дан-

⁶⁷ См. также: Schol. Aesch. II, 87; Frisch H. Might and right in antiquity. V. I. København, 1949, p. 125.

⁶⁸ См.: Beauchet L. Histoire du droit privé de la république Athénienne. V. III. Paris, 1897, p. 84, 573 et sq., 584 et sq. О подлинности приведенных у Диогена Лаэртского завещаний философов см.: Bruns G. Die Testamente der griechischen Philosophen. — Ztschr. Savigny-Stiftung, 1880, Rechtsgeschichte, Bd I, Romanistische Abteilung, S. 1 et sq.; Chroust. Aristotle's last will and testament. — Wiener Studien, N. F., 1967, Bd I, S. 90 et sq.

ном случае его наследников) на имущество вольноотпущенника, об этом нет никакого упоминания, даже намека. Сам собой напрашивается вывод, что такого права у Аполлодора не было.

Захват чужого раба сурово карался в Афинах.⁶⁹ Такой захват приравнивался к незаконному обращению в рабство свободного человека. То и другое влекло за собой судебное разбирательство по *υποχρή ἀνδροπώδιο* (Bekker, Anecd. I, 219, 394). Расследование таких дел входило в компетенцию коллегии «одинадцати». Виновные — *ἀνδροπώδιοι* — карались смертью. Об этом говорит Аристотель в «Афинской политике»: «они (т. е. афиняне, — А. Д.) назначают по жребию одинадцать, чтобы они захватчиков рабов... в случае если в этом сознаются, наказывали смертью, если же это оспаривают, предавали суду, и если они будут оправданы, отпускать, если же нет — тогда предавать смерти» (52, 1).

Лисий в речи против Агората упоминает о человеке, который был уличен в том, что вывез из Коринфа рабыню свободной гражданки; он умер в тюрьме в оковах (XIII, 67); о смертной казни, полагавшейся за *ἀνδροπώσις*, говорит и Ксенофонт в «Воспоминаниях» (I, 2, 62).

Свидетельство раба на суде признавалось действительным только тогда, когда оно давалось под пыткой (Isaeus VII, 12); для применения пытки требовалось согласие владельца. Выражение *ἐν βοσάνοις ἀνδρόπῳ* (применительно к пытке рабов) встречаем у Эсхина (II, 128). У Автифонта хозяин не согласился на применение пытки к рабам (I, 6, 10; cf.: Demosth. LIX, 122).

В случае небольших проступков раб (в противоположность свободному человеку) подвергался телесному наказанию. Об этом сказано у Демосфена: «у рабов за все проступки отвечает тело, у свободных же, хотя бы им случилось совершать величайшие проступки, тело можно спасти; их подобает подвергать наказанию за большую часть проступков в виде денежного штрафа» (XXII, 55). Известно, что в IV в. до н. э. нарушение правила не бросать мусора на улицу влекло за собой для раба телесное наказание (IG, IP 380—320/19 г. до н. э.).

Господин мог наказывать раба как ему угодно.⁷⁰ Сократ в «Горгии» Платона так характеризует беззащитность раба перед его хозяином: «это ведь переживание не мужа — терпеть обиду, а какого-нибудь раба, которому лучше умереть, нежели жить, который, терпя обиды и посрамления, неспособен и помочь сам себе и другому, о ком он заботится» (483 B).

Действовавшее законодательство Солона делало хозяина ответственным за убыток, причиненный его рабом (Hyperid. V, 21-22, Blass, p. 81). Оно же запрещало рабу умашаться оливковым маслом, т. е. заниматься физическими упражнениями (Plut., Amat. 4, 751 B).

Раб мог предстать перед Советом или народным собранием только с особого разрешения или получив гарантию против возможности судебного преследования за это. Андокид в речи о мистериях сообщает, что в народное собрание перед отправлением афинского войска в Сицилию был вызван раб в качестве свидетеля, видевшего оскорбление мистерий Алкивиадом и другими. Для этого потребовалось специальное разрешение в форме *ᾠδῆα* (безнаказанность; Andoc. I, 11, 12). Фукидид говорит о том, что афиняне позволили всем — гражданам, чужестранцам, рабам, давать показание (не боясь кары) по поводу изуродования герма (VI, 27, 2).

Изредка обстоятельства (вероятно, играло роль общее политическое положение) благоприятствовали ловким людям, скрывавшим свою принадлежность к рабам и потому слывшим (хотя бы некоторое время) свободными людьми. Примером служил некий Агорат. Оратор Лисий говорит о нем: «вам следует знать, что он раб и происходит от рабов, чтобы вы знали, кем был тот, кто вас оскорблял; отцом у него был Эвмар, а этот Эвмар принадлежал Никоклу и Антиклу» (XIII, 64).

Раб был орудием хозяина, но орудием одушевленным. Он прислуживал хозяевам, служил источником доходов, но не переставал быть человеком даже в глазах рабовладельцев. Это признавали не только философы и драматурги, но и владельцы рабов и политические деятели. Об этом помнил и Аристотель, обосновывавший право одних владеть другими: в завещании он не забыл упомянуть о своих рабах, которых он не оставил своим наследникам, а дал им свободу (Diog. L. V, 13 et sq.).

Религия и культ играли большую роль в жизни античного человека. В Афинах рабы в ряде случаев могли участвовать в культовых действиях. Так, они могли приобщаться к элевсинским мистериям (Demosth. LIX, 21 — рабыня посвящена в мистерии), допускались к общественным жертвоприношениям, правда в качестве зрителей или умоляющих. От участия в празднестве Фесмофорий рабы были отстранены, но в первый день празднества Анфестерий рабы были отстранены, но в первый день празднества Анфестерий, «в день открывания бочек», и во второй день празднества Анфестерий, т. е. в «день кружек», их допускали к празднеству и разрешали пить вино.

Рабы принимали участие в домашних жертвоприношениях и празднествах. Автор приписывавшегося Аристотелю сочинения «Экономика» говорит: *καὶ τὰς θυσίας καὶ τὰς ἀπολαύσεις μᾶλλον τῶν*

69 Lipsius I.H. Attisches Recht. Hildesheim, 1966, S. 639; Caillemet E. Andrapodismou graphe. — In: Daremberg Ch., Saglio E. Dictionnaire des Antiquités. T. I. Paris, 1877, p. 268. — Thälheim Th. ἀνδροπώσις. — In: Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd I. 1894, col. 2134.

70 Beauchet L. Servi, p. 1262.

71 См.: Deubner L. Attische Feste. Berlin, 1966, S. 94 et sq.; Wermann W. L. The slave systems. . . , p. 24.

δούλων ἐνεκα ποιεῖν ἢ των ελευθέρων πλείονα γὰρ εἶχουσιν οὕτω οὐτερ ἐνεκα τα τοιαῦτα ἐνομίσθη (I, 5, 1344b, 18—20) — «жертвоприношения и угощения делать больше ради рабов, нежели ради свободных; ведь к ним в большей степени относится то, ради чего все это было установлено». Если мы и не примем на веру объяснения автора, хотя нельзя исключить, что в какой-то степени они опирались на наблюдения, все же остается вероятным факт, что жертвоприношения и последующая трапеза были светлым явлением в жизни рабов, и бесспорно участие рабов в семейных празднествах. В «Агамемноне» Эсхила царица Клитемистра призывает ставшую рабыней Кассандру принять участие в жертвоприношении вместе с другими многочисленными рабами: Εἰσω κοίτῃσιν καὶ σὺ Κακῶνδρον λέγω, ἐπεὶ σέθηκε Ζεὺς ἀμνηστὸς δόμοις κοινῶν εἶναι χερσίνων, πολλῶν μετὰ δούλων (1035—1038) — «Иди внутрь без гнева и ты — я говорю о Кассандре — раз уж Зевс назначил тебе быть в доме участницей культовых омовений вместе со многими рабами».

Хозяин обязан был похоронить умершего раба. Демосфен говорит об обязанности демарха, узнавшего о том, что никто не забирает трупа, обнаруженного в доме, объявить, кому следует, о необходимости взять и похоронить умершего и «очистить» дом; относительно умерших рабов следовало объявить господину, а относительно свободных — тем, кто владеет (их?) имуществом (XLII, 57-58).

Отметим, что освобождение рабов (о нем подробнее ниже) вызывало опасения разного рода. В одной из речей, приписываемых Демосфену (XVII, 15), говорится о том, что рабы в случае дарования им свободы могут стать орудием в политической борьбе между разными группировками. Коринфский договор с Филиппом запрещал освобождение рабов: μηδὲ δούλων ἀπελευθερώσεις ἐπὶ νεωτερισμῷ (Diod. XVI, 89).

Одно сообщение Фукидида бросает свет на положение рабского населения в Афинах. В договоре 421 г. между Спартой и Афинами Афины обязуются в случае восстания рабов в Спарте помогать спартамцам в подавлении восстания: τὴν δὲ δουλείαν ἐπαισιωχτοῦσιν, ἐπὶ κορυφαῖν Ἀθηναίους Ἀσπιδωπονοίους παντὶ ὀφέναι κατὰ τὸ δυνατόν (V, 23, 3). Спартамцы афинянам аналогичного обязательства не дают. Концентрация больших масс лакедемонских илотов на полях и отсутствие концентрации больших групп рабов в Афинах, где разные интересы и разное положение рабов способствовало разобщению их, в достаточной степени объясняют нам приведенное место из договора. Восстания илотов были обычным явлением, восстаний рабов в V в. в Афинах не было.⁷² Обязательство дают только афиняне, следовательно, только спартамцы опасались восстания илотов. Афиняне как будто были спокойны за

своих рабов. Говоря о положении рабов, нельзя пройти мимо права убежища — ἀσυλία, которое в Греции предоставляли рабам, имевшим основание жаловаться на своих хозяев. Такими убежищами были некоторые храмы. В Афинах это был храм Тесея, Тесейон. Раб мог получить временное убежище в Тесейоне или у алтаря Эвменид. Плутарх говорит о храме Тесея: ἐστὶ δὲ φυγέμενον οἰκέταις καὶ πάσι τοῖς ταπειντάτοις καὶ δεδωκόσι κρείττονας (Thes. 36) — «он является убежищем для рабов и для всех слабых, боящихся тех, кто сильнее». У Аристофана раб говорит: ἐμοὶ μὲν κράτιστόν ἐστι εἰς τὸ θησεῖον δραμεῖν, ἐπεὶ δ' ἔως ὅσον πράσιν εὐραμεν μένειν (fr. 567) — «мне лучше всего убежать в Тесейон и там оставаться до тех пор, пока мы не получим возможность быть проданными». Об убежищах в Тесейоне и у алтаря Эвменид (не специально в применении к рабам) говорит и Аристофан в комедиях «Всадники» (1312) и «Женщины на празднике Фесмофорий» (234; см. также Eurip., Suppl. 268 — у раба есть убежище — алтари богов).

Попав в убежище, раб тем самым попадал в зависимость от жреца, который решал, должен ли раб возвратиться к своему хозяину, или храм окажет ему покровительство, продав его другому хозяину. Обращение раба к храму в таких случаях носило специальное название — πράσιν αἰτεῖν («просить продажи»): κακὰ τοὶ ἀδὲ πάσχοντα μηδὲ πράσιν αἰτεῖν (Eupolis, fr. 225) — «терпя такие беды, даже не просить продажи». Упоминание у комедиографов V в. (Аристофан, Эвполид) о бегстве рабов в убежище дают повод думать, что речь идет о хорошо известном афинским зрителям, а следовательно, не таком уж редком явлении.

Как можно убедиться на основании приведенного выше материала, раб обращался за помощью в храм, не зная, каков будет результат его поступка; благоразумие удерживало его от ухода в убежище в тех случаях, когда простое чувство самосохранения подсказывало ему, что нечего рассчитывать на сочувствие со стороны жреца; ведь возвращение к хозяину, против которого раб просил помощи, не сулило рабу ничего хорошего. Анализ Анданийской надписи (Dttb., Syll.³ 736), найденной в Мессении и относящейся к гораздо более позднему времени (92—91 гг. до н. э.), дает некоторое представление о положении раба, попросившего убежища в храме.⁷³ Беглый раб, представший перед жрецом, оказывался всецело во власти последнего. Такого раба никто не имел права принимать к себе в дом, кормить, давать ему работу; нарушивший эти запреты платил хозяину беглого раба двойную его стоимость, а сверх того и штраф в 500 драхм. Жрец должен определить, откуда пришел беглец; если «из нашего рода», то он может быть прямо передан жрецом хозяину. Текст надписи не дает ответа на ряд возникающих вопросов, но с полной ясностью обрисовывает общую ситуацию. Беглый раб, попа-

⁷² Подробнее об этом см.: Крюгер. О. Движение античных рабов в доэллинистическую эпоху. — Изв. ГАИМК, 1934, вып. 101, с. 123 и след.

дая в убежище, полностью отдает себя во власть жреца; в самом лучшем случае раб покидает убежище только для того, чтобы получить нового господина.

Ничего не известно о юридических правах рабов, живших отдельно от хозяев и имевших собственное хозяйство. Бесспорно то, что они, выплачивая определенные суммы хозяевам, все же могли часть своих барышей откладывать и таким образом копить деньги для выкупа на свободу.

Переломные моменты в истории государства вообще были благоприятны для перехода рабов в свободное состояние в обход действовавшего законодательства (см. разобранные выше свидетельства о рабах — участниках битвы при Аргинузах).

Отпуск рабов на волю. Самое раннее известие об индивидуальном освобождении раба в Афинах находим у Геродота: Фемистотел дал свободу своему рабу, бывшему педагогом его детей, и сделал его гражданином Феспий (VIII, 75).

В V и отчасти в IV в. до н. э. процедура отпущения раба на волю отличалась большой простотой. Хозяин в присутствии нескольких лиц объявлял о том, что он отпускает раба на волю. Объявления эти не закреплялись каким-либо документом и совершались без участия какого-либо должностного лица. Примером может служить случай (относящийся к IV в. до н. э.), о котором говорится в одной из речей Демосфена (XXIX, 25—26). Отец оратора на смертном одре отпустил на волю раба. Присутствовали при этом только мать Демосфена, т. е. жена отпускавшего, и рабыни, которые могли бы под пыткой подтвердить этот факт. Оратор опирается на показания женщин, вдовы и рабынь умершего; этого было достаточно для опровержения утверждений противника, что обвиняемый им человек является рабом. Заявление о том, что такой-то человек не свободный, а раб, обозначалось глаголом *ἀφαιρῶ* (ср. термин *ἀφαιρέσις* во 2-й главе (Афинской политики» Аристотеля: когда неоплатный должник и его семья попадают в этот разряд, кредитор мог захватить их как своих рабов; см. об этом выше). Захваченный не располагал никакими юридическими средствами для своей защиты. Ему могло помочь только третье лицо, афинский гражданин, который удостоверял свободный статус этого человека. Такое вмешательство третьего лица обозначалось выражением *ἀφαιρέσειν εἰς ἐλευθερίαν* (Isaeus, fr. 15, 16 Scheibe). Оно давало повод к судебному делу — *δίκη ἀφαιρέσεως* (Aeschin. I, 62). О ситуации, которая могла бы повести к такому процессу, говорит Лисий (XXIII). Некий Панклеон, бывший в действительности рабом, выдавал себя за платейца (платейцы были почти приравнены к афинским гражданам). Афинский гражданин, оскорбленный им и готовый возбудить против него судебное дело об оскорблении, убеждается путем расспросов платейцев, что Панклеон не платеец, а раб. Платон в «Законах» устанавливает, ориентируясь, видимо, на афинские законы, ряд правил на тот случай, когда свободное состояние че-

ловека оспаривается. «Всякий желающий, находящийся в здравом уме, может задерживать своего раба и пользоваться им как угодно, лишь бы только это не нарушало благочестия. Можно также задерживать беглого раба своих родственников или друзей, действуя в защиту сохранения их собственности. Если же в то время, как раб задерживается, кто-либо дает ему вольную, пусть тот, кто задерживает, предоставит трех надлежащих поручителей — только так он может дать вольную, никак не иначе. Если же кто, вопреки этому, отпустит на волю раба, то он будет повинен в насилии и, если будет уличен, должен выплатить пострадавшей стороне сумму, вдвое большую обозначенного истцами убытка» (XI, 914 E). Читая этот перевод,⁷⁴ следует иметь в виду, что «вольная» здесь не является указанием на какой-либо документ.

Человек, предъявивший претензии на своего раба (действительного или мнимого) или на рабов, принадлежавших его близким, не подвергался никакой опасности. Оспорить его претензии, т. е. вступить за захваченного человека, имел право только другой свободный человек, который потом должен был доказывать свободный статус своего подопечного.

Из сказанного ясно, что отпущение на волю не было официальным актом, а одностороннее заявление господина в присутствии небольшого числа лиц не давало отпускаемому на волю гарантии прочности его нового статуса. Отсутствие какого бы то ни было документа создавало благоприятные условия для посягательств на его свободу со стороны третьих лиц. Вполне естественно возникло (едва ли, впрочем, уже в V в. до н. э.) стремление придать акту освобождения какой-то публичный характер. Было введено (в IV в. до н. э.) объявление в театре об отпущении на волю раба. Оратор Эсхин с иронией отзывался о подобной процедуре: свидетельницей отпущения на волю хотят сделать всю Элладу; он же говорит о проведенном законодательным путем запрещении этой процедуры (III, 41, 44).

Применялся в IV в. до н. э. и другой способ — объявление вестником в суде. О нем мы узнаем из упоминания об одной утраченной теперь речи Исея. Дионисий Галикарнасский сохранил нам фрагмент (проэгий) этой речи: «Есть и некая речь Исея в защиту некоего метэка Эвмафа из числа имевших банк в Афинах», Кто-то, наследовавший бывшему господину Эвмафа, заявил на него претензию и попытался захватить его как раба: *οὐ εἰς δουλείαν ἀφαιρέμενον ὑπὸ τοῦ ἀληρονομήσαντος*. Один гражданин, когда-то убедившийся в безукоризненной честности Эвмафа и однажды уже спасший его от незаконного порабощения (*ἐξελόμενον εἰς ἐλευθερίαν*), выступил в его защиту, так как знал, что тот был объявлен свободным в суде. В этом объявлении нельзя деть указание на результат первого рассмотрения дела в суде,

⁷⁴ Платон. Творения. Пер. А; Н. Егунова. Пб., 1923, с. 161.

так как гражданин говорит о своем первом заступничестве за Эвмафа, что он уже тогда, т. е. до первого рассмотрения, хорошо знал о вольном статусе этого человека, который был отпущен на волю Эпигеном в суде: εἰδὼς ἀφεμένον ἐν τῷ δικαστηρίῳ πρὸ Ἐπιγένοῦς (Dionys. Halic, De Isaeo 5 = Isaeus, ed. Thalheim, fr. XVI). Подробности данного акта нам неизвестны, но по всему видно, что освобождение пред лицом суда имело большое практическое значение при установлении статуса вольноотпущенника.

Своеобразный способ гарантировать бывшему рабу прочность его нового положения возник во второй половине IV в. до н. э.⁷⁵ Свидетельствуют о нем надписи, смысл которых до конца не разгадан, но в основных чертах все же улавливается.

Эти надписи (IG II/III², 1553—1578 et sq.) представляют собой списки чаш, посвященных божеству при получении свободы рабами (φιάλα ἐξελυθηριαί). Надписи были найдены на Акрополе, чаши были посвящены богине Афине. Общая схема этих надписей: такой-то, живущий там-то, (посвятил) чашу такого-то веса: Ἡ[ρ]ακλείδης ἐπὶ Με οὐκω ἀποφυγὴ Μενέοιμον ἐν Με οὐκω φιάλ. σταθ; (1557, 47—50). Еще один пример (речь идет о женщине): Θρόαττα κατήλ ἐπὶ Νε οὐκω ἀποφυγὴ Μενέοιμον ἐπὶ Μετὶ ο[ὐ]κω φιάλην (1557 A, 47—49). Имена, данные в именительном падеже, все рабские. Надписи поставлены от имени отпущенников. Хотя на первый взгляд может показаться, что выражение ἀποφυγὴν значит «отпущенный на волю», но в действительности, как подчеркивают исследователи, это выражение никогда не имеет такого значения. Его смысл: быть оправданным в судебном процессе.

Как видно из прескрипта IG II/III², 1578, речь действительно идет о судебном процессе. Это, по определению исследователей, δίκη — процесс, возбуждавшийся против вольноотпущенников (но не против рабов), которые не выполняли своих обязанностей по отношению к бывшим господам, в частности выбирали себе другого протата. Хотя все речи, относившиеся к процессам этого типа, утрачены, нам известно, что обвиняемый в случае осуждения снова попадал в рабство к прежнему господину, в случае оправдания он освобождался от всяких повинностей в пользу бывшего хозяина, т. е. становился свободным (метэком) (Нагросс. s. v. ἀποστασίαν— τέλος ἤδη ἐλεύθερος).

Из надписей видно, что результатом судебного разбирательства была полная свобода бывшего раба (ἀποφυγὴν, ἀποφυγὴς). Исследователи заподозрили, что процессы, на которые содержится намек в надписях, не были реальными. Это видно уже из того, что часто человек, которого «избегал» вольноотпущенник, был метэком и уже в силу этого не мог быть протатой. Иногда вольноотпущенник «избегает» нескольких человек, а нескольких протатов быть не могло. Обращает на себя внимание также и то,

⁷⁵ См. об этом, например, статьи Д. М. Левиса в «Hesperia» (1959, v. XXVIII; 1969, v. XXXVII).

что, согласно некоторым надписям, большое количество процессов прошло в один день, чего в действительности не могло быть. Отсюда был сделан вывод, что в надписях имеются в виду не реальные процессы, а пустая форма, некое подобие процесса. Форма носила название процесса ἀποστασίον, но ее юридическое содержание состояло в том, что собственник отпускал раба на волю. Раб считался оправданным по процессу и тем самым признавался свободным.

Возникновение такой формы объясняется стремлением придать больше прочности самому акту эмансипации; вольноотпущенник тем самым предохранялся от возможности предъявления ему ὑποθήκη ἀποστασίον.

В литературе отмечалось, что в некоторых надписях есть отклонение от обычной формулы: «такой-то ἀποφυγὴν такого-то», т. е. servus ἀποφυγὴν dominum (IG II/III², 1554 B, 1556 B, 1557 B, 1558 B, 1965 B, 1575 B, 1578, col. II). Здесь употреблена формула dominus servum (без глагола) и вырезана она на оборотной стороне камня (за исключением 1578, col. II, где формула находится на киматии) и даже частично имеет другие формы букв. Значит, этот текст вырезан не одновременно с надписями на лицевой стороне камня. Отсутствующий глагол предлагают дополнить по-разному: ἐλὼν, ἀπελευθερώσας. Однако выражение ἐλὼν предполагало бы реальный процесс с приговором в пользу бывшего хозяина. Дополнение ἀπελευθερώσας подходит больше: составитель надписи имел в виду подлинную суть дела — отпуск на волю.

Хронология надписей о фиалах показывает, что такой способ отпущения на волю был в Афинах только эпизодом. Через 20 лет после первой надписи ряд их внезапно заканчивается в 317/6 г. Было высказано заманчивое предположение, что со стороны государственной власти последовало запрещение прибегать к фиктивным процессам;⁷⁶ запрещение исходило, по всей вероятности, от правителя Афин Деметрия Фалерского (317—307 гг.), идеалом которого была аристократическая полития, соединение олигархических и демократических элементов. Его не могла не беспокоить все расширявшаяся практика отпущения рабов на волю, естественно порождавшая в среде рабов все большее стремление выйти из рабского состояния.

Исследователи подчеркивают иногда значение благотворительных клубов в виде выкупа рабов на волю.⁷⁷ В своем первоначальном виде ἐρεῶνος, как показывает самое название, представлял собой объединение для совместных пирушек, поводом для которых

⁷⁶ См. об этом: Rädle H. Untersuchungen zum griechischen Freilassungswesen. Diss. München, 1969. Относительно надписей о фиалах см., например: Calderini A. La manomissione e la condizione dei liberti in Grecia. Milano, 1908, p. 424 et sq.

⁷⁷ Westermann W. L. Slavery and the elements of freedom in ancient Greece. — In: Slavery in classical antiquity. Ed. by M. J. Finley. Cambridge, 1960, p. 23—24.

были преимущественно религиозные праздники (религиозный момент был всегда присущ объединениям, обозначавшимся словом *ἐρανός*). Впоследствии — для IV в. до н. э. это бесспорно — оно означало также и деньги, собранные участниками такого объединения. Они могли быть отданы в долг одному из членов, который имел право употребить их для разных целей, в частности на торговые предприятия. Здесь нас интересуют случаи употребления этих сумм для выкупа рабов на волю. Примеры относятся к IV в. до н. э. Речь Демосфена против Неэры дает нам один очень яркий пример. Неэра, по-видимому, была гетерой — рабыней. Ее выкупили в коринфском заведении двое молодых афинян. Таким образом она стала их рабыней. Намереваясь обзавестись семьями, молодые люди предложили Неэре выкупиться на свободу и покинуть Афины. Она собрала деньги от некоторых своих поклонников, которые образовали для этого *ἐρανός*; во главе последнего стал афинянин Фринион. Он собрал деньги и добавил от себя недостававшую для выкупа сумму (Demosth. LIX, 29, 32).

Эпиграфические документальные данные позволяют говорить о распространенности выкупа с помощью взносов эранистов в IV в. до н. э. Объединения эранистов представляли собой нечто вроде клубов; некоторые исследователи сравнивают их с заемными обществами. В IV в. они играли в Афинах немаловажную роль в деле выкупа рабов на волю. В имеющихся списках посвящений серебряных кубков получившими свободу рабами есть не менее 14 примеров выкупа на волю с помощью денег, полученных от эраноса. Оговорки, сделанные в одном из документов (SGDI II, 2317, 9, 10), относящемся к середине I в. до н. э., показывают, что раб (рабыня), прибегавший для выкупа на волю к помощи эраноса, обязан был погасить полученную ссуду, в противном случае операция считалась недействительной в человека ждало возвращение в рабское состояние: *εἰ δὲ μὴ καταφέρῃ(αι), ἂν τε ὦνα ἀκυρὸς ἔστω καὶ δουλεύετω Νίκαρχος*.⁷⁸

О существовании такой практики в V в. до н. э. нам неизвестно. Со второй половины V в. мы уже располагаем надписями с текстом манумиссий, но не для Афин.

Дельфийские манумиссии IV в. до н. э. и более позднего времени помогают нам разобраться в условиях, какими сопровождалось освобождение рабов. Помимо выкупной платы, которую получал хозяин от своего раба, последний, став вольноотпущенником, обязывался оказывать бывшему господину услуги. Этот так называемый институт *παράδοσις* для Афин прямо не засви-

детельствован, но его существование для IV в. (предположительно и для V в.) считается установленным на основании одного места «Законов» Платона (XI, 915 A), где Платон выдвигает требование, чтобы вольноотпущенник трижды в месяц обращался к своему бывшему хозяину с вопросом — какие с его стороны нужны услуги. В случае невыполнения требований вольноотпущенником освобождение может быть аннулировано. Доказательством существования в Афинах манумиссий на условиях *παράδοσις* являются также судебные дела по *ὑπαφί ἀποστάσιον*.

Вольноотпущенник должен был иметь патрона-простата, которому он был обязан оказывать уважение и который имел право требовать от него разных услуг.⁷⁹ Этим простатом был обычно бывший хозяин вольноотпущенника. Простат представлял интересы вольноотпущенника в суде. В случае, если бывший хозяин усматривал в действиях бывшего раба неуважение к себе, он мог либо посадить вольноотпущенника в свой карцер, либо возбудить против него судебное дело — *δίκη ἀποστάσιον*. Дело имел право возбудить только сам патрон, вмешательство третьего лица исключалось. Расследовал дело и передавал его в суд архонт-полемарх (Arist., Ath. Pol. 58, 3). Как уже отмечалось, если вольноотпущенника признавали виновным, его продавали в рабство, а вырученные от продажи деньги, вероятно, получал его бывший хозяин. Если же жалоба бывшего хозяина признавалась неосновательной, то он лишался своих прав патрона, а вольноотпущенник получал статус метэка. В своей первой речи против Аристогона Демосфен упоминает о женщине, проданной в рабство в результате обвинения в неуважении к патрону: *ὀφλοῦσαν ἀποστάσιον ἀπέδοσθε* (XXV, 65).

По представлениям греков боги не считались собственниками рабов, посвященных и даже проданных им.⁸⁰ Мы не располагаем манумиссиями, исходящими от божества. Термин «гieroдула» появляется в греческой литературе не ранее II в. до н. э.⁸¹ Некоторые исследователи, однако, выдвигают следующее возражение: хотя по греческим представлениям боги и не были собственниками рабов, но форма продажи рабов богу существовала (именно такая продажа означала предоставление свободы).⁸² Сомнение это неосновательно. Ведь в случае нарушения вольноотпущенником Условий освобождения он в качестве раба возвращался к бывшему хозяину, а не к богу. И выкупные деньги вручались отнюдь не божеству, а хозяину раба; в документах о получении денег

⁷⁸ Литература об эраносе: Reinach Th. Eranos. — In: Daremberg Ch., Saglio E. Dictionnaire des Antiquités. T. II, 1. Paris, 1892, p. 805—808; Ziebarth E. Das griechische Vereinswesen. Leipzig, 1896; Poland F. Geschichte des griechischen Vereinswesens. Leipzig, 1909; Ziebarth E. *Ἐρανός. — In: Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, Bd VI. 1909, col. 328—330; Глускина Л. М. Циркулярный аспект Eranos — займов в Аттике IV в. до н. э. — ВДИ, 1960, №

⁷⁹ Глускина Л. М. О правовом положении афинских вольноотпущенников в IV в. до н. э. — ВДИ, 1965, № 1, с. 51 и след.

⁸⁰ Foucart P. Memoire sur l'affranchissement des esclaves par forme de vente à la divinité. Paris, 1867.

⁸¹ Otto W. Beiträge zur Hierodulie im hellenistischen Ägypten. — [fbandl. Bayerisch. Akad. d. Wissenschaften, Philosophisch-historische classe. N. F. 1949, Bd XXIX, S. 9.

⁸² Pringsheim F. The greek law of sale. Weimar, 1950, p. 184 et sq.

имя божества упоминалось лишь как имя некоего доверенного лица.

На том основании, что от V — III вв. до н. э. сохранилось мало сведений об освобождении рабов, нередко делают вывод, что в это время отпуск на волю был явлением редким; возрос он только после 200 г. до н. э. Однако отсутствие отпускных легко объясняется тем, что акт отпущения на волю не был публичным и совершался в семейном кругу.

Обращение с рабами в Афинах. Пестрая афинская действительность не дает возможности кратко и однозначно формулировать ответ на вопрос об условиях жизни рабов в Афинах и об обращении афинян с рабами. Экономическое положение хозяина, профессия раба, степень его умения — все это и многое другое, вплоть до характера рабовладельца, существенным образом влияло на судьбу раба.

Некоторые дошедшие до нас общие высказывания на этот счет не могут претендовать на охват всех единичных случаев. Кое-что, впрочем, такие общие формулировки нам все же открывают. В речи, произнесенной для аудитории афинских граждан, Демосфен может сказать: κατ' ὁμοίους ἂν τις οἴκετας τὰσι παρ' ὑμῖν μεταπαιστωνος ἐξουσίας δ' τι βοῦλονται λέγοντας ἢ πολιτας τῶν ἄλλων πόλεων (IX, 3) — «и у вас легко увидеть много рабов, говорящих с большей свободой то, что им хочется, нежели граждане прочих государств».

Условия афинской жизни позволяли рабам, как видим, пользоваться значительной свободой слова. Платон в «Государстве», говоря о свободе, царящей в демократических государствах, наряду с молодежью и женщинами упоминает и рабов: ὅταν οἱ ἐπὶνήμενοι καὶ αἱ ἐπὶνήμεναι μᾶλλον ἢ ἥττον ἐλευθέροι ὦσι τῶν πριαμένων (VIII, 563 B) — «купленные мужчины и женщины не менее свободны, чем купившие». Плутарх (De garrulitate, 18, 511 E) противопоставляет римского раба, приученного только отвечать на заданные ему вопросы, болтливому аттическому рабу.

Неизвестный олигарх, написавший так называемую Псевдоксенофонову «Афинскую политику», ненавистник афинской демократии, в издевательских тонах говорит обо всем строе афинской жизни, в частности о положении рабов. Раб в Афинах «не уступит тебе дорогу» — οὐτε ὑπεκτινέσεται σοὶ ὁ δοῦλος (I, 10). Очережемся все же делать отсюда широкий вывод, будто вообще всякий раб во всех случаях не уступал дорогу афинскому гражданину. В том же месте автор пишет, что по одежде и вообще по внешности афинского человека из народа не отличить от раба: ἐσθῆτα τε γὰρ οὐδὲν βεατίω ἐχει ὁ ἀνὴρ αὐτοῦ ἢ οἱ δοῦλοι... καὶ τὰ ἐτᾶν οὐδὲν βεατίους εἶσιν (ibid.).

Кроме самого естественного вывода, что в Афинах не было особой установленной одежды для рабов (позднее свидетельство Поллукса (VII, 47) о двух видах хитона — один для свободных, другой для рабов — не может относиться к Афинам классической

поры), из слов олигарха можно извлечь и другое заключение. Автор не столько шокирован тем, что рабы в Афинах слишком хорошо одеваются (их нельзя отличить от некоторых категорий граждан), сколько сообщает не без высокомерия, что его сограждане-ремесленники выглядят на улицах не лучше рабов. Некоторую поправку к сообщению олигарха мы и здесь можем внести. Афинский рабовладелец старался купить рабу одежду подешевле, например хитон покороче, как об этом свидетельствует Аристофан: δοῦλοι δὲ χαλινέκρια τὸν μικρὸν (Рах, 1002). При толковании «Афинской политики» Псевдо-Ксенофонта следует не упускать из вида аристократическую позицию автора, которому ненавистны ремесленники и вообще малоимущие афинские граждане, основное демократическое ядро афинского государства. Уподобляя их рабам (хотя бы по одежде), он наслаждается лишней возможностью унижить их. Едва ли мы вправе вкладывать в его слова смысл, особенно благоприятный для одежды рабов («она не хуже одежды свободных»).

Все же некоторую презумпцию в пользу заключения о менее тяжелой участи рабов в демократических Афинах сравнительно с другими (олигархическими и менее демократическими) государствами все известные нам обстоятельства и общий характер афинского государства создают.⁸³ Вероятно, правы те исследователи, которые усматривают в относительно мягком обращении с рабами в Афинах не столько проявление чистой гуманности, сколько отражение известных интересов — рабы были в Афинах в очень широких размерах объектом капиталовложения.⁸⁴

Вообще же обращение с рабами было различным в разных семьях, у разных хозяев. В трагедиях выводятся преимущественно рабы и рабыни, верные своим господам, живущие интересами последних. Было бы слишком опрометчивым отрицать всякую возможность такого отношения между хозяевами и рабами. Однако в литературе зафиксированы и совершенно иные случаи. Комедия называет раба μαστιγίας, намекая этим на частые порки, выпадавшие на долю раба (cf.: Aristoph., Equ. 1224; Pollux III, 79).

Впрочем, у нас не так много сообщений о применении к рабам телесных наказаний. В этой связи приобретает большой интерес Пожелание Платона (Leg. IX, 868 B, C; 872 B, C) о применении к рабам более суровых наказаний сравнительно с афинскими законами; в то же время он говорит о вреде неразборчивого применения наказания (ibid. VI, 777 D). В другом месте (Resp. I, 351 D) он рекомендует избегать всего того, что порождает вражду между господином и рабом: несправедливость является причиной ненависти и борьбы, если она проявляется в отношениях

⁸³ Vogt J. Sklaverei und Humanität. Wiesbaden, 1965. (Historia Einzelheften, H. 8).

⁸⁴ Westermann W. L. The slave systems. . . , p. 22.

свободных с рабами, она ведет за собой распри и делает и тех и других неспособными к совместной деятельности.

Отсутствие серьезных восстаний рабов в Аттике в классическую эпоху естественно объяснить все же не только сносными условиями существования рабов (не забудем о работе рабов в рудниках), но и отсутствием двух благоприятных для восстаний обстоятельств: объединения в процессе производства больших масс рабов (исключение — рудники) и существования у них единого языка.

Для беглых рабов в случае их поимки карой было клеймение. У нас есть по этому поводу некоторые свидетельства, например у Аристофана упоминается беглый клейменный раб: *δραπέτης ἑστιγμένους* (Av. 760; cf.: Lysistr. 331; Xenoph., Hell. V, 3, 2, 4); Гиппократ лечил одного клейменого раба (Epid. IV, 2) .

Но все ли рабы в рудниках были клейменными?

Ксенофонт требует клеймения государственных рабов: *ἀνδράποδα ἑστεινμασμένα τῷ ἀνθρώπῳ ἑνὶ ἀντρίῳ* (Vect. 4, 21). Из слов Ксенофонта не следует, что обычай клеймения был широко распространен. Видимо, мера эта применялась только к беглым рабам.

Из Аристофана известны названия разного рода колодок, накладывавшихся на рабов в качестве наказания: *ξέουρος* — ярмо (*ξέουρος τριδαύλον* — fr. 576); *πεντέτυριγγον* (*εὖλαον*) — деревянная колодка с пятью отверстиями (Equ. 1049) и др.

Ссылка на мельницу, ввиду особенно тяжелого труда, ожидавшего там раба, считалась тяжким наказанием. В одной речи Лисия хозяин грозит рабыне бичеванием и отправкой на мельницу: *ἢ μαστιγώθετσαν ἐμπεσέτην εἰς μυῶνα* (I, 18). Поллукс называет мельницу местом наказания для рабов: *οἱ δούλοι κοάζονται, οἱ δούλοι μυῶνες* (III, 78). Тяжесть работы на мельнице усугублялась, если на раба еще накладывали деревянное кольцо вокруг шеи — оно мешало рабу отправлять себе в рот муку (Aristoph. fr. 302; Pollux VII, 20).

Любопытен совет — обещать рабам в качестве особой «справедливой и полезной» награды свободу: *ἀτκαῖον γὰρ κατὰ συμφέρον τῇ ἐλευθερίᾳ κείσθαι ἄλῳν, с пояснением, что рабы, имея такую перспективу, будут лучше работать: βοοῦνται γὰρ πονεῖν, ἅταν ἢ ἄθλον καὶ χρόνος ὀρίσμενος* (Aristot., Oec. I, 1344b, 18—20).

В сочинениях греческих писателей мы находим еще целый ряд советов рабовладельцам относительно обращения с рабами. Наряду с рекомендацией не собирать у себя много рабов одного племени (ibid.; cf.: Plato, Leg. 777 C) подчеркивается, что рабам нельзя «дозволять наглости», не следует распускать их, но в то же время тем из них, кто более всего «похож на свободного человека», надо оказывать некоторое внимание; работающих снабжать обильной пищей. Отношение между рабовладельцем и рабом складывается из трех моментов — работа, наказание, пища; владельцу необходимо разумно комбинировать эти элементы.

По мнению Платона, хозяин должен обращаться к рабу почти всегда в форме приказа, шутки при обращении к рабу абсолютно исключаются (Leg. VI, 777 E).

Ревнители соблюдения расстояния между господином и рабом, Платон и Аристотель, излагая свои правила, конечно, не дают фотографического изображения действительности, а лишь известную норму, которая не везде и не всегда соблюдалась. В то же время мы имеем основания думать, что в быту отношения между господами и рабами были или по крайней мере нередко бывали более простыми. Аристофан в своих комедиях дает нам примеры этого: едва ли будет правильно не придавать значения взаимоотношениям раба Ксанфия и бога Диониса в «Лягушках»; бесспорно реальные отношения отражены в «Богатстве» (Хремил и Карион); нельзя не вспомнить обстановку во «Всадниках», где господин оказывается всецело в руках своих рабов. Самые наставления Платона будут нам вполне понятны в том случае, если мы поймем их как протест против того, что он наблюдал в быту — некоторая фамильярность в обращении господ с рабами не была, видимо, редкостью в Афинах.

Исследователи обращают внимание на одну деталь. В афинской жизни наблюдается обыкновение (о распространенности которого мы, впрочем, судить не «можем») приглашать врача для лечения заболевших рабов, проживающих в доме господина. Гиппократ в «Эпидемиях» сообщает о случаях из своей практики: он лечил рабыню Полемарха от рожистого воспаления (*ερσιπέλας* — II, 3, 4); клейменого раба у Антифила от лихорадочного жара (*καυστική* — IV, 2); рабыню варварского происхождения, которой не помогла очистительное средство и которая ночью умерла (V, 35); рабыню Аристиона по поводу спонтанной гангрены ноги — пациентка умерла (V, 41); молодого раба, принадлежавшего Эксармоду, по поводу ранения в бедро и другого молодого раба, принадлежавшего Исагору, по поводу ранения затылка; первый случай закончился смертью, второй — выздоровлением (VII, 35). Об обыкновении приглашать врача в случае заболевания раба говорит и Ксенофонт, у которого Сократ, обращаясь к собеседнику, спрашивает: «Если кто-нибудь из рабов у тебя заболеет, ты заботаешься о нем и приглашаешь врачей, чтобы он не умер?», — и получает утвердительный ответ (Memorab. II, 10, 2).

Олигарх, автор сочинения о государственном строе Афин, сетует на слишком, по его мнению, свободную жизнь некоторых рабов, на отсутствие у них должного уважения к свободным гражданам и страха перед последними. Объяснение этому нежелательному явлению он находит в том, что морское могущество государства связано с необходимостью извлекать деньги, используя труд рабов, что позволяет рабам в свою очередь копить деньги и выкупиться на волю, а где рабы богаты, там исчезает у них страх перед гражданами (I, 11).

Само собой понятно, что жизнь раба на рудниках была ввиду

изнурительного труда очень тяжелой. В лучшем положении оказывались рабы, трудившиеся на сельскохозяйственных работах или обслуживавшие своих хозяев дома. В привилегированном положении оказывались рабы — доверенные своих господ. Таким был Мидий, раб Афиногена, владельца парфюмерных заведений, фактически распоряжавшийся в этих заведениях и запутавшийся в долгах (Нурег. V). Положение в доме банкира тех рабов, которые при жизни хозяина участвовали в его занятиях, а после его смерти и на основании его завещания становились свободными людьми, вступали в брак с вдовой умершего хозяина, становились опекунами его детей, продолжателями его дела, приближается к положению родственников. Так было с Формионом (Demosth. XXXVI). Раб Лампид занимался торговыми делами на Боспоре, был капитаном корабля, располагал денежными средствами (ibid., XXXIV, 5 — ΛΑΜΠΙΔΙ ΤΩ ΔΙΩΝΟΣ ΟΙΚΕΤΗ). В своеобразном производственном коллективе рабов-сапожников, принадлежавших Тимарху, где работавшие должны были только вносить хозяину определенную сумму (апофора) и не имели над собой каждодневного надзора господина (Aesch. I, 97), рабы чувствовали себя иначе, чем в обычной мастерской, где сам хозяин или его уполномоченный непосредственно надзирал за работами и где размер дохода никак не позволял работникам копить деньги для выкупа на свободу или хотя бы для удовлетворения своих нужд.

Разумеется, мы не вправе придавать слишком большое значение и тому вполне реальному случаю, какой предполагается в одной из речей Лисия: рабовладелец, чьи рабы знают за ним проступок, наказуемый по закону, становится сам как бы рабом своих рабов, которые в любой момент могут навлечь на него грозный судебный процесс (VII, 16).

Иногда ставится вопрос, в какой мере археология и история искусств сохранили нам изображения и самих рабов, и их труда. Бесспорно, обследование Лаврионских рудников, как это сделал Ардаион, помогает нам представить себе тяжелые условия труда в этих рудниках. Но изобразительное искусство интересующей нас эпохи (VI—V, отчасти IV в. до н. э.) дает нам в этом плане немного. Одно из самых старых, не вызывающих сомнений изображений раба относится ко времени около 530 г. до н. э.⁸⁵ Раб здесь меньше роста, чем стоящая за ним госпожа, на нем простая одежда, он впрягает коня (мула?) в колесницу. Рабов на памятниках V в. узнают по коротким волосам и восточной одежде. На памятниках V—IV вв. до н. э. доминирует раб — взрослый мужчина.

Признаками раба в произведениях изобразительного искусства

считаются толстый живот, выпирающая грудь, сильная растительность. Однако наряду с этим встречаются и идеализированные фигуры. Для изображений рабов характерен небольшой размер фигуры. Исследователь отмечает следующие изображения как несомненно относящиеся к рабам: побитый мальчик; раб, держащий за голову сильно выпившего человека (господина); бородатый карлик, несущий одежду господина; в сценах с атлетами рабы изображаются в виде мальчиков. В некоторых случаях приписано имя, изобличающее рабское положение человека. Раба определяют и по непривлекательным чертам лица, и по восточной одежде, так как в V в. до н. э. раб — преимущественно варвар. Изображается уставший мальчик-раб; рабыня, несущая на плечах ребенка здесь же стоящей госпожи. Фигуры на короточках также толкуются как изображения рабов, так как эта поза считалась некрасивой и недостойной свободного человека. Иногда свободный и раб занимаются одной и той же работой: мастер и раб (на Берлинской чаше) заняты полированием статуи; хозяин имеет набедренное покрывало (этим подчеркивается, что он занят «банаутической» работой), но стоит он прямо, тогда как раб с некрасивым лицом присел на короточки. На известной стеле Гегесо госпожа сидит, рабыня стоит, и рукава негреческой одежды указывают на рабское состояние стоящей фигуры. Физиогномически здесь, как и на некоторых других изображениях, рабыня почти не отличается от госпожи — в этом видят отражение характерных для Афин гуманистических тенденций.

В заключение следует отметить, что столь авторитетный ученый, как Вестерман,⁸⁶ скептически относится к попыткам на основании внешних признаков отличать изображения рабов от изображений свободных людей.

⁸⁶ Westermann W. L. 1) The slave systems. . . , p. 13; 2) Sklaverei. — In: Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Supplbd VI. 1935, col. 914.

⁸⁵ Himelmann N. Archäologisches zum Problem der griechischen Sklaverei. Wiesbaden, 1971, Fig. 14. (Akad. Wissenschaft, u. Lit. in Mainz. Abhandlungen der Geistes- u. Sozial Wissenschaften, 1971, N 13). Все дальнейшее заимствуется из этой работы.

Как уже отмечалось в

ВЗГЛЯДЫ НА РАБСТВО

с точки зрения

античных комедиографов,

а

Обширная тема «раб в греческой литературе V—IV вв. до н. э.» не может быть охвачена в настоящей работе во всем ее объеме не только по соображениям места, но и потому, что потребовались бы немалочисленные исследования самых различных специалистов.

Предлагаемые здесь очерки имеют своей задачей рассмотрение материала о рабах в произведениях Аристофана, Эврипида, Аристотеля.

Первый взят как выразитель ходячих для его времени взглядов на рабов: комедия — один из тех жанров литературы, которая близка к быту, к повседневной жизни. Второй — представитель высокого драматического жанра — трагедии интересен нам как выразитель своих собственных взглядов на рабов и рабство; не отрываясь от быта, но перенося бытовые отношения в мифологическую сферу, Эврипид тем самым получает возможность трактовать эти отношения в отрыве от повседневности и свободно лепит фигуры рабов и их взаимоотношения с господами, следуя своим взглядам на рабов и рабство. Третий — философ и ученый, хорошо знакомый с разными бытовавшими до него точками зрения на рабство, строит свою собственную теорию, обосновывая и оправдывая существеннейшие особенности античной полисной организации (основной тезис Аристотеля: полис — это высшая форма государственной жизни; оспаривая взгляды Платона, он защищает частную собственность), он в соответствии с охранительной тенденцией создает теорию рабства как необходимого элемента рабства, по Аристофану, существует в Афинах требование самой природы.

Не отрицая значения других античных поэтов и писателей как источников для изучения взглядов на рабство, мы все же думаем, что в этом отношении Аристофан, Эврипид и Аристотель достаточно яркие и достойные особенного внимания авторы.

Аристофан в каждой своей комедии выводит рабов. Хотя в комедиях автор дает определенный литературный тип, однако неправильно было бы думать, что этот тип возник и развивался вне контактов с реальной жизнью.

специальной литературе,¹ в большей части сохранившихся комедий Аристофана содержится мало материала для более или менее развернутой характеристики рабов. Следовательно, и для характеристики взглядов Аристофана на рабов. Исключение составляют две комедии — «Лягушки» и «Богатство». Исследователи отмечают, что рабы в этих комедиях говорят на хорошем греческом языке и проявляют некоторую образованность; это объясняется тем, что рабы либо греки, либо, если и не греки, то были с детства воспитаны в доме хозяина.² Не исключено, впрочем, и другое объяснение: длительное пребывание в рабстве в Афинах дало возможность рабу научиться греческому языку.

Для Аристофана раб — естественный спутник жизни рабовладельца. Никаких проблем о взаимоотношениях между ними поэт не ставит. В комедиях отражается афинская действительность его времени. Много раз, как о неизбежных явлениях в жизни рабов, речь идет о побоях, (на которые щедры были рабовладельцы (Nub. 56-58; Vespae 3, 450, 1292-1293, 1297, 1307; Av. 1327; Pax 255-256; Ran. 741, 812-813; Plut. 20-22, 1144-1145, etc.)). Упоминаются и другие (более тяжелые) наказания* оковы (Plut. 276), клеймение (Av. 760).)

Сами рабы наделяются у Аристофана рядом отрицательных качеств: обжорство (Plut. 189-192, 320-321, 672 et sq.; Ran. 337-338; Pax 14), склонность к воровству (Plut. 27, 1139; Vespae 449; Equ. 1224), плутоватость — они πανουργοι (Ran. 35 etc.).³

Рабы Карион («Богатство») и Ксанфий («Лягушки») наделяются Аристофаном в целом симпатичными чертами. Тот и другой умны; первый вместе с тем искренне относится к хозяину и получает со стороны последнего признание своих добрых качеств; второй проявляет обычно присутствие духа там, где его господин теряется попадает в просак.

Такая трактовка фигуры раба, обрисовка его нравственного блика, хотя бы и односторонняя,⁴ как этого и следует ожидать

¹ См.: Соболевский С. И. Аристофан и его время. М., 1957, след., 313-314; Levy E. Les esclaves en Grèce, 1972, sur l'esclavage. Annales littéraires de l'Université de Besançon, N 163, Paris, 1974, p. 29 et sq.

² Соболевский С. И. Аристофан и его время, с. 304 и след. Отмечается, что если бы иноплеменные рабы не говорили у Аристофана на ломаном языке, то это было бы пренебрежением к реализму произведения Аристофана. Ср.: Шишова И. А. Порабощение военнопленных в Греции V—IV вв. до н. э. — В кн.: Рабство на периферии античного мира. Л., 1968, с. 86, примеч. 108. Приведено следующее возражение: рабы у Аристофана играют второстепенные роли, они не несут самостоятельной смысловой нагрузки и не стоят в центре событий; их ломаный язык скорее мог бы отвлечь от основной темы, снизить эффект осмеяния тех главных персонажей, которые находятся под огнем насмешек Аристофана.

³ Ср.: δμῶς δ' ἀχόλαστον εἶχον ἢ θοῶς (Athen. X, 432 E) — «рабы имеют необузданный характер» (из элегии Крития).

⁴ Все же, по выражению Фогта, «Аристофан не открыл в рабе человека» (Vogt J. Sklaverei und Humanität im klassischen Griechenland. — Historia, 1965, Einzelschritten, 8, S. 170).

от поэта-гражданина рабовладельческого государства, представляет для нас известный интерес.

Следует еще отметить, что сам Аристофан ставит себе в заслугу то, что он в противоположность своим предшественникам чуждается грубого, элементарного комизма в изображении рабов.

Рабы, выведенные в комедиях Аристофана, это исключительно домашние слуги. Замечено, что в ранних его комедиях рабы стоят далеко от центра событий, в более поздних комедиях роль их увеличивается. Раб может дать господину дельный совет, может вызвать с его стороны большое неудовольствие. Иногда хозяин выражает сожаление по поводу того, что рабов теперь не принято пороть, как это было раньше. Как уже говорилось, взаимоотношения между господином и рабом не представляют, с точки зрения Аристофана, никакой проблемы — ни политической, ни социальной, ни моральной. Любопытно, что даже радикальная реформа общественного строя, предполагаемая в комедии «Женщины в народном собрании», оставляет в неприкосновенности систему рабства. Праксагора видит недостаток афинской жизни только в том, что один имеет много рабов, а другой вовсе их не имеет; другой повод для неудовольствия дают ей рабыни, которые часто становятся наложницами граждан.

Нельзя не упомянуть об одном месте из «Богатства» Аристофана. Раб Карион говорит там, что он попал в рабство из-за небольшого количества денег: *διὰ μικρὸν ἀργυρίδιον δόδλος γεγένημαι* (147—148). Как понимать эти слова? Они могут означать, что человек этот задолжал небольшую сумму денег и, став неоплатным должником, попал в рабство; другое возможное толкование — его захватили работорговцы, и он стал рабом за небольшие деньги, вырученные работорговцами, продавшими его. И в том и в другом случае события, приведшие Кариона в состояние рабства, произошли вне Афин, на родине Кариона, в Карию, как показывает его имя. Закон Солона против кабального рабства и афинский закон, запрещающий обращение в рабство свободного человека, исключают всякую возможность думать, будто Карион был когда-нибудь свободным гражданином Афин.

Ни у одного из великих греческих трагиков рабы не фигурируют так часто, как у Эврипида.⁶ Он выводит рабов на сцену не только

⁵ С. И. Соболевский (С о б о л е в с к и й С. И. Аристофан и его время, с 297—298) допускает, что Карион мог быть афинским гражданином; не выплатив свой долг государству, он стал рабом. Решительно отвергает возможность видеть в Карионе бывшего афинского гражданина И. А. Шишова (Шишова И. А. Долговое рабство. — В кн.: Рабство на периферии античного мира. Л., 1968, с. 34 и след.).

О рабах у Эврипида см., например: Schmidt J. Der Sklave bei Euripides. Progr. Grima, 1892; Decharme P. Euripide et l'esprit de son théâtre. Paris, 1893, p. 168 et sq.; Nestle W. Euripides, der Dichter der griechischen Aufklärung. Struttgart, 1904, S. 348 et sq.; Masqueraу P. Euripide et ses idées. Paris, 1908, p. 345 et sq.; Protase D. Sclavii in opera lui Euripide ci conceptia sa despre sclavaj. — Studii clasice, 1959,

как исполнителей воли господина или вестников и не только для того, чтобы оттенить высокие качества героя или героини (доброта Алкестиды). Раб может быть у Эврипида в подлинном смысле действующим лицом, благодаря которому оказывается возможным развитие действия (кормилица в дошедшей до нас редакции «Ипполита», открывающая Ипполиту чувства своей госпожи; старый дядька в «Ионе», замысляющий вместе с Креусой отравление злодеяние; раб в «Алкестиде», открывающий глаза Гераклу вопреки воле Адмета на положение дел в доме); иногда самая завязка действия есть результат каких-то поступков раба (старый педагог в «Электре» некогда спас Ореста). Свободные женщины, попавшие в плен и ставшие рабынями, бывают героинями трагедии (Гекуба в «Гекубе» и «Троянках», Андромаха в одноименной трагедии).

Роль, которую играют в трагедиях Эврипида рабы, позволяет уже а priori предполагать, что мы найдем у этого поэта некоторый материал для ответа на вопрос о его отношении к рабству, рабам и их положению. Действительно, дошедшие до нас трагедии и фрагменты утраченных трагедий дают немало мест, пригодных для ответа на поставленный вопрос.

Само собой разумеется, приниженное положение раба по сравнению со свободным человеком не могло не найти отражения в трагедиях Эврипида, и не только в обращениях к рабам, но и в прямых, высказываниях самих рабов и других действующих лиц о рабах. Рабские уста не имеют свободы слова (Ion 674—675); рабское состояние делает человека слабым (*τὸ δούλον ασθενές* — Ion 983); Ион, не зная, кто его мать, высказывает опасение, что она рабыня, и считает в таком случае худшим злом найти свою родительницу: *εἰ γὰρ με δοῦλῃ τεκοῦσά τις εὐρεῖν χάκιον μητέρ' ἢ σῖγῶντ' ἔαν* (Ion, 1382—1383). В «Оресте» Елена, с расчетом на полное понимание со стороны не только своей собеседницы Электры, но и со стороны афинских зрителей, объясняет, что было бы позорно, если бы дары на могилу Клитемestры несли служанки (106). Орест, напоминая о своем происхождении от Агамемнона,

v. I. О разной роли рабов у греческих трагиков см.: Neuberger R. Die Rolle der Sklaven in der griechischen Tragödie. — Class. et Mediae v., Bd. XXXI, N 1—2, 1970, S. 72 et sq.; Kuch H. Harmonie im Palast des Admet. — In: Antiquitas Graeco-romana ac tempora nostra. Acta congressus bternationalis habiti Brunae diebus 12—16 mensis Aprilis MGMLXVI. Praegae, 1968; Daitz S. Concepts of freedom and slavery in Euripidean Hecuba. — Hermes, 1971, v. 99, p. 217 et sq.; Bonnet G. Die Sklaven in den Rollen von Diener und Vertrauten bei Euripides. Hildesheim, 1973; Kuch H. Kriegsgefangenschaft und Sklaverei bei Euripides. — Schriften zur Geschichte und Kultur der Antike, N 9. Akademie der Wissenschaften der DDR. Zentralinstitut f. alte Geschichte u. Arhaeologie, Berlin, 1978. (1-е изд. вышло в 1974 г.).

Роль кормилицы подробно рассмотрена в работе: Drillon A. La nutrice nell' Ippolito di Euripide. — Atti della Accademia di scienze, lettere e arti di Palermo. Ser. IV, 1973, v. XXXII, p. 67 et sq.

заявляет, что он не осрамит отца «рабской смертью», но расстанется с жизнью как свободный (1167—1170). Там же Орест, наблюдая страх раба-фригийца при виде меча, выражает ему свое недоумение: *δουλος ὢν φοβεῖτον *Αἰδην, δς σ' απαλλάξει κακῶν* (1522) — «как, будучи рабом, ты страшишься Аида, который избавит тебя от бед», т. е. смерть для раба, с точки зрения свободного человека есть избавление от бед рабского состояния. Некоторой параллелью к этому месту является один стих из неизвестной трагедии Эврипида: *τις δ' ἐστὶ δόδλος τοδ θανεῖν ἀφροντίς ὢν* (fr. 950) — «какой же раб не беспокоится о смерти». В «Троянках» пленница Гекуба не раз жалуется на выпавшую ей, рабскую долю {275, 490—510, 1272—1280, 1311, 1329—1330}; такие же жалобы вложены поэтом в уста хора женщин-пленниц (185, 212, 233) и Андрوماхи (577).

В «Финикиянках» Полиник — изгнанник — на вопрос своей матери Иокасты, что является наиболее тяжелым в положении изгнанника, отвечает: *ἐν γὰρ μέγιστον, οὐκ ἐχει παρησίαν* (391) — «одно наибольшее — он не имеет свободы слова»; Иокаста видит в этой невозможности говорить, что думаешь, сходство с положением раба: *δούλου δ' εἰπας μὴ λέγειν αἰς φρονεῖ* (392); дальше сам Полиник называет свое состояние рабством, с которым, однако, приходится мириться вопреки природе (395). В «Алкестиде» Адмет, убедившись в черствости Ферета и отсутствии у него родительских чувств, начинает сомневаться в своем происхождении от царской четы и подозревать, что он родился от рабской крови и был тайно подброшен жене Ферета (638—639), иначе он не может объяснить себе равнодушие отца к его судьбе. Андромаха в одноименной трагедии, став рабыней, испытывает унижение и всечеловеческие беды (29—55, 96—99, 109 et sq., 186 et sq., 199 et sq., 326 et sq., 401 et sq.); ее госпожа и соперница Гермiona высокомерно напоминает ей о ее положении: «ты, рабыня, приобретенная копьем женщина, хочешь завладеть домом, изгнав меня» (155; cf.: 860, 932—933, 941—942). Служанка, бывшая рабыня Андрوماхи, а теперь ее товарка по рабству, говорит, что жизнь рабыни не имеет никакого значения, никто не обратит внимания, если с ней что-нибудь случится (89—90).

В «Гекубе» бывшая троянская царица, теперь рабыня, не раз говорит о своем униженном положении (59 et sq., 154 et sq., 234 et sq., 415 et sq., cf.: 55 et sq., 99 et sq., 484 et sq.); о своей жалкой участи рабыни скорбит и Поликсена (202 et sq., 354 et sq., 420). В той же трагедии хор, хотя и признает силу принуждения, в горестном восклицании все же как бы вторит обвинениям в дерзости, которые бросает Гекубе, пленнице, Менелай, — дурная природа рабов побуждает их дерзать на то, что им (по их положению) не полагается: *αἶναι τὸ δόδλον ὡς κακὸν πέφυκ' αἰεὶ || τολμά θ' αὖ μὴ χρεή, τῇ βίᾳ νικώμενον* (332—333). Грубый и надменный Менелай в ответ на просьбу Гекубы (выраженную, правда, в довольно категорической форме) подчеркивает, что он не раб: *οὐ γὰρ οἶδα δεσπότης κεικτῆμένος* (397) — «я не знал, что приобрел господ». Сама Гекуба

хотя иногда и забывающая о своем рабском состоянии, все время чувствует унижительность своего положения (741, 756—757, 798, 810, 841—842). Ослепленный Гекубой Полихместор мстит ей, называя ее женщиной-рабыней (1252—1253). В «Оресте» Пилад, услышав об опасениях Ореста, что фригийцы, рабы Елены, могут домогаться убить ее, успокаивает друга словами: *οὐδὲν τὸ δόδλον πρὸς τὸ μὴ δόδλον γένος* (1115) — «рабы ничто против нерабов». Старая рабыня в «Елене», хотя, по ее собственным словам, благожелательно относится к эллинам (481), боясь своего господина (482), повинует его приказам и блюдет его интересы (437—482).

Стихи из утраченной «Антиопы» говорят о том, что рабу не следует стремиться к свободному образу мыслей и думать о бездельи: *ὅβ χρεὶ ποτ' ἀνδρα δούλον ὀντέλευθέρας || γνώμας διώχειν οὐδέϊς ἀργίαν βλέπειν* (fr. 215). Оттуда же имеются еще два фрагмента, из которых в одном выражается, видимо, мнение рабовладельца о том, что раб — большое зло: *τὸ δούλον οὐχ' ὅρας ὁσον κακόν;* (fr. 216), а в другом есть слова раба: *φεδ, φεδ, τὸ δούλον ὡς ἀπανταχῇ γένος || πρὸς τὴν ἐλάσσω μοῖραν ὥρισεν θεός* (fr. 217) — «увы, рабскому племени бог повсюду назначил низшую долю». Из трагедии «Архелай» сохранились слова: «одно только я тебе объявляю — не давайся живым добровольно в рабство, если у тебя есть возможность умереть свободным» (fr. 247). Из утраченной «Алкмены» сохранились стихи о том, что всегда следует угождать властвующим; для рабов это лучше всего; на что кто поставлен, го и следует делать, угождая господам: *ἀεὶ ἀρέσκειν τοῖς κρατοῦσιν ταῦτα γὰρ || δούλοις ἀρίστα: κάφ' ὅτφ τεταγμένος || εἴη τις, ἀνδάνοντα δεσποτῶν ποιεῖν* (fr. 44).

В сатировской драме «Базирис» одно из действующих лиц говорит: «У раба нет возможности говорить правду, если она окажется неподходящей для господ» (fr. 315). Понятно радостное восклицание Иона, когда он узнает, что отцом его является царь Ксуф, значит, он избавлен от подозрения в рабском происхождении: *ἐκτεφεύγαμεν τὸ δούλον* (556).

Само по себе констатирование тяжелого положения какой-либо категории людей еще не означает сочувствия к их печальной доле. Читая стихи Тиртея, где описывается положение покоренных Мессенян, отдающих половину урожая своим господам (спартамцам), причем делается сравнение с состоянием ослов, удручаемых Тяжелыми ношами (fr. 5), мы не улавливаем у самого поэта никакой скорбной ноты; скорее в стихах звучит торжество победителей. Как уже говорилось, выведенные в комедиях Аристофана рабы Часто подвергаются побоям, иногда речь идет о пытках или клеймении рабов, но все это подается как естественное и неизбежное явление, не вызывающее у автора и зрителей какого-либо протеста или чувства сострадания.

Возвращаясь к рабам Эврипида, мы должны прежде всего от-

метить, что в его трагедиях рабы относятся к двум разным категориям: 1) рабы, которые никогда не знали свободы, рабы в собственном смысле; 2) свободные люди, попавшие в рабство после покорения и разрушения их города, иногда по другой причине но всегда помнящие о своем прошлом.

Когда Аристофан устами Эсхила (Ран. 949—951) ставит в вину Эврипиду, что в его трагедиях говорят и женщины, и рабы, то он имеет в виду рабов первой категории. К последним мы вправе отнести и некоторые высказывания о рабах, вложенные трагиком в уста самих рабов. Высокая оценка моральных качеств рабов дается иногда в самой категорической форме. Так, в «Ионе» имеется совершенно недвусмысленное заявление старого педагога: *ἐν ᾧ τοῖς δούλοις αἰσχύνῃν φέρει || τούνομα· τὰ δ' ἄλλα πάντα τῶν ἐλευθέρων ὡς οὐδὲν κακίων δούλος, οὐσις ἐσθλός ἢ* (854—856) — «только одно приносит позор рабу — его название, а во всех остальных отношениях честный раб не хуже свободных». Следует все же признать, что общечеловеческий пафос этих строк сильно снижается тем, что педагог непосредственно перед этим заверил госпожу в своей преданности, доходящей до готовности помогать ей в убийстве Иона, которого он считает незаконным сыном ее мужа от рабыни.) Юношу, рожденного от рабыни, старый раб — педагог называет «не знающим матери, не идущим в счет»: *ἀμήτορ', ἀναρίθμητον ἐκ δούλης τινός γυναικός* (837—838); его, как мы видим, ничуть не стесняет то, что он ставит и мать Иона, и его самого гораздо ниже людей свободного звания. Себя старик причисляет к «честным» рабам на том основании, как можно видеть из контекста, что он обладает высшим рабским достоинством — безграничной преданностью своей госпоже.

Раб может претендовать даже на название *γενναῖος* — «благородный», как видно из одного места из «Елены» (1640). Здесь вестник называет себя *λάτρης*. Слово это не всегда означает «раб» — вспомним *λάτρης ἐφημέριος* у Феогида (486), но в данном случае оно применяется к рабу: *ἐγὼ μὲν εἶην καὶ πέφυκ' ὁμῶς λάτρης || εἴ τοισι γενναίοισι ἡρίθμημένος || δούλοισι, τοῖνομ' ἔχων οὐκ ἐλεύθερον || τὸν νοδὸν δέ* (728—731) — «пусть я и являюсь слугой, я буду причислен к благородным рабам, имея не свободное название, но свободный ум». Вырванные из контекста стихи звучат как очень выразительная декларация о возможности для раба стоять в каком-то аспекте (*νοδὸν*) на одном уровне со свободным человеком. И все же в этом случае, как и в предыдущем, гордое заявление раба вытекает из его сознания верности господам, о чем свидетельствуют непосредственно предшествующие слова, в которых как «дурной» раб характеризуется тот, кто «не почитает дела господ», не радуется вместе с господами, не горюет вместе с ними по поводу их бед: *κακός γὰρ ὅστις μὴ σέβει τὰ δεσποτῶν || καὶ ζογγήθε καὶ συνῶδινει κακοῖς* (726—727).

С приведенными выше текстами можно сопоставить некоторые фрагменты из утраченных трагедий. В «Меланиппе закованной»

были стихи: *οὐδὸν γὰρ ἐσθλὸν τ' οὐνομ' οὐ διαφθερεῖ** || πολλοὶ δ' ἁμείνους τῶν ἐλευθέρων (fr. 515) — «честного раба не испортит его название: многие лучше свободных». Из трагедии «Фрикс» сохранились аналогичные строки: *πολλοῖσι δούλοις τούνομ' αἰσχρόν ἢ δὲ φρήν || τῶν οὐχὶ δούλων ἐστ' ἐλευθεριωτέρα* (fr. 828).

В обоих фрагментах содержится утверждение, что сравнение раба со свободным может оказаться не в пользу последнего. По какому поводу рабы в двух последних трагедиях получали высокую оценку своих качеств — мы не знаем, но по аналогии с известными нам трагедиями можно думать, что речь идет об их участии в каком-нибудь благородном деянии свободных людей; в «Меланиппе», где сыновья освобождали от оков свою мать, раб мог быть участником ее освобождения.

Вестник в «Вакханках» не только потрясен несчастьями своих господ, но и выражает свое возмущение хору, который, как ему кажется, радуется этим несчастьям: *ἢ 'πὶ τοῖς ἐμοῖς χαίρεις κακῶς || πρᾶσσοσι δεσπόταις, γύναι* (1032—1033). Не всякий вестник у Эврипида — раб. В «Оресте» вестник — свободный человек, по его словам, он бедняк и зависимый человек (868—870), но не раб. Поэтому и следует отметить, что вестник в «Вакханках» сам называет себя рабом (*δούλος ὢν* — 1027).

Вестник, явившийся к Медее, говорит об общей радости всех сочувствовавших ей рабов (к числу которых принадлежит и он сам)^Г когда они увидели признаки мирного окончания семейной распри ГОСПОД (Med. 1136—1140; *ἡσθημεν ὁμῶς* — 1138—1139). В «Троянках» хор пленных троянок продолжает называть пленную, ставшую рабыней Гекубу «владычицей» — *δέσποινα* (292) и госпожой (463).; Так в «Гекубе» служанка именует бывшую троянскую царицу госпожой — *δέσποινα* (668).^Г Когда в той же трагедии хор пленных троянок, которые не Шли в Трое рабынями, обращается к Гекубе как к госпоже (1048), то мы должны объяснить такое обращение нежеланием бывших троянских гражданок признавать себя и свою бывшую царицу рабынями (cf.: 905—955, 1051—1052).

Преданная Алкестиде служанка-рабыня произносит длинную речь, в которой восхваляет свою госпожу как «наилучшую» и описывает трогательную картину ее прощания со слугами: *πάντες δ' ἐκλαῖον οὐκέτι κατὰ στέγας δέσποιναν οἰκτεῖροντες* (192—193) — «все слуги плакали в чертоге, жалея госпожу». Если дальше, обращаясь к хору ферских старцев, та же служанка говорит, что не все хорошо расположены к властителям и сочувствуют их бедам, то эти слова не могут относиться к рабам, имеются в виду граждане Фер, часть которых, сочувствующая властителям, представлена хором: *σύ δ' εἰ παλαιός δεσπότης ἐμοῖς φίλος* (212). В той же драме выведен раб, подлинный друг семьи Адмета (747—836).

В «Андромахе» героиня трагедии, вдова Гектора, попавшая в рабство, ласково обращается к своей бывшей рабыне со словами: *ὦ φίλτατη σύνδουλε. σύνδουλος γὰρ εἶ* (64) — «о милая подруга по

неволе»; та, однако, продолжает считать и именовать ее своей госпожой (56), так как и в прежнее время, живя в Трое, она была верна ей, Андромаше, и ее супругу (78—79).

Образ верного раба дан и в «Гераклидах». Этот человек бесспорно раб (он напоминает Алкмене о ее обещании дать ему свободу (889—890)). Все его речи дышат преданностью дому Геракла (630—691). Рабом представлен и вестник в «Ипполите»: δούλος. . . εγώ γε σὺν δόμοις (1249). Длинное сообщение о катастрофе Ипполита он заканчивает словами о достоинствах своего молодого господина.

В одной из утраченных трагедий Эврипида «Алкмеон» были слова: μέτεστι τοῖς δούλοις δεσποτῶν νόσος (fr. 86) — «рабы участвуют в болезни господ», т. е. болеют болезнью господ. Та же мысль выражена в «Медее» в словах кормилицы: χρηστοῖσι δούλοις ξυμφερότα δέσποτων || κακῶς πίνοντα καὶ φρενὸν ἀνθάπτεται (54—55) — «для честных рабов несчастье, если дела господ идут плохо, и это терзает их (т. е. рабов, — А. Д.) душу». Кратко выражает ту же мысль раб в «Алкестиде»: ἤμιν δεσποτῶν μέλει κακὰ (813).

Старик, несущий письмо Агамемнону в «Ифигении в Авлиде», навлекает на себя выговор Менелая: λίαν δεσπότης πιστός εἰ (304) — «уж слишком ты верен своим господам» (из стихов 313, 858 явствует, что он раб); все поведение его изобличает в нем старинного слугу, верного своей госпоже Клитеместре (855—895). В «Ионе» госпожа Креуса называет своих рабынь «верные рабыни моих ткацких станков и челноков» (747—748). Старая служанка в «Медее», по словам слуги, приходит в ужас от страданий своей госпожи, дочери Креонта (1171—1180).

В случае необходимости благородный раб должен быть готов умереть за своих господ — такая смерть является для него наиболее славной: πρὸ δεσποτῶν τοῖσι γενναίοις δοῦλοις εὐκλεέστατον θανεῖν (Hel. 1640—1641; слова предводительницы хора греческих женщин, проживавших в Египте в качестве рабынь; они готовы умереть за Феоною). В отрывке из неизвестной трагедии Эврипида одно из действующих лиц так говорит о спасшей его женщине: «Но она спасла меня, она мне — кормилица, мать, сестра, домашняя рабыня, якорь, кров» (fr. 858). Так может говорить свободный человек о женщине-рабыне, очень преданной и спасшей ему жизнь, желая выразить ей самую горячую признательность. Перечисление начинается словом τροφός (кормилица), видимо, точно обозначающим положение этой женщины: μήτηρ — подчеркивает близость, сообщает оттенок кровного родства и смягчает нежелательный в данной ситуации намек на рабскую зависимость; ἀδελφή — в той же плоскости, с некоторым смещением возраста; δμοῖς — конечно, рабыня, но домашняя и после упоминания о матери и сестре звучит не так резко, как оно звучало бы в другом контексте; иносказательные ἀγκυρά καὶ στέγη переносят нас в область возвышенного.

Сравним с этим другое место, также из утраченной трагедий

на этот раз известной нам по названию: «Андромеда». Спасенная Тесеем Андромеда, девушка свободного происхождения, притом царская дочь, просит своего спасителя увести ее и выражает готовность стать ему прислужницей, супругой, рабыней: ἄγου δέ μ' ὡ ξέν', εἴτε πρόπολον θέλεις, || εἴτ' ἀλοχόν, εἴτε δμοῖδ'. . . (fr. 133).

В обоих случаях спасенный (спасенная) высказывает благодарность спасителю, но во втором случае Андромеда явно не подушенное лицо и, спасенная, согласна быть рабыней Персея, хотя и не исключает возможность стать его женой. В первом же случае спасенный явно стоит выше спасшей его женщины — она рабыня, но ее великодушный поступок достоин матери или сестры.

Еще одна параллель. Иолай в «Гераклидах» просит Демфонта о покровительстве детям Геракла, молит его стать для них кем угодно: родственником, другом, отцом, братом, господином — συγγενής, φίλος, πατήρ, ἀδελφός, δεσπότης — все это лучше, чем пасть от руки аргивян (229—231); «господин» в конце, на худой конец.

Уместно привести и фрагмент из трагедии «Архелай», который касается женщины, спасенной и ставшей рабыней своего спасителя: «ведь более слабые из смертных любят быть в рабстве у более сильных» (fr. 263).

Выше мы предположили, что спасительницей свободного человека была кормилица. И действительно, в трагедиях Эврипида в качестве носителей основной добродетели рабов — преданности особенно часто выступают два разряда рабов: педагог — παιδαγωγός и кормилица — τροφός. Тот и другая проявляют свою любовь к господам, обычно своим воспитанникам или вскормленным, спасая их от недругов, помогая советом.

В «Медее» выведены и педагог и кормилица. Оба они беседуют в прологе трагедии. Кормилица сожалеет о несчастьях своей госпожи: δύστηνος (20), τάλαινα (34); она же произносит слова о том, что беды господ являются несчастьями для честных рабов (54—55). Сочувствует Медее и педагог: τάλαινα (59). Оба они, хотя и осторожно, осуждают поведение Ясона по отношению к жене и Детям (60⁶ 61, 82—84). Педагог старается внушить Медее радостные чувства по поводу новости об оставлении ее детей в Коринфе и, следовательно, об избавлении их от изгнания (1002—1018). Педагог Агамемнона в «Электре» всецело на стороне детей Агамемнона (особенно стихи 487—502); в свое время он спас Ореста от грозившей ему гибели (286—287; cf.: 602—603, 850 et sq.). Кормилица в «Ипполите» служит в меру своего разума интересам своей вскормленницы — Федры (176 et sq., 433 et sq.). Вполне оправданы ее слова, обращенные к Федре: ἔθρεψα δ' εὖνους τ' εἰμί· της νόσου δέ σοι || ζητούσα φάρμαχ' εὖρον οὐχ' ἀβουλόμεν (698—699) — «я тебя вскормила и предана тебе; ища для тебя лекарства от болезни, я нашла не то, чего хотела».

В «Финикиянках» любящий педагог принимает близко к сердцу деладетей Эдипа (88—201). В «Андромахе» кормилица Гермiony карается всеми силами предотвратить самоубийство своей госпожи

(802—878). Педагог в «Ионе» не отделяет себя от Креусы, он страдает вместе с ней — $\Sigma\Omega\Gamma\ \Gamma\alpha\rho\ \Sigma\Omega\Gamma\ \nu\omicron\varsigma\alpha$, представляя себе ее настоящее и будущее, и готов во всем содействовать ей (808—856).

В самом обращении педагогов и кормилиц к тем, кого он вскормили и воспитали, отражается нежная любовь к ним. В «Ионе» Креуса для педагога не только госпожа — $\Delta\epsilon\iota\sigma\iota\omicron\alpha$ (761, 808), но и «дочь» — $\Theta\Upsilon\Gamma\alpha\tau\eta\rho$ (735, 925, 942). В «Финикиянках» педагог называет Антигону не только $\Delta\epsilon\iota\sigma\iota\omicron\alpha$ (123, 173), но и «дитя» — $\tau\epsilon\kappa\upsilon\omicron\alpha$ (139, 193), $\pi\alpha\tau\epsilon\rho$ (154). Кормилица Гермiony в «Андромахе» обращается к своей вскормленнице с теми же словами — $\tau\epsilon\kappa\upsilon\omicron\alpha$ (832, 874, 878), $\pi\alpha\tau\epsilon\rho$ (828, 866). В «Электре» старый педагог именует Электру $\Delta\epsilon\iota\sigma\iota\omicron\alpha$ (487), но также $\Theta\Upsilon\Gamma\alpha\tau\eta\rho$ (493), $\pi\alpha\tau\epsilon\rho$ (516), $\tau\epsilon\kappa\upsilon\omicron\alpha$ (567, 605, 657). В «Ипполите» Федра для кормилицы много раз $\tau\epsilon\kappa\upsilon\omicron\alpha$ (204, 223, 297, 338, 340, 350, 353, 517) и $\pi\alpha\tau\epsilon\rho$ (212, 238, 288, 316, 348, 521) и только два раза $\Delta\epsilon\iota\sigma\iota\omicron\alpha$ (433, 695) — там, где беседа лишена повседневногo характера. Со словами $\pi\alpha\tau\epsilon\rho$ (603, 609, 613) и $\tau\epsilon\kappa\upsilon\omicron\alpha$ (611, 615) обращается кормилица и к Ипполиту. |

У Эврипида, однако, можно подобрать места, где рабам дается нелестная характеристика. На первое место здесь следует поставить один фрагмент (из утраченной трагедии «Александр». Кто-то обращается к рабам со словами: $\alpha\ \nu\alpha\gamma\kappa\alpha\iota\sigma\tau\omicron\iota\ \kappa\alpha\iota\ \tau\omicron\ \delta\omicron\upsilon\omicron\mu\omicron\alpha\ \sigma\upsilon\ \lambda\omicron\gamma\omega\|\ \epsilon\chi\omicron\tau\epsilon\varsigma$, $\alpha\lambda\lambda\alpha\ \tau\eta\ \tau\upsilon\chi\eta\ \kappa\epsilon\kappa\tau\eta\mu\epsilon\iota\omicron\iota$ (fr. 58) — «о премерзкие и имеющие рабскую долю не на словах, но получившие ее от судьбы». Смысл стихов, по-видимому, тот, что судьба предназначила этих людей для рабства; они рабы не только на словах. Предложена конъектура: вместо $\tau\upsilon\chi\eta$, читать $\phi\upsilon\varsigma\epsilon\iota$.⁹ Получается еще более резкое противопоставление: вы рабы не на словах, а по природе. Раздраженный свободный человек, вероятно рабовладелец, допуская существование рабов «на словах», считает рабами «по природе» тех, к кому он непосредственно обращается.)

Кто такие рабы по природе или предназначенные судьбой быть рабами? Это те, к кому относятся порочащие характеристики в трагедиях Эврипида. Во фрагменте из неизвестной трагедии Эврипида читаем: $\alpha\kappa\omicron\lambda\alpha\sigma\tau\alpha\ \nu\alpha\pi\tau\eta\ \gamma\eta\gamma\eta\tau\alpha\iota\ \delta\omicron\upsilon\lambda\omega\alpha\ \tau\epsilon\kappa\upsilon\alpha$ (fr. 966) — «дети рабов необузданны во всех отношениях». [Кто-то из действующих лиц в «Александре» так характеризует «дурное племя рабов»: $\sigma\upsilon\tau\alpha\ \chi\omicron\rho\ \kappa\alpha\kappa\omicron\alpha\ \delta\omicron\upsilon\lambda\omega\alpha\ \gamma\epsilon\iota\omicron\epsilon\varsigma\ \gamma\alpha\sigma\tau\eta\rho\ \alpha\pi\alpha\tau\alpha$, $\tau\omicron\upsilon\pi\tau\epsilon\varsigma\ \delta\prime\ \omicron\upsilon\delta\epsilon\upsilon\ \epsilon\kappa\omicron\upsilon\epsilon\tau$ (fr. 50) — «оно целиком желудок и назад совсем не оглядывается» (т. е., кроме потребностей желудка, ничего другого не знает). Согласно одному фрагменту из «Алкмены», человек, доверяющий рабу, навлекает на себя «у нас» (т. е. у свободных людей) обвинение в глупости: $\delta\tau\iota\varsigma\ \delta\epsilon\ \delta\omicron\upsilon\lambda\omega\ \phi\alpha\tau\iota\ \pi\iota\sigma\tau\epsilon\upsilon\epsilon\iota\ \nu\rho\omicron\tau\omega\alpha\ \iota\ \iota\ \mu\alpha\lambda\iota\alpha\ \pi\alpha\rho\ \eta\mu\iota\alpha\ \mu\alpha\rho\iota\alpha\ \phi\alpha\lambda\epsilon\kappa\alpha\iota$ (fr. 87).

Об отрицательном типе рабов говорится во фрагменте из трагедии «Эол» — рабы, любящие своих господ, вызывают к себе

враждебное отношение «подобных себе», т. е. других рабов (fr. 51).

Нет надобности считать все отрицательные характеристики рабов только отражением взглядов рабовладельцев, абсолютно неприемлемых для Эврипида, но нет никаких оснований полагать их декларациями собственных взглядов поэта. Самым естественным будет объяснять соответствующие места из трагедий (разумеется, кроме огульного осуждения рабов) как выражение общего мнения Эврипида: среди рабов есть разные люди и нельзя отказывать в высоких качествах людям только потому, что они оказываются рабами.

Следует остановиться еще на некоторых местах из трагедий Эврипида, где имеется высокая оценка моральных качеств рабов, ставящих их порой выше свободных людей.

Выразительны стихи, говорящие о достоинствах рабов. Прежде всего признается существование рабов, стоящих по каким-либо свойствам не ниже, а иногда и выше господ. Нехорошо, сказано в одном фрагменте из «Александра», приобретать рабов, которые лучше своих господ: $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\upsilon\varsigma\ \Gamma\alpha\rho\ \sigma\upsilon\ \kappa\alpha\lambda\omicron\alpha\ \nu\epsilon\pi\alpha\varsigma\theta\alpha\iota\ \kappa\rho\tau\epsilon\varsigma\sigma\omicron\alpha\varsigma\ \tau\omega\alpha\ \Delta\epsilon\iota\sigma\iota\omicron\tau\omega\alpha$ (fr. 52). (Раб, понимающий больше, чем ему полагается понимать, является большой обузой, и для дома нет худшего и более бесполезного приобретения) — так сказано в другом фрагменте той же трагедии (fr. 49). В каком-то плане можно сравнить с этим место утраченной сатировской драмы «Силей»: $\omicron\upsilon\alpha\epsilon\tau\varsigma\ \delta\prime\ \epsilon\iota\varsigma\ \omicron\tau\iota\kappa\omicron\upsilon\varsigma\ \Delta\epsilon\iota\sigma\iota\omicron\tau\alpha\varsigma\ \alpha\mu\epsilon\iota\tau\omicron\alpha\varsigma\ \alpha\upsilon\tau\omicron\alpha\ \nu\rho\iota\alpha\varsigma\theta\alpha\iota\ \nu\omicron\upsilon\alpha\epsilon\tau\alpha\iota$ (fr. 690) — «никто не хочет покупать в дом господ лучших, чем он» (далее речь идет о Геракле, внешний вид которого внушает всем уважение).

Наконец, в самом возвышенном виде представлен положительный тип раба во фрагменте из «Меланиппы заключенной», в котором дается определение благородства: «Я не знаю, как следует рассматривать благородство; ведь мужественные, справедливые и свободные от заблуждений натуры, хотя бы они принадлежали рабам, я называю более благородными» (fr. 514).¹⁰

Как видим, раб, как и свободный человек, может быть обладателем благородной природы, если он мужествен, справедлив и чужд неосновательных мыслей.

Чего желает Эврипид рабам? Объединяя интересы рабовладельцев и рабов, он желает гармонии в доме. В «Мелеагре» речь шла о том, что сладостно рабам получить честных господ, а господам — раба, преданного дому: $\alpha\varsigma\ \eta\lambda\upsilon\ \delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\upsilon\varsigma\ \Delta\epsilon\iota\sigma\iota\omicron\tau\alpha\varsigma\ \chi\rho\iota\sigma\tau\omicron\upsilon\varsigma\ \lambda\alpha\beta\epsilon\tau\iota\ \|\ \kappa\alpha\iota\ \Delta\epsilon\iota\sigma\iota\omicron\tau\alpha\iota\ \delta\omicron\lambda\omicron\alpha\ \epsilon\upsilon\mu\epsilon\mu\eta\ \delta\omicron\mu\omicron\iota\varsigma$ (fr. 533). Открытого, прямого протеста против рабства как института у Эврипида нет. Несмотря на то что поэт вообще находился в значительной степени под влиянием софистов, он в вопросе о рабстве стоит на почве

⁹ Euripides. Tragoediae ex recensione Aug. Nauckii, T. III. Lipsiae, 1869, fr. 58, app. crit.: v. 2 $\tau\eta\ \phi\acute{\upsilon}\sigma\epsilon\iota$ — Jacobsius.

¹⁰ Текст этого фрагмента в передаче Стобея (Flor. 86, 9), по-видимому, поврежден. Мы основываемся на тексте с небольшими исправлениями, принадлежащими Геймсетию (немецкий филолог первой половины XIX в.).

греческой действительности. Рабство было фактом, лежавшим в основе общественных отношений. В одном фрагменте из утраченной трагедии Эврипида сказано: *δούλοι γὰρ τε ζῶμεν οἱ ἐλεῶθ* (fr. 1008) — «мы, свободные, ведь живем рабами» (т. е. благодаря труду рабов). Сомневаться в смысле приведенных слов мы не вправе: в схолиях к Пиндару (Pyth. 4, 71) этот стих приводится для объяснения эпитета *λοσίπωνοι* («избавляющие от трудов»), который в оде прилагается к рабам. Эврипид требует одного: признания за рабами способности быть честными, даже благородными, правда, ограничивая проявление высоких качеств рабов областью отношения к господам (преданность).;

И все же в одном случае Эврипид поднимает свой голос против порабощения людей. Дело (идет о превращении свободных людей в рабов. В трагедиях троянского цикла, где действуют ставшие рабынями пленные троянки, частью принадлежавшие к царскому роду, мы находим такой протест против давно установившегося в Греции обыкновения рассматривать пленных как рабов. В «Гекубе» бывшая троянская царица говорит о себе Агамемнону: *τύραννος ἢ ποτ' ἄλλα νυν δούλῃ σέθεν* (1809) — «я была некогда владычицей, а теперь я твоя рабыня». Там же Поликсена грустит о том, что она умрет рабыней, хотя она дочь свободного человека: *δούλῃ θανούμαι, πατρός οὐδ' ἐλευθέρου* (420). Отметим: дочь Приама думает не о царском положении своего отца, а о том, что он был свободным человеком. Пленная Андромаха горюет в прологе одноименной трагедии о том, что после завоевания эллинами Трои она стала рабыней, тогда как раньше считалась принадлежащей к «свободнейшему дому»: *αὕτη δὲ δούλῃ τῶν ἐλευθερωτάτων οἴων νομισθεῖτο* (12—13). Опять речь идет не о царственном положении дома, а о свободе. В «Елене» героиня трагедии стала рабыней в результате своего водворения в «варварской стране». Жалуетса она на то, что стала рабыней, хотя и происходит от свободных: *δούλῃ καθέστη' οὐς' ἐλευθέρων ἄλο* (275). В трех трагедиях героини страдают, испытав переход от свободного состояния к рабству.

При взятии вражеского города обращение в рабство женщин и детей у греков считалось нормой; мужчин ждала та же участь, если они не гибли в бою. Об этом сказано уже в Илиаде. Агамемнон, обходя эллинское войско и ободряя воинов, в следующих словах выражает уверенность в победе и предстоящем торжестве над троянцами: «Мы же супруг их цветущих и всех их детей малолетних в плен увлечем на судах, как возьмем крепостенную Трои» (XIV, 238—239). О такой же участи пленных свидетельствуют и слова Ксенофонта: «Есть ведь вечный закон среди всех людей: когда во время войны захватывается город, завоевателям принадлежат и тела, и имущество тех, кто в городе» (Сугор. VII, 5, 73 — речь Кира). Сюда же относятся и слова Аристотеля в «Политике»: *ὁ γὰρ νόμος ομολογία τίς ἐστίν, ἐν ᾧ τὰ κατὰ πόλεμον κρατούμενα τῶν κρατούντων εἶναι φασίν* (I, 2, 16, 1255a, 6—7) — «ведь закон есть некое соглашение, по которому то, чем завладевают на войне, как

говорят, принадлежит завладевающим». Любой вид захвата человека во время войны дает право считать захваченного *рабом*. Когда у Эврипида Гекуба вспоминает о появлении Одиссея в Трое, где он, узнанный Еленой, был в сущности в ее, Гекубы, власти, она говорит ему: «ты был моим рабом» (Нес. 291, 292).

Такое положение констатируется у Эврипида глашатаем в «Умояляющих». Греки, забыв о преимуществах мирного существования, **предпринимают** войны и порабощают более слабых: мужи — мужа и город — город (492—493). Контекст не позволяет сомневаться в неодобрительном отношении поэта к установившемуся обыкновению. Менелай в «Андромахе» обосновывает свою власть над Андромахой тем, что он взял ее в плен из Трои (583). И здесь сочувствие поэта на стороне порабощенной женщины, а не на стороне победителя.

В троянских трагедиях Эврипид стремится вызвать сочувствие зрителей к пленницам, попавшим в рабство к победителям. Любопытно, что эти пленницы — Гекуба, Андромаха, Поликсена — не гречанки, а «варварки». Отметим, что для Эврипида грань между эллинами и варварами существует. В «Гекубе» Одиссей, оправдывая принесение в жертву Поликсены на могиле Ахилла, приводит в качестве обоснования греческое обыкновение воздавать почет заслуженным людям и противопоставляет своих соотечественников варварам: «вы, варвары, и друзей не считаете друзьями, и не восхищаетесь теми, кто погиб прекрасной смертью» (328—330). В «Елене» героиня так объясняет, почему, находясь в Египте, варварской стране, она считает себя рабыней: *τα βαρβάρων γὰρ δούλα πάντα πλὴν ενός* (276) — «ведь у варваров все рабы, кроме одного».

Не только Гермiona называет Андромаху «варваркой» (Androm. 261), но и сами троянки Эврипида иногда вспоминают о своем варварском происхождении. Так, Гекуба в «Троянках» говорит о варварских одеждах Париса, о пребывании Елены среди варваров (991, 1021, 1277—1278). Она же в «Гекубе» говорит о невозможности дружбы между варварским и эллинским племенами. Некоторое противопоставление варварского мира греческому можно усмотреть **И** в словах Гекубы: *νόμος ἐν ὑμῖν τοῖς ἐλευθέροις ὥς τε καὶ τοῖς δούλοις αἵματος κεῖται περὶ* (291—292) — «у вас (т. е. у греков, — А. Д.) остановлен одинаковый закон относительно крови (т. е. убийства — А. Д.) для свободных и рабов». Гуманность, проявившаяся в греческом законе, чужда негреческому миру. Противопоставление эллинской одежды и варварских поступков есть в «Гераклидах» (130—131), эллинского происхождения и варварского поведения — в «Троянках» (764).

Для Эврипида греческий и варварский миры не одно и то же. Второй не может идти в сравнение с первым. И тем не менее гневные и горестные заявления (прямые и более или менее прикрытые) о несправедливости обращения свободного человека в рабское состояние высказаны в трагедии Эврипида варварами. Иначе говоря, поэту важно выразить свой протест против порабощения

военнопленных. Негреческое происхождение попавших в плен женщин как-то отступает на второй план. На первый план выдвигается момент лишения свободы людей, родившихся свободными. Героини троянских трагедий не идут ни в какое сравнение с раб от рождения, которых мы видим в других (а иногда и в тех же трагедиях). Там рабская преданность ставится в заслугу рабу и от наличия или отсутствия ее зависит отношение поэта к нему; раб «честен», даже «благороден», если он обладает названным качеством. Обычные рабы в трагедиях Эврипида, даже если они в некоторых отношениях превосходят своих господ, ни прямо, ни косвенно не протестуют против своего рабского положения, тогда как троянские пленницы вызывают к себе сочувствие именно тем, что они лишились свободы, которой они пользовались от рождения. Само собой разумеется, ни о каких рабских добродетелях, вроде преданности господам, здесь речи быть не может.

В чем здесь дело? Объяснение помогает нам найти одно наблюдение Г. Куха.¹¹ Хронологические соображения позволяют поставить в связь постановку троянских трагедий с событиями Пелопонесской войны между осенью 427 и зимой 416 г., т. е. между расправой спартанцев с платейцами (и находившимися в Платеях афинянами) и расправой афинян с мелосцами (впечатления от этой расправы не могли сразу изгладиться). Можно предположить, что весной 425 г. была поставлена «Андромаха», весной 424 г. — «Гекуба», весной 415 г. — «Троянки». Известные из Фукидида события — репрессии греков-победителей во взятых греческих городах, казни и резня мужчин, обращение в рабство женщин и малолетних (III, 36, 2—49 — Митилена; III, 68, 3 — Платеи; IV, 57, 3 — Фирея; IV, 116, 1 — взятые лакедемонянами укрепления Лекиф у Тороны; V, 32, 1 — Скиона, и т. д.),¹² вызывают со стороны поэта возмущение и более того — протест. В своих трагедиях он старается привлечь симпатии афинского зрителя к женщинам, которые до падения города, где они жили, были знатны и свободны (подчеркивается второе), а теперь испытывают рабскую долю.

Любопытна и, пожалуй, не лишена значения при рассмотрении взглядов Эврипида на положение пленных одна ситуация в «Гераклидах» — трагедии, которую относят ко времени Пелопонесской войны, предположительно к первым ее годам.¹³ Алкмена хочет умертвить попавшего к ней в плен Эврисфея, ссылаясь при этом на право захватившего в плен: ἄλλως γὰρ αὐτὸν αἰχμάλωτον εἶλομεν, || εἰρῆναι δὲ ἢ τις τὸνδε μὴ θανεῖν νόμος (962—963). В дальнейшем — альтернатива между Алкменой и вестником, который

выдвигает довод — правители страны против смерти Эврисфея: τοὺς τῆδε χώρας προστάταισιν οὐ δοκεῖ (964). Алкмена настаивает на своем. Вестник против умерщвления людей, живыми взятых В битве в плен: οὐχ ὄντιν' ἄν γε ζῶνθ' ἔλωσι ἐν μάχῃ (966). Другой его довод — совершив убийство, Алкмена навлечет на себя серьезные нарекания: πολλήν δ' ὑφέξεις μέμψιν, εἰ δράσεις τάδε (974). Алкмена не сдается. Никто из смертных не вырвет у нее Эврисфея, раз он попал ей в руки (976—977). В своей оправдательной речи пленник ссылается на ненависть к Гераклу Геры, которая является виновницей всех его, Эврисфея, враждебных Гераклу поступков; государство, «понимая суть дела и уважая богиню», простило Эврисфея: πόλις δ' ἄφηκε σωφρονουσα τὸν θεόν || μείζον τίουσα τῆς ἡμῶν ἐχθρας (1012—1013). Хор, перед тем уверявший Алкмену в том, что он понимает ее ужасную, но простительную ненависть к Эврисфею: δεινόν... καὶ συγγνωστόν... μῖσος (981—982), теперь советует отпустить пленника ввиду решения государства: τὸν ἄνδρ' ἀφείναι τὸνδ' ἐλεῖ πόλει δοκεῖ (1019). Алкмена приходит к компромиссному решению: он должен умереть, но будет «оказано и повинование государству»: τί δ' ἦν θάνη τε καὶ πόλει λιθώμεθα (1020). Она убьет врага, а труп его выдаст друзьям (1022—1025). Эврисфеем погибает. Праву победителя в трагедии противопоставляется право государства помиловать пленника. Не забудем при этом, что имеется в виду афинское государство. Поступок Алкмены, удовлетворение ее мстительного чувства, находит себе оправдание — ведь Эврисфеем мучил ее сына и преследовал внуков. Но все же есть один и только один принцип, стоящий выше личной, хотя и справедливой, мести — воля государства.¹⁴ Не на нее ли надеялся и не от нее ли ждал Эврипид изменения отношения к пленным?

Здесь возможно возражение. Жестокие расправы с покоренными городами были в то время еще впереди, вопрос об обращении с гражданами взятых городов не был актуальным. Однако Потидея находилась в осаде. Из Фукидида (II, 70) известно, в каких тяжелых условиях жили осажденные. Когда Потидея сдалась афинским стратегам, жители выговорили себе право выйти из города с детьми, женами и союзниками, имея один гиматий (женщины — два) и некоторое количество денег на дорогу. Условие было приведено в исполнение. Тогда в Афинах поднялось неудовольствие против собственных стратегов, которые на слишком льготных условиях приняли капитуляцию Потидеи. «Ведь, — поясняет Фукидид, — афиняне полагали, что они завладеют городом на угодных им усло-

Delebecque E. Euripide et la guerre du Péloponnèse. Paris, 1951, p. 74. В этом последнем труде (p. 88) для трагедии устанавливаются terminus post quem — лето 430 г., terminus ante quem — сентябрь 429 г.

¹⁴ Delebecque E. Euripide et la guerre du Péloponnèse, p. 84. Автор, не соглашаясь с теми, кто хочет видеть в афинском царе Демофонте Перикла, все же полагает, что афинская публика не могла не усматривать некоторую связь между образом властителя Афин в мифологические времена и еще живым в год постановки «Гераклидов» Периклом.

¹¹ Kuch H. Die troische Dramengruppe des Euripides und ihre historischen Grundlagen. Die gesellschaftliche Bedeutung des antiken Dramas für unsere Zeit. — In: Schriften zur Geschichte und Kultur der Antike. Berlin, 1973, S. 112.

¹² Kuch H. Kriegsgefangenschaft und Sklaverei bei Euripides, S. 37—38.

¹³ Croiset A. et M. Histoire de la littérature grecque. V. III. Paris, 1899, p. 305; Masqueray P. Euripide et ses idées. Paris, 1908, p. 32;

виях» (II, 70, 4), т. е. город и его жители будут в полной власти победителей; иначе говоря, город ожидали казни и обращение в рабство жителей. Следовательно, вопрос о судьбе побежденных так или иначе ставился и решался афинянами еще до взятия города. Мог этот вопрос ставиться и в сознании поэта. Высказанные выше соображения имеют, разумеется, гипотетический характер, но не могут быть а priori отмечены.

Наибольший интерес представляют взгляды Аристотеля, крупнейшего теоретика древности, изучавшего социальные отношения греческого мира столь же обстоятельно, как и все другие области человеческого знания. Рассуждения Аристотеля о рабстве в «Политике» представляют собой его собственные соображения об атом предмете, но в то же время отражают и существовавшие взгляды, в значительной степени унаследованные от V в.

Для греков V — IV вв. до н. э., в том числе и для тех, кто высказывал свои мнения о рабстве, последнее было реальным фактором, с которым нужно было считаться не только в жизненной практике, но и в теоретических построениях. Надо думать, для большинства свободного населения Греции (Афины не могли составлять исключения) рабовладение не представляло собой проблемы; оно не заставляло задумываться. С ним считались как с вполне естественным, привычным явлением, не вызывавшим никаких сомнений.

Споры о рабстве велись в среде интеллектуальной элиты и едва ли имели сколько-нибудь серьезное влияние на реальное положение рабов. Если нам известно об отпуске рабов на волю по завещаниям философов в IV в. и позднее, то это не показательно для общего отношения к рабам; даже участвовавшие в III в. случаи манумиссий, объясняемые экономическими причинами, не свидетельствуют о широком проникновении философских дискуссий в гущу афинского гражданства.

Аристотель строит свою теорию рабства с учетом высказанных до него взглядов и ставит себе целью дать нечто более убедительное сравнительно с тем, что было сказано до него: ΕΙ ΤΙ ΠΡΟΣ ΤΟ ΕΪΔΕΝΑΙ ΠΕΡΙ ΑΥΤΩΝ ΔΥΝΗΣΟΜΕΘΑ ΛΑΒΕΊΝ ΒΕΛΙΟΝ ΤΩΝ ΝΥΝ ΥΠΟΛΑΜΒΑΝΟΜΕΝΩΝ (Polit. I, 2, 3, 1253b, 18).

Существовавшие до него мнения Аристотель сводит к двум направлениям. Одни полагают, что отношение господина к рабу (ή δεσποτεία) укладывается в рамки некоей науки (ἐπιστήμη), и уподобляют эту науку науке домохозяйства и науке, регулирующей поведение государственного деятеля и царя: τοῖς μὲν γὰρ δοκεῖ ἐπιστήμη τε τίς εἶναι ἡ δεσποτεία καὶ ἡ αὐτῇ οἰκονομία καὶ δεσποτεία καὶ πολιτικὴ καὶ βασιλική (ibid. 19—20). Вторая точка зрения: власть господина над рабом есть нечто противное природе; ведь только по закону один — раб, другой — свободный, по природе же между ними нет никакого различия, а потому рабство как результат насилия есть нечто несправедливое: ! τοῖς δὲ παρὰ φύσιν τὸ δεσποτεῖν, νόμος γὰρ τὸν μὲν δόξαν εἶναι τὸν δ' ἐλευθέρων, φύσει δ' οὐδέν διαφέρειν.

ΔΙΟΠΕΡ ΟΥΔΕ ΔΤΚΑΙΟΝ ΒΤΑΙΟΝ ΓΑΡ (ibid. 20). Может показаться, что попытка усмотреть здесь два различных мнения страдает некоторой неточностью: ведь более естественным было бы разделить сторонников существовавших теорий на признающих и не признающих справедливость рабства. Аристотель, однако, поступает иначе в интересах хода своего дальнейшего рассуждения.

В делении Аристотеля есть и своя внутренняя логика. Нетрудно видеть, что представители первого мнения по вопросу о справедливости или несправедливости рабства стоят на почве греческой действительности: вопрос этот для них не существует. Для них проблемой является выяснение характера взаимоотношений между господином и рабом, причем этическая да и формально-юридическая стороны остаются вне поля зрения. Право господина берется как нечто неоспоримое. Важно лишь, как осуществляет или должен осуществлять господин свою власть над рабом.

Сторонники второго мнения ставят под сомнение справедливость самого института рабства. Отправным пунктом их теории является признание равенства всех людей от природы. Природа никого не создает рабам, и только закон (νόμος) различает свободных и рабов. Последние попадают в рабское состояние в результате насилия, а потому рабство должно считаться явлением несправедливым.

Полемика Аристотеля направлена в первую очередь против сторонников второй теории. Выдвигая против нее свое собственное построение, он тем самым готовит и возражение против первой теории.

Мы недостаточно осведомлены о софистической литературе, в частности об учениях софистов о рабстве.¹⁵ А priori можно думать, что не было единого учения софистов о рабстве, но одно течение Б софистике, именно то, которое имеет в виду Аристотель, отрицало справедливость рабства на том основании, что все люди одинаковы от природы. Аристотель не сообщает читателям имен тех писателей, чьи мнения он разбирает. Нам известно, что в V в. софист Антифонт в категорической форме заявлял об одинаковой природе варваров и эллинов: ΦΥΣΕΙ ΠΑΝΤΕΣ ΟΜΟΙΩΣ ΠΕΦΥΚΑΜΕΝ ΚΑΙ ΒΑΡΒΑΡΟΙ ΚΑΙ ἙΛΛΗΝΕΣ ΕΊΝΑΙ. . . ΟΥΤΕ ΒΑΡΒΑΡΟΣ ΑΦΩΡΙΣΤΟΣ ΗΜΩΝ ΟΥΔΕΙΣ ΟΥΤΕ ἙΛΛΗΝ (fr. в, 2). Те же воззрения отразил Платон в своем диалоге «Политик»: смешно, сказано там, делить человеческий род на греков и негреков, фригийцев и нефригийцев (262 C — E). Само собой разумеется, отрицание границы между эллинами и варварами в корне подрывало возможность думать о неполноценности варваров, а следовательно, и о том, что они самой природой предназначены к рабству.

¹⁵ О влиянии софистов на Аристотеля см.: Шеффер В. Афинское гражданство и народные собрания. М., 1891, с. 141—142; Schlaifer R. Greek theories of slavery from Homer to Aristotle. — In: Slavery in Classical Antiquity. Ed. by M. J. Finley. Cambridge, 1960, p. 98. Работа первоначально была напечатана в «Harvard Studies in Classical Philology» (1936, v. XLVII).

Позднее Алкидамант в «Мессенской речи», в которой он защищал освобождение мессенян в 370 г., сказал: ελευθέρους αφήκε πάντας θεός* οὐδένα δοδλον ἢ φύσις πελοίηκεν (Schol. Aristot. Rhet. 73 В, С) — «бог всех отпустил на свободу, природа **никого не** создала рабом». ¹⁸ К сожалению, контекст нам не известен, а потому трудно решить, в какой степени слова, сказанные по поводу некогда поработанных спартацами мессенян (эллинов), **могут** иметь более широкий смысл. ¹⁷

Наконец, и Филемон (361—263 гг.) в одной из своих комедий говорил об условности рабства — никто по природе не является рабом, случай может поработить тело: καὶν δοδλος ἢ τις σάρκα τὴν αὐτὴν ἐχει || φύσει γὰρ οὐδεὶς δοδλος ἐγενήθη ποτέ· || ἢ δ' αὖν τύχη τὸ σῶμα καπεδούλωσεν (fr. 95 K).

Аристотель, как известно, выступил защитником самых основ античного общества: частной собственности, семьи, рабства. Свою точку зрения по вопросу о рабстве он вполне ясно **выразил** в «Политике». Существует рабство по природе и рабство по закону, т. е. по праву победителя. Первое философ обосновывает ссылкой на неодинаковые умственные способности людей: ἐστὶ γὰρ φύσει δοῦλος ὁ δυνάμενος ἄλλου εἶναι (διὸ καὶ ἄλλου ἐστίν) καὶ ὁ κοινῶν λόγου τοσοῦτον ὅσον αἰσθάνεσθαι ἄλλα μὴ εἶναι (I, 2, 13, 1254b, 21—23) — «рабом по природе бывает тот, кто может принадлежать другому (потому он и принадлежит другому) и кто настолько причастен к рассудку, что способен воспринимать, сам же рассудком не обладает». Таким образом, рабское состояние некоторых людей обусловлено самой природой, которая делает их непригодными к самостоятельной жизни. Они нуждаются в руководителе, господине, чьи приказания они способны понимать и выполнять. Для таких людей, рабов по природе, лучшая доля — быть под властью: οἷς βέλτιον ἐστὶν ἀρχεσθαι ταύτην τὴν ἀρχήν (ibid. 19—20).

Аристотель пытается сделать и дальнейший шаг в духе своей теории: βούλεται μὲν οὖν ἡ φύσις καὶ τὰ σώματα διαφέροντα ποιεῖν τὰ τῶν ελευθέρων καὶ τῶν δούλων, τὰ μὲν ἰσχυρὰ πρὸς τὴν ἀναγκαίαν χρῆσιν, τὰ δ' ὀρθὰ καὶ ἀχρηστά πρὸς τὰς τοιαύτας ἐργασίας, ἄλλα χρήσιμα πρὸς πολιτικὸν βίον (οὗτος δὲ γίνεται διηρημένος εἰς τὴν πολεμικὴν χρῆσιν καὶ τὴν εἰρηνικὴν) (I, 2, 14, 1254b, 27—32) — «природа желает, чтобы и физическая организация свободных людей отличалась от физической организации рабов: у последних тело мощное, пригодное для выполнения необходимых физических работ, свободные люди держатся прямо и неспособны к выполнению подобных работ; они пригодны для политической жизни, а эта последняя в свою очередь разделяется на деятельность в военное и мирное время.» Упоминание о деятельности в военное и мирное время

было бы нестати, если бы оно не имело никакого отношения к основной мысли Аристотеля об отличии физической структуры рабов и свободных, т. е. граждан, получивших не только умственную и практическую подготовку к политической деятельности, не только проходивших эфебию с соответствующими воинскими упражнениями, но и занимавшихся гимнастикой в палестре. Рабы всего этого не имели (закон Солона прямо закрывал рабам доступ к упражнениям в палестре). Как ученый, старавшийся не упускать из вида фактов, опасавшийся оставить без внимания какую-нибудь сторону дела, Аристотель здесь же признается, что на практике его утверждение о различии физической структуры свободных и рабов не всегда оправдывается: συμβαίνει δὲ πολλάκις καὶ τουναντίον, τοὺς μὲν τὰ σώματα εἶναι ελευθέρων, τοὺς δὲ τὰς ψυχὰς (ibid. 32—34) — «случается, впрочем, зачастую и наоборот: одни имеют свойственные свободным тела, другие — души». Тем не менее Аристотель заканчивает этот раздел своих рассуждений словами: οἱ οἱ μὲν τοῖνυν εἰσι φύσει τινές οἱ μὲν ελεύθεροι οἱ δὲ δοῦλοι, φανερόν, οἷς καὶ συμφέρει τὸ δουλεύειν καὶ δίκαιον ἐστὶ (I, 2, 15, 1255a, 1—3) — «очевидно во всяком случае, что одни люди по своей природе свободны, другие — рабы, и этим последним быть рабами и полезно, и справедливо».

После этого Аристотель уже прямо обращается к воззрениям тех, кто не признает рабства по природе, а существующее рабство называет несправедливым порождением закона. Закон, о котором идет речь, представляет собой некое общепринятое соглашение — ομολογία, в силу которого то, что захватывается на войне, принадлежит победителю (I, 2, 16, 1255a, 5 et sq.). Несправедливость такого положения и породила мысль о несправедливости рабства вообще. Согласно этому закону, способный совершить насилие, т. е. более сильный, принуждает побежденного, менее сильного, стать его рабом. Такое заключение вызывает разногласия. Одни защищают правильность существующего положения, другие оспаривают его: καὶ τοῖς μὲν οὕτως δοχεῖ, τοῖς δ' ἐκείνως (ibid. 11—12). В пользу установившегося обычая можно было бы, так думает Аристотель, привести тот довод, что победитель обладает по сравнению с побежденным избытком некоего блага — ведь, по видимому, самое насилие невозможно без наличия доблести: ὥστε δοχεῖν μὴ ἄνευ ἀρετῆς εἶναι τὴν βίαν (I, 2, 17, 1255a, 15—16). Поэтому спор переносится в несколько иную плоскость — справедливо ли рабство (т. е., надо думать, справедливо ли оно даже при признании некоторого основания для притязаний победителя). Итак, ставится вопрос о справедливости — τὸ δίκαιον. Здесь Аристотель сталкивается с двумя мнениями. Справедливостью для одних является благожелательность, для других — уже самый факт поработнения более сильным, лучшим: τοῖς μὲν εὖ νοῖα δοχεῖ τὸ δίκαιον εἶναι τοῖς δ' αὐτὸ τοῦτο δίκαιον τὸ τὸν κρείττονα ἀρχειν (I, 2, 18, 1255a, 18—20).

Аристотель не говорит, но дает совершенно ясно понять, что

¹⁶ Blass Fr. Die attische Beredsamkeit. Bd II. 2. Aufl. Leipzig, 18 S. 347, 350.
¹⁷ Susemihl ad loc. (II, nota 31).

отсутствие *eúnoia* (благожелательности) при порабощении побежденного является в глазах одних главным доводом против справедливости порабощения пленных. Подробнее останавливается Аристотель на более интересующее его взгляде сторонников установившегося обыкновения, так как даже они считают рабами не всех захваченных в рабство. Тех, кому рабство не подходит, кто «недостойн» быть рабом, никто таковым и не назовет: *τον ἀνάξιον δουλεύειν οὐδαμῶς ἀν φαίη τις δούλον εἶναι* (ibid. 25—27), так как в противном случае пришлось бы взятых в плен и проданных людей благородного происхождения считать рабагами. Поэтому они (защитники права победителя) не хотят называть таких людей рабами, но только варваров: *διόπερ αὐτοὺς οἱ βούλονται λέγειν δούλους, ἄλλα τοὺς βαρβάρους* (ibid. 28—29). В этом Аристотель видит важное совпадение с его собственной теорией. Если среди захваченных на войне делается различие: при одинаковом внешнем положении (все они рабы) существует две категории — заслуживающие быть рабами и не заслуживающие этого, то, говорит Аристотель, тем самым ставится вопрос о рабстве по природе, т. е. ищут рабов по природе, о которых в самом начале своего рассуждения говорит Аристотель; ведь изложенные соображения неизбежно влекут за собой вывод, что одни — рабы везде, другие — нигде (ibid. 29 et sq.). Аристотель нашел здесь совпадение со своим учением о рабстве. Сторонники разбираемого им мнения, как и он, фактически делят людей на предназначенных природой к рабству и на тех, кого нельзя назвать рабами, даже если они попали в плен и проданы. Итак, одни везде рабы, хотя бы формально они и находились на свободе, — это варвары, вторые — не рабы, хотя бы по существовавшему тогда праву и считались рабами. Так под влиянием своих воззрений Аристотель находит подтверждение собственной теории даже в чужих взглядах, на первый взгляд не слишком близких к его теории.

Подытожив все свои соображения (путем рекапитуляции — ibid. 1255b, 21 et sq.), Аристотель возвращается к первой из отмеченных им выше теорий — о том, будто власть господина над рабом имеет тот же характер, что власть домохозяина, политического деятеля и царя. С этим мнением Аристотель решительно не соглашается. Особенность власти господина над рабом проистекает из особенностей самой природы раба, у которого вовсе нет самостоятельного рассудка, но есть лишь способность понимать и исполнять распоряжения господина. Существует особая наука господства (т. е. наука осуществления власти господина над рабом), ведь быть господином не значит приобретать рабов, а пользоваться ими (I, 2, 3, 1255b, 30 et sq.).

Ничего возвышенного и почтенного в этой науке нет — господин должен уметь приказывать то, что раб должен уметь исполнять (ibid. 33 et sq.).

Развивая дальше свою мысль о невысоком уровне науки, регулирующей отношения господина к рабу, Аристотель ссылаете

на практику рабовладельцев, освобождающих себя от забот по руководству рабами путем назначения управляющего — *ἐπίτροπος*, чтобы иметь время для занятий политической деятельностью или философией: *αὐτοὶ δὲ πολιτεύονται ἢ φιλοσοφοῦσι* (ibid. 37).

Дальше в ходе своих рассуждений Аристотель ставит вопрос о добродетели (*ἀρετή*) — имеется ли она у раба, помимо способностей быть орудием и прислуживать: *πότερον ἐστὶν ἀρετὴ τις δούλου παρα τὰς-ὀργανικὰς καὶ διακονικὰς ἄλλη τιμιωτέρα τυτῶν, οἷον σωφροσύνη καὶ ἀνδρεία καὶ δικαιοσύνη καὶ τῶν ἄλλων τοιούτων ἔξεον* (I, 5, 3, 1259b, 22—25), т. е. можно ли говорить о более почтенных свойствах рабов — скромности, мужестве, справедливости и других подобных. Ответ Аристотеля: и подчиненный может быть причастен к таким добродетелям, какие свойственны властвующему, но по-иному. В соответствии с природой того и другого: *φανερὸν τοίνυν ὅτι ἀνέγκη μὲν μετέχειν σμικρότερος ἀρετῆς, ταύτης δ' εἶναι διαφορὰς, ὥστερ καὶ νῦν φῶσι ἀρχόντων καὶ ἀρχομένων* (I, 5, 5, 1260a, 2—4).

Из текста Аристотеля можно усмотреть, что: 1) его рассуждения по вопросу о рабстве носят строго консервативный характер, он защищает рабство, один из устоев античного общества, доказывая его якобы естественное, оправданное природой возникновение; 2) его несогласие с укоренившимся обыкновением обращать в рабство побежденных, в том пункте, который касается греков, людей, свободных по природе (в противоположность варварам), высказывается в плане чистой теории и ввиду полного отсутствия каких-либо практических рекомендаций в сущности не включает в себе никаких советов на будущее, не говоря о перспективах освобождения тех, кто уже попал в неподобающее им положение рабов.

Рассуждения Аристотеля о рабстве прямо и непосредственно относятся к той картине рабства, какую он имел перед глазами, т. е. к рабству IV в., однако без всяких натяжек можно отнести эти рассуждения и к условиям V в., поскольку нет серьезных оснований видеть существенное различие между рабством V и IV вв.

Теоретические взгляды Аристотеля на рабство теснейшим образом связаны с его взглядами на взаимоотношения между греками и теми, кого Аристотель и греки называли «варварами», т. е. негреками. Полноценными людьми, в полной мере обладающими разумом и способными руководствоваться в своих поступках требованиями разума, являются только греки. Варвары неполноценные люди, а потому рабы по природе самой природой предназначены быть рабами у греков.

Схема Аристотеля, в абстрактном плане вполне последовательная, нелегко накладывалась на пеструю социальную действительность его времени, но философ удовлетворялся теми чисто словесными оговорками, какие ему удалось сделать для ограждения своей схемы от возражений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выделение периода V I — V вв. до н. э. с точки зрения истории рабства в Афинах может быть оправдано рядом соображений.

Вызванные социальными неурядицами V I I в. и положившие им конец реформы Солона имели одним из своих значительных последствий прекращение массового перехода афинских граждан в рабское (или почти рабское) состояние. Тем самым грань между свободным и рабом стала вполне четкой.

V I — V вв. до н. э. могут быть названы периодом становления рабства в Афинах в его классической форме, известной нам главным образом по материалам V и IV вв., но подготовленной и в сущности уже реализовавшейся в VI в до н. э.

Для Афин, как и для остальной Греции, представление о рабе — особенно во время и после персидских войн — ассоциировалось преимущественно с представлением о варваре (т. е. не о греке). Историки V в. до н. э. дают нам материал, позволяющий до известной степени проследить колебания в различных греческих полисах по отношению к пленным — гражданам других греческих государств. Наблюдается более гуманное отношение к пленным грекам в эпоху пентеконтаэтии; поворот же в сторону большей жестокости мы наблюдаем в эпоху Пелопонесской войны.

Как бы то ни было, рабское население рабовладельческого полиса Афин — характерная составная часть его общего населения, почти непрерывно растущая количественно (абсолютно и относительно) и приобретающая все большее и большее значение в экономической жизни государства.

Не объединенные в процессе труда и к тому же принадлежавшие к разным народностям, афинские рабы не представляли в глазах рабовладельцев большой опасности. Построение теории, обосновавшей естественность и законность рабства — дело будущего, когда этими вопросами занялись современники Аристотеля и сам Аристотель.

Авторы V в. до н. э. ограничиваются тем, что констатируют присутствие рабов в жизни афинян, разные виды эксплуатации рабского труда, обнаруживают свое отношение к личности раба, но не видят никакой проблемы в самом существовании рабства.

Широкое участие рабов в экономической жизни Афин и других полисов не исключало труда в производстве и свободных граждан.

Тем не менее именно применение в больших масштабах рабского труда и наличие тенденции вытеснения рабским трудом труда свободных делает афинское государство классической поры подлинным образцом рабовладельческого полиса.

Представленная в настоящей работе картина рабства в Афинах V в. до н. э. дана с ее корнями, уходящими в VI в., и продолжением в IV в. и отнюдь не может считаться изолированной. Афины — крупнейший политический, экономический и культурный центр, образцовый демократический рабовладельческий полис, и условия жизни в нем в той или иной степени были характерны для современных ему греческих полисов. В частности, и юридическое и реальное положение рабов в Афинах не могло не отражать (разумеется, с соответствующими поправками) общее положение рабов в демократических полисах.

Изучение афинской действительности, сравнительно хорошо освещенной в источниках, позволяет нам составить некоторое представление о рабах в других полисах, преимущественно об их юридическом положении и их роли в экономической жизни полиса и в повседневном быту граждан. Возможно, впрочем, что ряд явлений, наблюдавшихся в Афинах, был выражен в других полисах в менее яркой форме.

За скобки может быть вынесено следующее: значительное увеличение общего количества рабов в греческих полисах в V в. до н. э., неравномерное их распределение между разными слоями рабовладельцев, широкое применение труда рабов в разных областях промышленной деятельности и в сфере бытового обслуживания граждан, общее бесправие рабов и возможность для них в отдельных случаях достигнуть материального благосостояния, даже оставаясь в рабском состоянии или, в еще более благоприятном случае, получив освобождение.

Трудно представить себе, чтобы взгляды на рабство и на рабов, высказанные афинскими и жившими в Афинах авторами, могли бы существенным образом отличаться от соответствующих воззрений, существовавших в других полисах.

Состояние рабства в Афинах V в. до н. э. в историческом плане представляет еще интерес как заключительный этап в истории рабства классического периода. При изучении истории рабства эпохи эллинизма исследователь не может оставить без внимания систему рабства, существовавшую в Афинах V в. до н. э.

Сделанный обзор убеждает нас в том, что Греция классического периода выработала очень развитую систему рабства, глубоко и широко проникшую во все стороны жизни греческих полисов и определившую собой характер хозяйственной деятельности граждан и определенным образом окрасившую их идеологию.

- Aeschines
I, 15-17 55
I, 16 61
I, 40 76
I, 54 83
I, 62 94
I, 97 47, 55, 64, 76, 104
I, 100, 101 47
I, 139 22
II, 76 71
II, 128 00
II, 174 48
III, 41, 44 95
III, 78 20
Epistulae 12, 11 64
Schol. Aeschin. II, 87 88
Aeschylus, Agamemnon 1035—1038 92
Alcaeus N 139 18
Alcidamas см. Aristoteles, Schol. Rhet.
Alciphron II, 38 22
Andocides
I, 11—12 68, 91
I, 38 75
I, 146 71
III, 5, 7 48
Anecdota Bekkeri
I, 219 90
I, 279 76
I, 344 77
I, 394 90
Antiphon, оратор
I, 6, 10 90
V, 48, 69—70 87
fr. 63 55
Antiphon, софист, fr. B, 2 123
Aristophanes
Acharnenses
162—163 80
211 86
243, 259 45
395 68
887 45
1097 68, 79
1098, 1119 45
Aves
760 102
1327 207
Ecclesiazusae
593 43, 55, 62
723 50
Equites
43—44 60
739—740 47
1049 102
1224 202, 207
1312 05
Lysistrata 331 202
Nubes
56—58 107
530—532 62
Pax
14, 255, 256 107
1002 101
Plutus
20 22
26—27 45, 107
28—29, 34 45
147—148 108
189—192, 276, 320—321 107
510 86
521 65
672, 1139, 1144—1145 207
Ranae
33 107
35 65, 107
191 27
337—338 207
693—694, 741 27
812—813 207
949—951 112
Thesmophoriazusae
234 93
1001—1225 82
Vespae
3 107
443 45
449, 450, 1292—1293, 1297r 1307 207

- Fragmenta
232 38
302 102
567 05
576 102
Scholia Acharn. 54 49
» Equ. 2 50
Aristoteles
Ethica Eudemia VIII, 1241b 87
Oeconomica I, 1344b 92, 102
Politica
I, 1252b 62
I, 1253b 87, 122, 123
I, 1254a 87
I, 1254b 124, 125
I, 1255a 7, 118, 125, 126
I, 1255b 70, 87, 125, 127
I, 1256a 87
I, 1259b 227
I, 1260a 127
I, 1260b 32
II, 1273b 22
II, 1274b 22
III, 1275b 25
III, 1277a 68, 71
III, 1278a~72,50
IV, 1291b 80, 81
IV, 1296a 13
IV, 1299a 52
V, 1304a 80
V, 1315a 25
VI, 1321b 43
Respublica Aeginensium, fr. 35
Respublica Atheniensium (Athemensium Politeia)
2 7, 8, 0, 22, 27
5 0, 13, 17
6 0, 20, 27, 20
9 20, 27, 20
12 20
15 25
16 45
22 77
24 57, 45, 40
26 52
40 27
42 50, 50
47 76, 83
50 52
52 00
54 49, 82
57 88
58 00
Schol. Rhet. 73 B—G 124
Rhetorica II, 127 D 68
Athenaeus
VI, 263 G 77
"VI, 272 B 20, 52, 55
VI, 272 G 52
VI, 272 D 55
VI, 272 E—F 77
VI, 273 A 72
VII, 292 E 55
X, 432 E 107
XV, 685 D 68
Critias см. Athenaeus X, 432 E
Gtesicles 20, 52, 55, 52
Demosthenes
IV, 20 86
VIII, 47 81
IX, 3 200
IX, 18 74
XII, 55 00
XVII, 15 02
XX, 31—32 54
XX, 77 20
XX, 115 45
XXI, 46 55
XXIII, 11, 16, 34 5 *
XXV, 65 00
XXVI, 11 72
XXVII, 9 41, 47, 55, 64, 66, 72
XXVII, 18 66
XXIX, 25—26 94
XXXIII, 8—10 65
XXXIV 75, 50
XXXIV, 5 104
XXXIV, 35, 52, 215 5
XXXVI, 4 74
XXXVI, 5, 11 47
XXXVI, 44 74
XXXVII 76
XXXVII, 22, 24 68, 77
XXXVII, 29—30 74
XLI, 8 66
XLIII, 57—58 02
XLIV, 35 52
XLV, 71 46
XLV, 80 43
XLIX, 51—52 68, 72
LIII, 1 66
LIII, 4—5 74
LIII, 11 55
LIX, 29, 32 05
LIX, 21 02
LIX, 122 00
Diodorus
XI, 62 55
XVI, 89 02
Diogenes Laertius
I, 1 20
II, 56 20
V, 13 91
V, 54 50
Dionysius Halicarnassensis
De Isaeo 5 96
De Isocrate 1 72
Eupolis, fr. 225 05
Euripides

- Alcestis
- 192—193 225
212 224
638—639 110
747—836, 813 **114**
- Andromacha
12—13 **118**
29—55 **110**
56, 78—79 **114**
64, **113**
89, 96—99 **110**
109, 155 **110**
166—167 **69**
186, 199 **110**
261 **119**
326, 401 **110**
583 220
802—878 **116**
932—933, 941—942 **110**
- Bacchae 1027, 1032—1033 **113**
- Electra
78—81 **45**
286—287, 487—502 **115**
487, 493, 516, 567 **116**
602—603 **115**
605, 657 **116**
850 **115**
- Hecuba
55, 59, 99, 154, 234, 202 **110**
291—292, 328—329 **119**
332—333 **111**
354 **110**
362—363 **69**
397 **111**
415 **110**
420 220, 225
489 **110**
492—494 **69**
668 **113**
741, 756—757, 798, 810, 841,
842 222
905—955, 1048, 1051—1052 **113**
1253—1254 **111**
1809 **118**
- Helena
275 **118**
276 **119**
437—482 **111**
726—731 222
1640—1641 222, 224
- Heraclidae
130—131 **119**
229—231 **115**
630—691, 889—890 **114**
962—964 **120**
966, 974, 976—977, 981—982,
1012—1013, 1019—1020, 1022—
102& 222
- Hippolytus
176 225
- 204, 212, 223, 238, 288, 297
316, 338, 340, 348, 350, 353
433 225, **116**
517, 521, 603, 609, 611, 613, 615
695, 698—699 **116**
- Ion
524 **62**
556 **111**
674—675 **109**
735 **111**
745—746 **114**
761, 808—856 **116**
837—838, 854—856 222
925, 942 **116**
1382—1383 **109**
- Iphigenia Aulidensis 304, **313**,
855—895 **114**
- Medea
20, 34 225
54—55 224, 225
59, 60—61, 82—84, 1002—1018
225
1136—1140 **113**
1171—1180 224
- Orestes
106 **109**
917—922 45
1115 **111**
1167—1170, 1522 **110**
- Phoenissae
88—201 225
123, 139, 154, 173, 193 **116**
391, 392, 395 **110**
- Supplices
268 **93**
420—422 45
492—493 **119**
- Troades
185, 212, 233, 275 **110**
292 **113**
490—510, 577 **110**
668 **113**
764 **119**
905—955 **113**
991, 1021 **119**
1048, 1051—1052 **113**
1272—1280 220, **119**
1311, 1329—1330 220
- Fragmenta
44 **111**
49, 51, 52 **117**
58 225
86 224
87 220
133 225
215, 217, 247 **111**
263 225
315 222
514 227
515 **113**
- 533 227
690 227
828 225
858 224, 225
950 220
966 220
1008 **118**
- iarpocraton, s. v. $\theta\eta\tau\epsilon\varsigma$ 33, 38
- iellenica Oxyrhynchia 17 55
- iermippus 22
- lerodotus
I, 59 **8**
I, 120; II, 56 7
V, 6 **60**
V, 77 05
VI, 79 **66**
VII, 44 70
VIII, 75 **94**
- Hesiodus, Opera et dies 459, 573,
597, 602—603, 766 70
- Hesychius
S. v. $\kappa\upsilon\chi\lambda\omicron\varsigma$ 60
S. V. $\omicron\iota\nu\omicron\upsilon\sigma\sigma\alpha$ 69
- Hippocrates, Epidemia
II, 3, 4 **103**
IV, 2, 102 **103**
V, 35, 41; VII, 35 **103**
- Homerus
Illias XIV, 238—239 **118**
Odyssea XVII, 322—323 **84**
- Hypereides
II, 2 77
V, 204
V, 2 **67**
V, 5—6 75
V, 15 00, 05
V, 21—22 **91**
fr. 29 50, 55
- [saeus
II 55
II, 40—41 04
V 55
VI, 33; VIII, 35 47
VII, 12 00
fr. 15, 16 04
- Isocrates VIII, 21 52
- Libanius, Biographi graeci, Wester-
mann 126, 293 72
- Lycurgus, In Leocratem
41 27, **28**
58 72
60 5
76 52
- Lysias
I, 8, 11, 12, 16 04
I, 18 04, 202
V, 5 42, 45
VII, 16 204
X, 19 22
XII, 8, 9 42, 72
- XII, 19 47, 04, 72
XIII, 64 02
XIII, 67 00
-XXI, 10 **81**
XXIII 04
XXIII, 2 72
XXIV, 6 05, 50
XXX, 2, 27 55
XXXIV, argumentum 45
- Pausanias I, 32; VII, 15 20
- Philemon, fr. 95 224
- Pindarus, Pythia
IV, 71 **118**
IV, 73 02
- Plato
Alcibiades I 123 D 45
Gorgias 483 B 00
Ion 540 G 72
- Leges
IV, 720 G 00
V, 741 E 55
VI, 777 A 54
VI, 777 G 202
VI, 777 D 7, 202
VI, 777 E 205
VI, 781 A—B 52
VII, 808 D 00
VIII, 846 D 55
IX, 868 B—G; 872 B—G **101**
XI, 914 E 05
XI, 915 A 00
XI, 916 A 00
- Lysis 208 G, 223 05
- Phaedon 117 C—118 52
- Politicus 262 G—E 225
- Respublica
I, 351 D 202
V, 469 A—G; 479 A 00
VIII, 563 B 200
IX, 578 D—E 55, 05
- Symposium
175 A **68**
221 A 04
- Theaetetus 160 G **62**
- Plutarchus
Moralia
152 D=Septem sapientum con-
vi vi a 22
511E=De garrulitate 200
751B=Amatorius 22, 50, 02
- vita Aristidis 27 45
- vita Periclis
12 75, 55, 50
16 70
19 02
- vita Solonis
1 22
13 22, 22, 27, 20, 22
14, 16 25
23 22

О Г Л А В Л Е Н И Е

vita Themistoclis 14 **49**
 vita Thesei 36 **93**
 Pollux, Onomasticon
 II, 31 **70**
 III, 78 **29, 60, 102**
 III, 79 **101**
 VII, 20 **102**
 VII, 47 **100**
 VIII, 132 **48**
 Pseudo-Xenophon, Respublica Athe-
 aensium
 I, 10 **86, 100**
 I, 11 **103**
 I, 12 **52**
 I, 17 **70**
 I, 19 **42**
 Solo
 N 1 **14**
 N 3 72, **14**
 N 10 5
 N 24 22, **15, 16, 18, 21**
 Stobaeus, Florilegium II, p. 233 **69**
 Suda
 S. V. ἀπεψήφισατο **30**
 S. v. τοξόται **4P**
 Theognis
 v. 486 **112**
 v. 529-530 **21**
 v. 535-538 **£7**
 v. 925 **22**
 v. 1211-1216 **22**
 Theophrastus см. Diogenes Laer-
 tius V, 54
 Thucydides
 I, 29 **60**
 I, 31, 35 **36**
 I, 107 **51**
 I, 121 **81**
 I, 141-143 **80, 81**
 II, 13 **30, 32, 38, 49, 50, 52**
 II, 23 **37**
 II, 31 **34, 37, 50**
 II, 40 **85**
 II, 55 **46**
 II, 67 **50**
 II, 70 222, 222
 III, 3, 7, 16 **52**
 III, 17 **53**
 III, 50, 68 **60**
 III, 87 55, 52
 IV, 78 **60**
 IV, 90 **34, 51**
 IV, 93 **54**
 IV, 94 54, 52, 70
 IV, 101 **79**
 IV, 118 **88**
 IV, 129 **40**
 V, 3 **60**
 V, 23 **02**

VI, 3 **55**
 VI, 25 **49**
 VI, 27 **91**
 VI, 31 **79**
 VI, 43 **55**
 VI, 91 **46**
 VII, 13 **26, 78, 81**
 VII, 27 **26, 42, 46, 53, 54, 50, 71**
 VII, 63 **52**
 VII, 75 **78**
 VIII, 24 **38**
 VIII, 28 **25**
 VIII, 41, 62 **60**
 VIII, 72 **35**
 Timaeus **35**
 Tyrtaeus N 5 **III**
 Xenophon 0
 Agesilaus 1, 21 **61**
 Anabasis
 IV, 8, 4 **61**
 V, 8, 5 **79**
 VII, 3, 48; 4, 2 **00**
 Gyropaedia
 VII, 5, 6 **79**
 VII, 5, 73 **60, 118**
 De vectigalibus
 4, 6; 4, 7; 4, 11 **77**
 4, 14-15 **47, 55, 63, 76, 78**
 4, 17 **49, 78**
 4, 21 **102**
 4, 22 **50**
 4, 23 **00, 78**
 4, 24-25 **46, 53**
 4, 26-27 **50**
 Historia Graeca
 I, 4, 5 **5**
 I, 6, 14-15 **00**
 I, 6, 24 **27, 33, 39**
 II, 1, 19 **29**
 II, 3, 54-55 **82**
 IV, 5, 14 **79**
 V, 3, 2; 3, 4 **702**
 VII, 1, 4 **50**
 VII, 3, 11 **5**
 Memorabilia
 I, 2, 62 **90**
 II, 1, 16 **59**
 II, 3, 3 **56, 62**
 II, 5, 2 **00, 07**
 II, 8, 3-4 **70**
 II, 10, 2 **705**
 III, 7, 6 **50**
 III, 13, 6 **69**
 Oeconomicus
 4, 5 **45**
 9, 5 **45, 59**
 13, 10 **45**
 Respublica Lacae-demoniorum 2,
 I **05**

	Стр.
<i>Введение</i>	{>
<i>Г лава I.</i> Социальное положение аттического крестьянства к на- чалу VI в. до н. э.	7
<i>Г лава II.</i> Рабство в Аттике в V в. до н. э.	25
<i>Глава III.</i> Взгляды на рабство античных авторов	106
<i>Заключение</i>	128
<i>Указатель античных источников</i>	130

А Р И С Т И Д И В А Н О В И Ч Д О В А Т У Р

РАБСТВО В АТТИКЕ
В VI-V ВВ. ДО Н. Э.

*Утверждено к печати
Институтом истории СССР
Академии наук СССР*

Редактор издательства Т. Н. Богданова
Художник М. И. Разулевич
Технический редактор Г. А. Смирнова
Корректор К. С. Фридлянд

ИБ JSI 9110

Сдано в набор 04.10.79. Подписано
к печати 24.01.80. М-33534. Формат
60х90¹/₁₆. Бумага № 3. Гарнитура
обыкновенная. Печать высокая.
Печ. л. 87²=8.5 усл.л. Печ. л. Уч.-изд. л. 9.45,
Тираж 3550. Изд. W7474. Тип. зак. 781.
Цена 1 р.

Ленинградское отделение издательства
«Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская
лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12